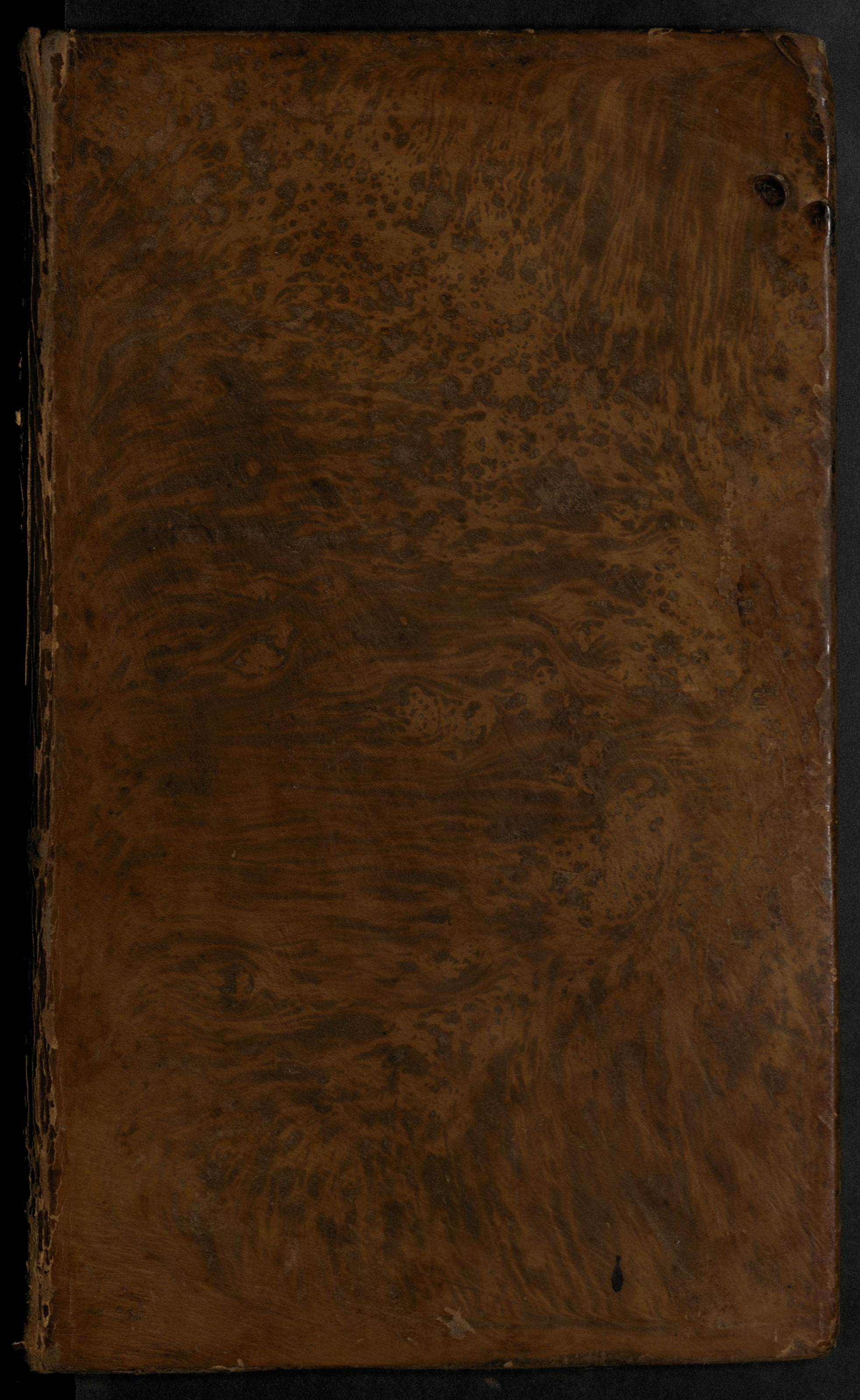

Бодран, Бартелеми
вар. Б.
1-й экз.

УЕДИНЕННОЕ БОГОМЫСЛІЕ,

или

НАСТАВЛЕНІЯ ХРІСТІАНСКОЙ ПРЕМУДРОСТИ,

воскриляющія

ДУШУ

къ

СЕЛЕНІЯМЪ НЕБЕСНЫМЪ

Часть I.

Перевелъ съ иностраннаго бывшій Пагкратіевскій Діаконъ, а нынѣ Никитскій, что за Яузой, Священникъ Иванъ Михайловъ.

Съ [illegible] і.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи
у Ридигера и Клаудія, 1798.

И полещу, и почїю.

Пс. LIV. ст. 7.

СВЯТѢЙШАГО
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА
ЧЛЕНУ,
ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ
ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ
ПЛАТОНУ,
МИТРОПОЛИТУ
МОСКОВСКОМУ и КАЛУЖСКОМУ
И
СВЯТО-ТРОИЦКІЯ СЕРГІЕВЫ ЛАВРЫ
СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТУ,
ОРДЕНОВЪ
Святаго Андрея Первозваннаго и
Святаго Александра Невскаго
КАВАЛЕРУ,
МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ОТЦУ
И
АРХИПАСТЫРЮ
усерднѣйшее приношеніе.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ
ВЛАДЫКО!

МИЛОСТИВѢЙШІЙ АРХИПАСТЫРЬ
и ОТЕЦЪ!

Образъ жизни Вашея показуетъ, что для воскриленія души къ селеніямъ Небеснымъ нѣтъ надежнѣйшаго средства, какъ Уединенное Богомысліе. *Сообразно убо Святости житія Вашего покушаюсь я посвятить Вамъ новый плодъ трудовъ моихъ:* Уединенное Богомысліе. *Мала жертва; но недостатокъ оныя дополняетъ усердіе, а паче, уповаю, дополнитъ избытокъ Вашея мудрости и великодушія.*

Не лишите, милостивѣйшій Архипастырь! начатокъ прино-

шенія сего благосклоннаго своего пріятія. Тако ревнующіе о угожденіи Вамъ посильными истощаньми для благоуспѣшнаго совершенія недоконча̀ннаго окрылатѣютъ яко орли; и - будучи ободрены Вашимъ снисхожденіемъ потекутъ веселящеся къ намѣренному; потекутъ и не утрудятся.

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА,

МИЛОСТИВѢЙШАГО ОТЦА

и АРХИПАСТЫРЯ

нижайшій послушникъ
Священникъ Иванъ Михайловъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Читатель!

Много въ свѣтѣ набожныхъ сочиненій; сочиненій, въ которыхъ помѣщены многія духовныя наставленія: но нѣтъ, или мало такихъ, въ которыхъ бы объ одной матеріи собраны были многія различныя сужденія; а сія переведенная книжка и другія ея части точно такого вида.

Здѣсь важнѣйшія и полезныя Христіанскія истины изображены столь основательно и убѣдительно, не менѣе связно и чувствительно. Здѣсь наблюдена красота и пріятность словесности, да не опущена также сокровенность мыслей, сокровенность самая трогательная и приспособленная каждаго понятію. Здѣсь спасительныя наставленія, просвѣщающія разумъ и образующія сердце истымъ благочестіемъ такъ

совокуплены, что не льзя ожидать, дабы онѣ любителя чистой нравственности не могли заохотить къ ревности о внутреннемъ совершенствѣ.

Естьли, хотя въ нѣкоторыхъ и нѣкоторыя по прочтеніи сея книги возродятся набожныя чувствія, а отъ чувствій возрастетъ святость жизни: то дѣло потрудившаго издать оную въ свѣтъ лучше сего возмездія ни чѣмъ не можетъ быть награжденно.

ПОКАЗАНІЕ НАСТАВЛЕНІЙ

въ сей Части содержащихся.

НАСТА-

―――

ПОКАЗАНІЕ

Стран.

Уединенное Богомыслие,

или

Наставленія Хрістіанской Премудрости.

Наставленіе I

О Служеніи Богу.

Какое размышленіе прочихъ основательнѣе и усладительнѣе для вѣрующихъ? Не сіе ли, чтобъ, служа Богу, всѣ были увѣрены, что они служатъ высочайшему и лучшему Начальнику? — Подлинно оно составляетъ для насъ *необиновенный залогъ* служить Господу съ ненарушимою вѣрностію и съ благочестнымъ веселіемъ.

Въ свѣтѣ много надъ нами начальниковъ; ибо много въ свѣтѣ людей великихъ, щастливцевъ вѣка, Князей; . . . симъ различнымъ начальникамъ служатъ и за щастіе еще считаютъ

таютъ служить имъ: но въ самой сущности что они значатъ? — Люди великїе всѣ ли лично велики? — Люди богатые что составляютъ безъ своихъ сокровищь и безъ своего обилїя? — Вельможи, не смотря на поверхнюю ихъ блистательность, не открываютъ ли намъ часто великихъ слабостей? По сему одинъ только Богъ есть истинно всѣхъ вышшїй начальникъ во вселенной; онъ только одинъ достоинъ быть Господемъ мїра; ибо онъ только можетъ носить на себѣ и не ослабить сїе великое имя. Всѣ другїе власти слабы, недостаточны, несовершенны; а по сему нѣтъ,ктобы изъ нихъ не имѣлъ надъ собою другаго начальника; и — естьли не на землѣ, то непремѣнно на небеси всѣ должны тому повиноваться, иже единъ превыше всѣхъ царствуетъ, всѣми правитъ, и всяческая подъ ноги свои покоряетъ.

Сему-то Верховному Господу жертвовать всѣми служенїями духа и сердца своего мы обязаны почитать себѣ за славу; для сего то мы поставлены на землѣ: ибо съ самой первой минуты созданїя нашего внѣдрены на скрижалѣхъ дыханїя и движенїя каждаго человѣка сїи великїя словеса: *Господу Богу тво-*

твоему поклонишися. Вышняго боготвори, и тому единому предпочтительно работай, *и тому единому послужиши.* (*) И такъ съ перваго воззрѣнія нашего на свѣтъ Богъ какъ бы запечаталъ насъ своею печатію на служеніе въ славу его. Священное обязательство сіе отъ зачатія нашего возрастаетъ въ насъ болѣе и болѣе, изъ возраста въ возрастъ становится нужнѣе, словомъ, оно столько же намъ свойственно, какъ бытіе, столько же къ намъ близко, какъ жизнь, столько же древне, какъ наше начало и столько же должно быть нескончаемо, какъ наше безсмертіе.

Кромѣ сего естественнаго обязательства, обязательства износимаго нами въ свѣтъ при исхожденіи изъ утробы матернія, есть еще обязательство другое, обязательство завѣтное, самопроизвольное, а по сему перваго важнѣйшее. Оно состоитъ въ памятованіи и въ соблюденіи клятвъ, данныхъ нами Богу *при Крещеніи.* — Вообразимъ: въ какой мы вступаемъ договоръ съ Создателемъ при исполненіи сего таинства? Не въ сей ли, что какъ скоро выходимъ изъ купели; то

(*) Мат. IV. 10.

мы уже *не свои, а Господни*? и — Богъ каждому изъ насъ особенно можетъ глаголати: „ты не себѣ, а мнѣ при„надлежишь. — Подлинно! лишь только мы отродимся водою и духомъ; съ сего времени мы уже чада Божіи бываемъ, а не дѣти человѣчестіи; съ сего времени нѣтъ для насъ вышшаго достоинства, какъ сохранять залогъ отрожденія и почитать лучше всѣхъ титло *вѣрнаго служителя Божія.* — Достоинство славное; ибо оно твореніе малостоющее уравниваетъ частію существу всѣхъ высочайшему. — Достоинство очень высокое; ибо оно превозноситъ насъ выше міра и себя самихъ. — Достоинство первѣйшее предъ всѣми; ибо мы его должны почитать за душу нашихъ помышленій, за причину нашихъ дѣяній, за правило всея нашея жизни. — Достоинство такое, которое, естьли понимаемъ цѣну его, должны всегда имѣть предъ своими очами, всегда представлять въ разумѣ, чувствовать въ сердцѣ, всегда находить его обязаны въ прочихъ должностяхъ, предпочитая всякому служенію человѣческому и — естьли нужно, жертвуя ему всѣми временными достоинствами.

Таковы были чувствованія Пророка Іоны! Богъ посылаетъ его въ Ніневію,

вїю; онъ поспѣшною ногою вступаетъ въ корабль и плыветъ въ опредѣленное мѣсто; наступаетъ буря, погибающїи молятся; Іона спитъ. Сїя видимая безпечность побудила, чтобъ кормчїй разбудилъ истиннаго праведника, разбудилъ и спросилъ его: „кто ты такой? за чемъ? откуда, и въ какую страну отправляешься? *Отъ кїихъ людей еси ты? что твое дѣланїе есть? откуду грядешъ, и камо идеши* (*)? — Я служитель Божїй, — *рабъ Господенъ есмь азъ*, отвѣчаетъ пробужденный Іона. — Странные глаголы Пророка! ему предложены четыре вопроса; а онъ даетъ одинъ только отвѣтъ и думаетъ онымъ въ разсужденїи всего удовольствовать. — *Рабъ Господенъ есмь азъ*! все мое званїе, качество, должность состоятъ единственно въ семъ достоинствѣ, что я слуга Божїй. Благороднѣйшїя чувствованїя! сколь много онѣ приличествуютъ вѣрному Хрїстїанину! — *Я рабъ Божїй*; вотъ наше имя, наше прïименованїе, наше достоинство, наша надежда! Другїе пусть домогаются снискать себѣ громкую фамилїю, пышныя титла, — между

 людь-

(*) Іоны. I. 9.

людьми пусть одни будутъ называться великими, богатыми, сильными, — другіе героями, побѣдителями, завоевателями; мы имъ не завидуемъ; или не должны завидовать: ибо для Христіанина нѣтъ лучшаго званія и чести, кромѣ: *азъ рабъ Божій.* Дальновидные и предпріимчивые міролюбцы пусть только и мечтаютъ о своемъ высокомѣріи, щастіи, могуществѣ: но для насъ вся слава служить Богу, вся хвала почитать Господа, все щастіе жить и окончать животъ рабомъ Божіимъ.

Таково есть величество души, до котораго возвышаетъ насъ служеніе истинному Богу! и столь благородны чувствованія, которыя оно вдыхаетъ въ сердцѣ наше! Въ какомъ бы кто ни былъ состояніи, всякой изъ насъ можетъ говорить: *азъ рабъ Божій*, говорить и чувствовать цѣну служенія сего. Будемъ мы весьма низки, или очень высоки, всѣ равномѣрно можемъ востекать къ славѣ сей, всѣ равномѣрно можемъ ублажать жребій сея спасительныя зависимости отъ Бога, зависимости всѣ прочія дѣла наши освящающей и возвышающей.

Правда, — Христіанинъ долженъ служить и земнымъ начальникамъ;

камъ; ибо сего требуетъ отъ него благосостоянiе общественное; но служенiе Богу поддерживаетъ служенiе человѣкомъ. *Отецъ семейства* любитъ чадъ своихъ, неусыпное о ихъ благополучiи имѣетъ старанiе, — заботы; но будучи ихъ главою, естьли онъ вообразитъ, что на такой степени Богъ его поставилъ; по сему нѣжность чувствiй своихъ онъ ко всѣмъ дѣтямъ будетъ имѣть равномѣрную, непогрѣшительную. Сынъ повинуется отцу своему; но почитая въ немъ образъ Отца Небеснаго онъ болѣе его боится и любитъ. Супруга послушная своему мужу; но въ лицѣ его усматривая жениха души своей, она старается жизнь свою вести цѣломудреннѣе. Рабъ покоренъ господину своему, это долгъ его; но естьли въ господинѣ своемъ онъ видитъ и почитаетъ невидимаго Господа; то всякой наложенной трудъ кажется ему легче и награда усладительнѣе. Подданный служитъ своему Государю, сего требуетъ отъ него подчиненность: но воображая, что служа ему благоугождаетъ вмѣстѣ Царю царей; по сему онъ бываетъ нелѣностнѣе, вѣрнѣе. Какiя благородныя чувствованiя! какое утѣшенiе изъ оныхъ проистекаетъ для душъ благочестн-

честивыхъ! какая слава для вѣрующихъ!

О когда бы всѣ знали, какому служатъ начальнику, служа Богу, какъ бы всѣ ему служили! Языкъ имѣлъ ли бы столько выраженій, духъ мыслей, сердце чувствованій, жизнь продолженія, сколько бы ими мы захотѣли ему пожертвовать! Съ какимъ старанïемъ, съ какою вѣрностïю, съ какимъ ревнованïемъ, съ какимъ усердïемъ, съ какимъ жаромъ мы бы исполняли предъ нимъ служенія наши! Неусыпное *старанïе* употребляли бы на познанïе Святыхъ изволеній его, — непреоборимую *вѣрность* на исполненïе оныхъ въ ту самую минуту, какъ скоро узнали бы ихъ, — особенное *ревнованïе* на обращенïе всѣхъ дѣлъ нашихъ во славу его, — примѣрное *усердïе* на предупрежденïе желаній Преблагаго о насъ Промыслителя, — неугасимый *жаръ* на преодолѣнïе всѣхъ трудностей и препятствъ, встрѣчающихся при жертвованіи Богу служенïемъ нашимъ. Такъ ли доселѣ мы служили Господу? — или вмѣсто старанія, вѣрности и прочихъ благородныхъ чувствій мы оказывали слабость, непостоянство, нерадѣнïе, хладнокровïе? Не должно ли стыдиться служенія сего?

Все-

Всевѣдче Боже! ты Преблагїй нашъ начальникъ; но мы непотребнїи раби твои. — Велицыи мїра желаютъ, чтобъ имъ служили великїи же; а ты хощеши, чтобъ тебѣ работали праведнїи. По сему достоинству можемъ ли мы назваться твоими служителями? Унижающїяся души! оставимъ наименованїе наше, или воспрїимемъ сообразныя Хрїстїанству чувствованїя; постыдимся нашего поведенїя, или престанемъ нарицаться родомъ избраннымъ. Возвратимъ упущенїе свое приношенїемъ Богу новыхъ и усерднѣйшихъ жертвъ служенїя нашего.

Создатель имѣетъ еще на землѣ вѣрныхъ и достойныхъ имени своего служителей; позавидуемъ ихъ благополучїю; потщимся подражать ихъ примѣру.

НАСТАВЛЕНIЕ II

О

Благости Божїей.

Служа Богу своему мы служимъ изъ всѣхъ лучшему Начальнику; а по сему не должно ли намъ работать ему съ благочестнымъ веселїемъ?

Подлинно, ничто насъ такъ не побуждаетъ на дѣло сіе, какъ неизглаголанные источники Божія къ намъ Благости. — Размыслимъ объ нихъ, и мы удивимся онымъ. Естьлиже доселѣ они утекали отъ разума нашего; то отъ нынѣ пусть вѣчно внѣдрятся въ сердцахъ нашихъ.

Но повергнувшись предъ лицемъ Божіимъ, и имѣя желаніе постигнуть виды Благости его, попросимъ, чтобъ онъ съ сея минуты и на всю жизнь не лишалъ насъ свѣта премудрости, открывающаго намъ во всемъ его величіи безконечное милосердіе.

Благость Божія изливаетъ на насъ неизчислимыя благодѣянія. Богъ для того кажется богатъ въ себѣ самомъ, дабы насъ обогащать своими дарами. Сколько милостей и щедротъ источаетъ онъ на насъ ежедневно! сколько лучей для просвѣщенія разума, сколько знаковъ благоутробія для пораженія сердецъ, сколько вспоможеній для освященія всего человѣка! Есть ли одна минута въ жизни нашей, которая бы не была запечатлѣнна какимъ нибудь благодѣяніемъ? И вотъ что всего удивительнѣе, — Богъ ежечасно, обильно, вездѣ и на всѣхъ изливаетъ милости свои; а источникъ щедротъ

его

его не истощается. Хотя мы недостойны, хотя мы неблагодарны, хотя предвидитъ Сердцевѣдецъ, что мы дары его употребимъ во зло и видитъ, что употребляемъ: однако все еще не престаетъ быть щедрымъ. Наша неблагодарность не сжимаетъ благодѣтельныя десницы его, наше жестокосердїе не погашаетъ божественныя любви его.

Благость Божїя сноситъ наши преступленїя, и сколько ихъ въ насъ находится? Неисчерпаемая бездна! бездна нерадѣнїя, слабости, маловѣрїя, упустительности! — Естьли мы о чемъ Бога просимъ: съ какимъ хладнокровїемъ? Естьли мы грядемъ ему во слѣдъ: съ какою медлительностїю? Естьли мы ему работаемъ: съ какою усталостїю? — Богъ все сїе видитъ, сноситъ, терпитъ, ожидая нашего исправленїя. Мїръ, доколѣ мы ему служимъ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, льститъ нѣсколько чувствамъ нашимъ своими очарованїями; но спустя мало времени, при наклоненїи жизни нашей къ старости, онъ уже оставляетъ насъ и не знаетъ; что жъ касается до Бога, онъ вѣчно Благъ къ намъ; онъ и тогда къ намъ милостивъ, когда мы сами принуждаемъ его, чтобы

насъ

насъ оставилъ. Мы столько же пріятны ему и при концѣ живота нашего, сколько въ началѣ рожденія; столько же любезны ему при закатѣ дней своихъ, сколько при восхожденію оныхъ. *Преблагій* милостивъ къ намъ отъ зачатія нашего до дверей гроба; въ самый послѣдній часъ самое послѣднее издыханіе наше онъ пріемлетъ съ утѣшеніемъ. Неописанный Человѣколюбецъ! какъ раби виновные, или по крайней мѣрѣ безполезные могутъ быть еще тебѣ любезны? Менѣе ли бъ ты пребылъ блаженнымъ, естьли бы недостойныхъ отвергнулъ? . . . .

Твоя Благость, Боже! прощаетъ намъ согрѣшенія наши. Въ семъ то случаѣ паче прочихъ сіяетъ неизреченное благоутробіе Превѣчнаго. Начальники свѣта могутъ быть къ намъ снисходительны и бываютъ, — только до нѣкоторой степени. Прощаютъ они первыя преступленія, прощаютъ и вторыя, — но третьи, четвертыя, безчисленныя простятъ ли? Нѣтъ! они не захотятъ болѣе имѣть слугу непотребнаго, или тотчасъ его накажутъ. Но Богъ, долготерпѣливый и милостивый, при самой безмѣрности грѣховъ нашихъ извиняетъ намъ, снисходитъ, прощаетъ. Сколько же разъ и доколѣ?

Ели-

Елико падемъ, — востанемъ и спасемся. Нѣтъ изъ даровъ Благости Божїя сего удивительнѣе!

Въ жизни нашей только и видны паденїе, да *возстанїе*, непостоянство, да *перемѣна*; но Богъ *никогда не измѣняется*. Послѣ многихъ неисполненїй нашихъ обѣщанїй, нашихъ рѣшимостей, мы вновь обѣщаемся Богу, и Богъ еще насъ слышитъ. Въ нашихъ раскаянїяхъ на всякомъ мѣстѣ, въ нашихъ исповѣданїяхъ предъ лицемъ престола завѣтнаго, сколько скрывается несправедливости и лицемѣрїя? Почти всегда у насъ тѣже преступленїя, тоже маловѣрїе, таже упустительность; а въ Богѣ всегда тоже милосердїе, таже Благость. Тысячу разъ мы пали, онъ тысячу разъ прїемлетъ насъ съ любовїю, естьли только мы обращаемся къ нему чистосердечно, прїемлетъ, и вмѣсто укоризны, обличенїй, наказанїя всякаго готовъ утѣшить симъ радостнымъ гласомъ: *иди въ миръ*. (*) Преблагїй Господи! чѣмъ болѣе изливаются на насъ милости твои, тѣмъ паче мы обязаны чувствовать сокрушенїе о грѣхахъ своихъ. Обличенїя, кото-

(*) Мар. V. 34.

которыя Отеческое твое сердце еще медлитъ учинить намъ, мы сами себѣ должны произносить непрестанно. Душа наша ни чемъ не можетъ быть сильнѣе поощрена къ исправленїю, какъ избытками, или неизмѣримостїю твоихъ благостей.

За симъ, обратившись къ Богу, естьли мы что нибудь для него сдѣлаемъ: съ какою Благостїю и чемъ онъ насъ не награждаетъ? Служа мїру смертные истощеваются, сохнутъ, умираютъ, и за симъ не рѣдко что встрѣчается? Безчисленнымъ рабамъ свѣта сего при ихъ сокрушенїи, при ихъ слезахъ, и при ихъ отчаянїи не говорятъ ли тоже, что нѣкогда сказалъ Святый Духъ, имъ подобно нещастнымъ: *много трудистеся и мало собрасте.* Не говорятъ ли? да и что въ семъ удивительнаго; ибо при служенїи мїру сколько трудовъ остается неизвѣстныхъ, между извѣстными сколько непрїятныхъ, между прїятными сколько ненагражденныхъ, или награжденныхъ, но не по заслугамъ! Но въ служенїи Богу все напротивъ; ибо Сердцевѣдцу все извѣстно, все прїятно, все отъ него награжденно; ничто не скрыто отъ очей его, ничто неудалено отъ сердца его. Онъ не токмо

дѣя-

дѣянія великія, дѣянія геройскія увѣнчаваетъ славою, но подвиги малѣйшіе, жертвоприношенія посильныя. Стаканъ воды, поданный во имя его, будетъ награжденъ во всю вѣчность.

Однако и при семъ еще очень мало понимаемъ мы Благость Божію. О другихъ Превѣчнаго совершенствахъ, о его могуществѣ, премудрости, правосудіи разумѣваемъ нѣчто; но ничто о Благости, поелику сами жестокосерды. Благъ Богъ нашъ, Благъ на всякое время; таковъ онъ былъ отъ начала, таковымъ пребудетъ и во вѣки; Благъ ко всѣмъ; ибо онъ дождитъ на праведные и на неправедные; сіяетъ солнце на безблагодатные и злые; а мы все живемъ самолюбно, пристрастно, немилосердо.

Благъ есть Богъ нашъ, и изъ всѣхъ его совершенствъ есть ли что непостижимѣе его Благости? Размыслимъ о всемъ, что онъ сотворилъ для человѣка. — Богъ съ Небесъ нисходитъ на землю, облекается въ мертвенность нашу, подвергается немощамъ нашимъ, окончиваетъ жизнь свою на крестѣ, и не довольствуясь быть на немъ закланнымъ единожды, онъ и нынѣ по вся дни закалается на престолѣ. При созерца-

зерцанiи сихъ великихъ таинствъ мы удивляемся благости Божiей; и при семъ оную очень мало постигаемъ. И подлинно, намъ ли слабыми мечтанiями ума своего измѣрять неизслѣдимую пучину благоутробiя Божiя? Мы помышляемъ яко человѣки; а онъ дѣйствуетъ яко Богъ. *Благъ* Богъ нашъ; все изъяснено симъ единымъ словомъ *благъ* . . . или сего еще недовольно? Онъ весь Благость, и не иное что, какъ самая Благость.

Такому-то, или еще большему мы служимъ Начальнику; а посему какое для насъ благополучiе служить ему? Онъ благъ, милостивъ, сострадателенъ, щедръ, великодушенъ, совершенъ: какiя же мы должны питать къ нему чувствiя? Съ какимъ удовольствiемъ, утѣшенiемъ, радостiю мы обязаны носить на себѣ имя служителя его? Сколько должны ублажать жребiй свой, и благословлять Небеса за предъизбранiе наше въ достоянiе сiе? Всѣ помышленiя духа, всѣ движенiя сердца, всѣ минуты жизни своей употребимъ на жертву служенiя Богу и усугубленiя своего блаженства.

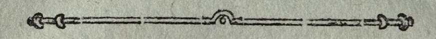
Но! — такъ ли мы работаемъ Господеви? Съ симъ ли жаромъ, усердiемъ и радостiю, или ему служатъ,

но

но служатъ всѣ хладнокровно, лѣностно, прискорбно. Значитъ ли сіе *служить*? Ему работаютъ, но работаютъ съ неудовольствіемъ, съ унынїемъ, съ печалїю; несутъ бремя его съ ропотомъ и неблагодарностїю. Означаетъ ли сїе работать Господу? Ему служатъ, но съ ужасомъ, и какъ бы всегда съ содроганїемъ узническимъ: сїе не естьли безчестїе для Существа Человѣколюбнаго? Оставимъ ужасный и мятежный духъ сей; воспрїимемъ мысли достойнѣйшїя Бога и его Благости. Убоимся Величїя его, но страхомъ сыновнимъ, разширяющимъ сердце, а не трепетомъ рабскимъ, сжимающимъ душевныя чувства. — Послужимъ ему съ веселїемъ, оживляющимъ духъ, лице и всю жизнь нашу. А для сего потребно ли намъ собою ему жертвовать? Да жертвуемъ великодушно. Нужно ли нести крестъ? Да несемъ безъ огорченїя. Надобно ли испытать подвиги страдальческїе? Да течемъ посредѣ ихъ не видя, не хваляся, любя и утѣшаясь единственно благоугожденїемъ Богу. *Работающе Господеви въ веселїи* (*), разсуждающе, что естьли всѣ неодушевленныя твари служатъ по опредѣленїю своему къ

(*) Пс. XCIX. 2.

славѣ Божїей: то мы ли должны употреблять во зло разумъ свой и волю, удаляясь отъ служенїя Богу?

НАСТАВЛЕНІЕ III.

О
Мірѣ.

Міръ намъ льститъ, льстя насъ обманываетъ, обманывая погубляетъ. Разсмотримъ его подъ сими чертами, и мы прилѣпляться къ нему перестанемъ.

Міръ намъ льститъ. Симъ-то онъ насъ уловляетъ въ сѣти свои и дѣлаетъ плѣнниками. Міръ льститъ нашимъ страстямъ, страсти заражаютъ сердце, а сердце уловляетъ самую душу, какъ бы нѣсколько уже прїуготовленную къ соблазну сему. Превратности свѣта намъ кажутся прїятными: ибо они представляютъ намъ однѣ игры, забавы, пиршества, гулянья, ослѣпляющїя взоръ и увлекающїя сердце. Міръ обѣщаетъ намъ однѣ радости, удовольствїя, наслажденїя; а по сему юноша лишь только вступаетъ въ него, ему все кажется приманчивымъ, очаровывающимъ, служащимъ къ

къ исполненію всѣхъ его желаній, вступаетъ и ничего не видитъ подъ ногами своими, кромѣ пути, усѣяннаго цвѣтами; а по сему воображаетъ, что всѣ дни живота его будутъ дни веселые, щастливые, спокойные, доставляющіе ему полное человѣческое блаженство, и сіе вѣрно ли? . . . .

Міръ намъ льститъ, — и мы любимъ обольщаться. Ибо гнусная привычка къ сладострастію, гнусная наклонность къ разсѣянію лишаютъ насъ при такомъ случаѣ разсудка и проницательности. Мы болѣе тѣмъ занимаемся, что чувственности нравится, и ничего столько не боимся, какъ безпокойствъ и смущеній, нарушающихъ наше сладострастіе. Какое вредное упоеніе! Какое неизвинительное заблужденіе! Когда они прейдутъ? Надобно ожидать перемѣны, которая откроетъ намъ очи.

Сыне мой! сказалъ нѣкогда Премудрый, ежели міролюбцы въ льстивыхъ своихъ обѣщаніяхъ представляютъ сладость меда, не вѣрь имъ; это обманчивой ядъ, ядъ пріятный гортани; но онъ нѣкогда растерзаетъ твою утробу. *Сыне! егда прельщаютъ тя мужіе нечестивіи, не внимай словесемъ ихъ: медъ бо каплетъ отъ устенъ, по-*

слѣди же горчае желчи его обрящеши (*). Совѣтъ благоразуменъ: но что пользуютъ совѣты предъ примѣрами? Когда сердце увлечено; тогда разумъ разсуждать не умѣетъ. И по сему-то мiръ, *льстя* намъ, всегда насъ *обманываетъ*.

Мiръ обѣщаетъ намъ много, а доставляетъ мало, и сiя малость не столько насъ дѣлаетъ довольными, сколь часто бываетъ источникомъ безпокойствъ и огорченiй; ибо болѣе шести тысячь лѣтъ мiролюбцы ищутъ себѣ щастiя, и изъ нихъ никто еще не могъ его прiобрѣсть. Мiръ тысячу людей сдѣлалъ нещастливыми, а истинно благополучнымъ еще ни одного; и мы, прилѣпляясь къ нему, все не выходимъ изъ своего заблужденiя, все на него полагаемся. По сему справедливо обтекаютъ насъ неудовольствiя и огорченiя посредѣ обманчиваго мiра!

Въ свѣтѣ что есть основательное, на что намъ въ немъ можно было бы положиться? Сердца у ближнихъ нечувствительны, родственники хладнокровны, друзья непостоянны, непрiятели хитры, богатства гиблемы, чести

(*) Прит. I. 10. V. 3.

чести перемѣнны, удовольствїя обманчивы, — вездѣ добро мнимое, а зло совершенное. Вотъ каковъ въ сущности своей свѣтъ! по сему сладкїе на одну *минуту* его призраки ничего намъ не доставляютъ, кромѣ горести. Подлинно! Коликократно для многихъ радостные дни перемѣнялись въ дни печальные! Коликократно многїе посредѣ великолѣпїя и зрѣлищь видѣли одно неудовольствїе и скуку! Коликократно стонъ человѣческихъ воздыханїй раздавался посредѣ музыкъ и сладкопѣнїй! И такъ надеженъ ли для насъ мїръ?

Два любезныя сердца учреждаютъ между собою залогъ брачности; сїе клонится къ ихъ благополучїю; но вдругъ одно изъ нихъ въ цвѣтѣ дней своихъ восхищается смертїю, а другое остается принужденнымъ большую часть жизни своей проводить въ слезахъ, въ воздыханїяхъ, въ печали. Многїе скопили великое себѣ богатство, востекли на вышшую степень блистательныхъ почестей; но переворотъ щастїя вдругъ разрушилъ зданїе ихъ мечтательностей, и — владѣтели погребены уже подъ развалинами своихъ сокрушенныхъ идоловъ. Вотъ каковъ въ себѣ мїръ! сколь многїе нещасливцы на

него полагаются и подобною бываютъ жертвою!

Однако онъ и по днесь имѣетъ еще своихъ обожателей, и не перестаетъ безжалостно погублять ихъ. Что день, то новыя видитъ предъ собою жертвы изъ сердецъ неопытныхъ, непримѣтно его же вѣроломною рукою закалаемыя. Мїръ ведетъ смертныхъ по цвѣтущимъ и прїятнымъ долинамъ, но подъ цвѣтами, — но подъ ногами — водимыхъ скрываетъ онъ ужасныя пропасти, готовыя поглотить ихъ. Тысячи такихъ примѣровъ съ нами встрѣчаются и тысячи сїи насъ не исправляютъ. Кто нынѣ утѣшается обманчивыми прелестьми свѣта; тотъ на утро дѣлается самъ его потѣхою и игралищемъ. Какое печальное зрѣлище, естьли человѣкъ по превратности щастїя, по упадкамъ общежитейскимъ, или по наказанїю Божїю бываетъ оставленнымъ, презрѣннымъ и кинутымъ отъ мїра, подобно корабельнымъ обломкамъ, послѣ великаго кораблекрушенїя разбрасаннымъ по брегу морскому! Теперь кто воображаетъ о веселостяхъ: но се возстаетъ буря, растворяетъ пучину злоключенїй, и — помышляющїй о торжествахъ, ликованїяхъ ею поглощается.

Такъ-

Такъ-то міръ льстя человѣку и обманывая погубляетъ его!

Міръ насъ *погубляетъ*. Но не довольно ли бы для него льстить и обманывать? не довольно ли бъ для него насъ доводить до развращенія? нѣтъ, онъ насъ *погубляетъ*: ибо міръ вражда есть на Бога и Богъ его проклинаетъ. Кромѣ сего міръ насъ погубляетъ какъ по сему, что намъ не льзя служить двумъ начальникамъ вмѣстѣ, и что правила міра противны правиламъ Евангельскимъ, такъ и потому, что міръ возжигаетъ и питаетъ наши страсти, что всѣ обольщенія, имъ представляемыя намъ, препятствуютъ нашему спасенію, и что всѣ его примѣры заразительны, слова развращенны, опасности неминуемы, бѣдствія плачевны, словомъ, поелику все въ немъ вредъ и пагуба.

Міръ насъ погубляетъ, поелику онъ очи наши закрываетъ завѣсою, которую мы поднять не смѣемъ; заключаетъ насъ въ оковы, которыхъ мы разорвать не можемъ, стеная подъ неизобразимою ихъ тяжестію. Міръ насъ погубляетъ, поелику всякой, гнушаясь быть его плѣнникомъ, самъ охотно покоряется владычеству его и впадаетъ въ сѣти, когда ласкается оныхъ избѣгнуть. Ежечасно мы жалуемся на міръ,

все почитая въ немъ за суету и ничтожество; по сему всегда рѣшительно хотимъ его оставить, но все еще не оставляемъ! Ежечасно мы себѣ говоримъ: что есть мiръ? говоримъ въ тѣ щастливые часы, когда насъ трогаетъ благодать, собесѣдуетъ совѣсть, разглагольствуетъ Богъ; однако все еще любимъ мiръ, все еще содержимся въ узахъ его, все еще не отважимся предпрiять того Христiанскаго мужества, которое бы, освободивъ отъ мiра, могло прилѣпить насъ и къ Богу и къ Вѣрѣ.

Между тѣмъ мiръ преходитъ и мы преходимъ съ мiромъ. Дни протекаютъ, лѣта уходятъ, и мiръ оставитъ насъ прежде, нежели мы его оставимъ. Тогда, можетъ быть, вѣчно мы будемъ оплакивать толико безплодныхъ трудовъ, толико потерянныхъ лѣтъ, толико во зло употребленныхъ даровъ Божiихъ; мы будемъ нѣкогда проклинать мiръ сей, будемъ гнушаться и ненавидѣть то, что нынѣ любимъ: но не поздноли сiе будетъ? . . .

Нынѣ да устрашимся мiра, ибо онъ льститъ намъ, нынѣ престанемъ довѣрять ему, ибо онъ насъ обманываетъ, нынѣ его возненавидимъ, ибо онъ насъ погубляетъ. — Нещастенъ, кто его не знаетъ,

знаетъ, нещастнѣе, кто съ нимъ соединяется; безконечно нещастенъ, кто сраспявшись мiру рѣшился умереть въ немъ! ибо Богъ есть нашъ начальникъ, а мiръ насильственникъ; Богъ есть Отецъ нашъ, а мiръ мучитель; посвятимъ себя тому, кому должно. Да и какъ намъ можно оставить Бога? По крайности остаткомъ дней своихъ ему пожертвуемъ, и малость исходатайствуетъ еще намъ блаженную вѣчность.

Благополученъ смертный, которому Богъ открылъ очи въ разсужденiи ничтожества и мечтанiй свѣта сего, или лучше въ разсужденiи опаснѣйшихъ сѣтей его! Можетъ ли онъ когда забыть величество сего благодѣянiя? Можетъ ли онъ когда оставить Бога? — Естьли бы въ точности понимали всѣ огорченiя, испытуемыя въ мiрѣ, бѣдствiя въ немъ съ нами встрѣчающiяся, горести, въ которыя онъ ввергаетъ каждаго: то естьли не нынѣ, по крайней мѣрѣ при смерти, изходя отъ мiра сего, какое бы утѣшенiе мы изъ того возчувствовали, что отъ него удалялись, и чувствованiя сердца своего посвятили Богу! Нынѣ исполнять намъ сiе стоитъ нѣкоторыхъ трудностей, лишенiй, жертвъ: но вскорѣ сiе минетъ, и Вѣчность будетъ за то наградою.

Кто сего желаетъ достигнуть, тотъ долженъ всегда помнить сіи спасительныя предписанія:

1 е. Оставимъ міръ прежде, нежели онъ насъ оставитъ. Нынѣ то исполнимъ съ успѣхомъ, что нѣкогда нужно будетъ сдѣлать по необходимости и безъ пользы.

2 е. Юноши нынѣ очень рано входятъ въ свѣтъ, а старики оставляютъ его очень поздно; и тѣ и другіе будутъ каяться нѣкогда, что къ міру столько привержены. По сему юношамъ не должно торопиться входить въ свѣтъ; ибо они очень скоро испытаютъ его превратность и бѣдствія; а достигшіе старости обязаны безъ соболѣзнованія его покинуть, дабы не дождаться отъ самаго міра сего презрительнаго и несноснаго отзыва: „удалитесь! „я васъ оставляю.„

3 е. Три рода людей, и различными очами взираютъ на міръ сей: грѣшникъ, философъ и Христіанинъ. Грѣшникъ смотритъ на міръ какъ бы на нѣчто вѣчное; философъ, какъ бы на нѣчто преходящее; Христіанинъ какъ бы на нѣчто прошедшее: а мы какъ на него взираемъ? Будемъ имѣть о немъ всегда такія чувствованія, какія всякой имѣетъ при смерти. — Человѣкъ живу-

живущій его любитъ, умирающій презираетъ, умершій ненавидитъ: Христіанинъ долженъ подражать послѣднимъ. Естьли же о мірѣ мы будемъ мыслить напротивъ; то вѣчность не прекратитъ нашихъ безплодныхъ сокрушеній и не изсушитъ горькихъ слезъ нашихъ.

НАСТАВЛЕНІЕ IV.

О

Приверженности къ міру.

Какое ослѣпленіе, нещастіе и погибель прилѣпляться къ міру! сіи три причины, живо вообразимыя, уже ли послѣдователей міра не сильны исторгнуть изъ его очарованій? Боже благости! сотвори, чтобъ всякой совершенно зналъ причины сіи; а по сему отторгался отъ міра, насъ отъ тебя удаляющаго, отторгался на всякое время.

Какое *ослѣпленіе* прилѣпляться къ міру! ибо что въ немъ находится, кромѣ одной пустоты? Что сыскать можно, кромѣ заблужденія и ничтожества? Чѣмъ онъ можетъ обольщать насъ? Искренни ли его обѣщанія, основательно ли дружество, самая любовь его не опасна ли? Не льзя изъ всего, что

мы

мы видимъ и понимаемъ въ свѣтѣ, нельзя не познать суеты его. Примѣръ прочихъ и нашъ собственной опытъ научаютъ насъ не довѣрять ему; однако зная, что мiръ есть мечта, видя, что онъ доставляетъ намъ добро мнимое, а зло совершенное, всѣ къ нему прилѣпляются и дѣлаются его невольниками. Сколь по сему велико очарованiе свѣта и непроницаема тма, которою онъ ослѣпляетъ очи, немогущiя примѣтить превратностей его и непостоянства!

Безсмертная душа! для того ли ты сотворена, чтобъ гоняться за пустотою и предаваться въ обманъ мечтанiй? До чего они могутъ довесть тебя? — Разсуди о сокровищахъ свѣта сего; они обѣщаютъ много, да малымъ награждаютъ. — Богатства говорятъ: мы дѣлаемъ щастливыми; но при всемъ обилiи не терпятъ ли многiе мучительной бѣдности? Чести говорятъ: мы дѣлаемъ щастливыми; но достигшiе вышшей степени не видятъ ли, что чести ихъ значатъ скороизчезающiй дымъ? Удовольствiя говорятъ: мы дѣлаемъ щастливыми; но они вмѣсто удовлетворенiя часто обращаются въ несносную горесть. Да и какъ благiя, ограниченныя, гиблемыя могутъ совер-

совершенно насытить сердце, сотворенное для Бога? Но таково есть ослѣпленіе наше, что мы въ немъ пребываемъ и не хотимъ изъ него выти. Свѣтъ мечтаніями своими обольщалъ протекшіе вѣки, обольщаетъ нынѣ, и впредь обольщать будетъ, и мы о семъ не соболѣзнуемъ. Время протекаетъ, а пороки всегда существуютъ, и мы сего не примѣчаемъ. Странное, жалкое и многовредное ослѣпленіе наше!

Ослѣпленіе *странное*; ибо оно лишаетъ насъ очей разума и Вѣры, опыта и совѣсти. Ослѣпленіе *жалкое*; ибо мы онымъ самопроизвольно болѣзнуемъ, и какъ бы видя подъ ногами своими ужасную пропасть сами въ оную ввергаемся. Ослѣпленіе *многовредное* по самой сущности и по своимъ слѣдствіямъ; ибо единожды заразившись сею болѣзнію, до какой крайности мы себя не доводимъ? Боже свѣтовъ! Просвѣти вѣчною истиною твоею безчисленныхъ слѣпцовъ, горько стенающихъ въ сѣни смертней! Не попусти чадамъ твоимъ быть чадами мрака; міръ ихъ у тебя восхищаетъ; открой имъ познаніе свѣта, и они не обманутся! Колико лѣтъ мы прожили въ ослѣпленіи столь жалостномъ и плачевномъ? Нечувствительные! Мы гоняемся за обольщаю-

щаю-

щающимъ призракомъ, и сего не видимъ, что онъ служитъ къ нашему неблагополучїю и къ пагубѣ.

Подлинно! какое *нещастїе* прилѣпляться къ мїру! Мы думаемъ снискать въ немъ твердое, истинное благополучїе: но гдѣ щастливцы мїра? Или мы въ немъ всегда болѣе видимъ нещастныхъ? Послѣднїе, естьли бы могли слить во едино всѣ свои стенанїя, жалобы: какими бъ воздыханїями и рыданїемъ наполнили вселенную? Вмѣсто благополучїя, ожидаемаго отъ мїра, нечаще ли мы испытуемъ одни огорченїя, безпокойства, мученїя духа и сердца? Сколько людей приверженныхъ, истощающихся, жертвующихъ собою служенїю мїра, пожертвовали вмѣстѣ ему всѣми своими выгодами, спокойствїемъ, свободою, здравїемъ, совѣстїю? И за сїе они кромѣ неблагодарности и хладнокровїя ничего не получили себѣ въ награду. Нещастная жертва слѣпыя приверженности, — мїролюбцы! Не преставайте и при семъ среди волнующагося моря подвергать себя опасности, грозящей вамъ ужаснымъ кораблекрушенїемъ; спѣшите соединиться съ пагубнымъ сонмищемъ развратныхъ сыновъ свѣта, дабы и вы могли дышать для прочихъ заразительнымъ смертонос-

носнымъ ядомъ; бродите закрывъ очи по самому краю ужасныя бездны: но когда обрушитесь въ пропасть сію, когда поглотитъ васъ послѣдняя пучина соблазновъ и развращенія: тогда міръ спостраждетъ ли вашей погибели? Утѣшитъ ли васъ чемъ нибудь въ злощастій? Вы не хощете пользоваться жалостнымъ примѣромъ многихъ вамъ подобныхъ нещастливцевъ; но можетъ быть вы сами послужите примѣромъ предосторожности для потомковъ.

Великое нещастіе! и оно для насъ должно быть тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ мы правильнѣе его заслуживаемъ: ибо сами себя оному подвергаемъ; нещастіе ужасное! ибо оно можетъ быть источникомъ нещастія вѣчнаго. Вотъ каковъ въ сущности своей міръ, и вотъ обыкновенный жребій жалостныхъ его жертвъ! Великій Боже! что, естьли бы столь же строго наказывалъ ты оставляющихъ тебя, сколь слѣпо многіе восхотѣли послѣдовать міру? Но чего Ты не открылъ къ ихъ просвѣщенію и извлеченію изъ крайняго нещастія? Сколько живыхъ понятій, сколько трогательныхъ впечатлѣній благодати, сколько спасительныхъ грызеній совѣсти, сколько щастливыхъ минутъ, въ

которыя, или при которыхъ, естьли бы погибшїе восхотѣли послушать гласа твоего и покориться впечатлѣнїямъ благодати; очи ихъ узрѣли бы злоключенїе свое, и сердце ихъ уклонилось бы отъ онаго. При семъ случаѣ раскаянїе ихъ было бы многоплодно, слезы утѣшительны; ибо прозрѣвши нещастные въ тебѣ, Правосудный Господи! узрѣли бы Отца благоутробнаго. О, когда бы всѣ знали, сколько служенїе твое сладко и бремя утѣшительно; всѣ бы съ коликою несли его радостїю! но мы болѣе прилѣпляемся къ мїру, наслаждаемся мало мнимыми его прїятностьми, и послѣ утопаемъ въ безднѣ всѣхъ злоключенїй, злоключенїй сопровождаемыхъ горькими стенанїями, но безплодными, многими слезами, но слезами отчаянїя. И такъ коль *погибельно* прилѣпляться къ мїру!

Вотъ третїя бездна, разверзающаяся подъ ногами мїролюбцевъ, бездна пороковъ и беззаконїй непростительныхъ! Когда человѣкъ предпочтительно Создателю любитъ мїръ, и привергается къ тварямъ видимымъ: чрезъ сїе не нарушается ли первая и изъ всѣхъ важнѣйшая заповѣдь? Какое погибельное преступленїе воздвизать жертвен-

твенникъ міру въ сердце своемъ противу жертвенника Богу!

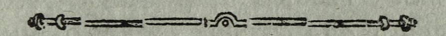
Извѣстно, что мы торжественно отрицались отъ міра въ Крещеніи своемъ, и что чрезъ сіе токмо отрицаніе бываемъ Христіанами: коль убо непростительно, естьли нарушается нами залогъ сей! — Извѣстно, что не льзя любить міръ не любя его правилъ, его примѣровъ, его заразъ, — не исполняя его должностей, не погашая грызеній совѣсти, не безчестя бытіе свое, не теряя конца своего: коль убо неизвинительно самопроизвольно подвергать себя толикой напасти! — Извѣстно, что міръ есть вражда на Бога, и Богъ его проклинаетъ; и такъ прилѣпляясь міру не льзя не быть врагомъ Божіимъ: какая убо погибель на сіе отважиться! — Извѣстно, что не возможно служить двумъ начальникамъ вмѣстѣ; а необходимо должно служа единому другаго оставить; привергаясь къ первому отрещись втораго: что же сего злощастнѣе, какъ работая міру не служить Богу? И сіе-то, не смотря на всѣ наши клятвы, обѣщанія, должности, чаще въ насъ примѣтно. Любя міръ и удаляясь Бога, не брежемъ мы о спасеніи душевномъ. Сердце свое под-

вергаемъ развращенію, а разумъ заблужденію. Чрезъ сіе благодать Божія изгоняется, совѣсть упадаетъ, здравое чувство теряется, Христіанскія должности забываются, преступленія прирастаютъ къ преступленіямъ. Вотъ плоды клятвы, произрастающіе отъ земли, подпавшей нѣкогда проклятію! Но земля сія не должна ли быть для Христіанина землею чуждею? Безъ сомнѣнія; ибо Христіанинъ, приверженный Богу, не долженъ имѣть сообщенія съ міромъ, Богу противнымъ. И естьли ему непремѣнно должно будетъ нѣкогда оставить развращенный міръ сей; то онъ заблаговременно обязанъ исхитить себя изъ обманчивыхъ его прелестей; заблаговременно долженъ сказать *вѣчное прости* всѣмъ міра пышностямъ, всѣмъ зрѣлищамъ, или лучше, всѣмъ его призракамъ и очарованіямъ: ибо что изъ нихъ въ рукахъ его останется по смерти? По смерти что онъ будетъ помышлять о себѣ самомъ, о своей жизни, о своемъ ослѣпленіи? Во что преобразится для него, что было, и все, чѣмъ онъ наслаждался прежде? Что будетъ его надежда, которою онъ питался, удовольствія, которыя предполагалъ быть безконечными, мнимая долговѣчность, словомъ, все чув-

ствен-

ственное? Нить временная пресѣчется, и призракъ исчезнетъ. Міръ прейдетъ, и Вѣчность навсегда отверзетъ намъ свои пучины.

Великїй Боже! Для себя Ты насъ поставилъ на землѣ; сотвори, чтобъ и въ Вѣчности мы явились предъ Тобою!

НАСТАВЛЕНІЕ V.

О

Совѣсти.

Нѣтъ столь нужнаго знанїя для человѣка, какъ познанїе себя самаго: ибо знанїе сїе есть знанїе нашего сердца и совѣсти. Оно нужно всякому человѣку.

Совѣсть имѣетъ четыре вида; по сему она можетъ быть въ толикомъ же числѣ положенїй. — Совѣсть есть справедливая, сомнительная, ошибающаяся и слѣпотствующая; изъ познанїя сихъ различныхъ ея видовъ можно прїобрѣсть человѣку пресовершенное понятїе о томъ, что онъ есть, и чѣмъ быть долженъ.

Совѣсть *справедливая* есть свидѣтельство здраваго разума, повелительный судїя, показывающїй что намъ дѣ-

дѣлать позволительно и что непозволительно; есть гласъ Божїй, раздающїйся въ нашемъ сердцѣ и возвѣщающїй все доброе во имя Его; есть лучь, истекающїй отъ вѣчнаго свѣта, просвѣщающїй насъ въ заблужденїяхъ и управляющїй на пути добродѣтелей. Такова есть совѣсть всякаго честнаго человѣка вообще! Но для грѣшника означаетъ она вѣрное зеркало, представляющее черныя пятна, которыми замарана душа его; есть Божественная книга, въ которой Невидимый Перстъ Сердцевѣдца толикократно замѣчаетъ наши беззаконїя, коликократно мы въ оныя впадаемъ; есть тайный судъ Всевышнимъ производимый въ душѣ нашей, на которой, какъ скоро согрѣшимъ, мы бываемъ уже представлены, и судимы при свидѣтелѣ: но кто сей свидѣтель? Мы сами, а не другой кто.

Съ сею справедливою совѣстїю Богъ сотворилъ каждаго человѣка. Доколѣ кто ходитъ прямо свѣту сего свѣтильника, дотолѣ не можетъ совратиться съ пути спасенїя: ибо въ такомъ случаѣ совѣсть, вспомоществуемая Благодатїю, каждой шагъ нашъ управляетъ, да не споткнемся. . . Но разсмотримъ подробнѣе всѣ дѣйствїя совѣсти, и

всю

всю должность, для коихъ Богъ опредѣлилъ оной быть въ человѣкѣ.

Бываетъ въ насъ совѣсть *сомнительная*. Она, находясь какъ бы въ колебанїи и нерѣшимости, не знаетъ позволительна ли такая-то вещь, или непозволительна; запрещено такое-то дѣйствїе, или незапрещено: ибо при воззрѣнїи на нихъ и съ той и съ другой стороны видитъ причины вѣроятныя, производящїя нѣкоторое впечатлѣнїе; но между сими причинами не находитъ, которая бы сильнѣе дѣйствовала, и по которой бы можно на что нибудь рѣшиться. Такимъ образомъ между несходными и противными побужденїями совѣсть остается какъ бы развлеченною, несмѣющею ни на что отважиться, — опасающеюся погрѣшить или обмануться.

Съ сею совѣстїю ничего намъ не позволяется дѣлать; а надобно увѣриться и утвердиться въ справедливости всякаго дѣла сколько можно. Есть-ли же что требуетъ скорѣйшаго выполненїя, не давая времени на основательное размышленїе: въ такомъ случаѣ, чтобъ выйти изъ сомнѣнїя, должно въ тужъ минуту совѣсть свою представить предъ самимъ Богомъ, воображая что намъ предъ его очами имѣть

 дол-

должно; въ такомъ случаѣ должно просить Отца свѣтовъ, чтобъ онъ самъ неиспытанными судьбами своими вдохнулъ въ сердцѣ наше праведную рѣшимость, или по крайней мѣрѣ, просвѣтилъ насъ послѣ, и далъ съ раскаянїемъ возчувствовать, естьли что за скоростїю мы содѣлали предъ нимъ неправильное. Такъ поступать не означаетъ быть въ сомнѣнїи: ибо имѣть въ виду то, что намъ прилично имѣть предъ очами Божїими, означаетъ нѣкоторую основательность, выводящую насъ изъ сомнѣнїя. Въ такомъ положенїи можно обмануться, но не льзя уже погрѣшить.

Сїя совѣсть раздѣляется *на Богобоящуюся и робкую.* Первую чувствуя благочестивая душа ужасается не токмо грѣха, но всего, что имѣетъ тѣнь или легчайшїй признакъ преступленїя. Щастливъ смертный пребывающїй въ такомъ положенїи! — Совѣсть *робкая* означаетъ душу безъ правильной причины безъ основанїя о всякой малости безпокоющуюся. Въ такомъ случаѣ человѣкъ безпрестанно мучится, и часто безпокоитъ съ собою обращающихся, или имъ управляющихъ. Сїя *робость* происпекаетъ отъ трехъ источниковъ: или *отъ Бога*, и — въ семъ случаѣ онъ составляетъ испытанїе Вѣры нашей и не-

непоколебимости, испытанїе необходимо для насъ нужное и полезное; или *отъ дїавола*, и — при семъ она означаетъ соблазны, которымъ никакъ не должно слабодушно порабощаться; или *отъ насъ самихъ*, и — въ семъ обстоятельствѣ она обнаруживаетъ такой мнительной, недовѣрчивой и несносной характеръ, котораго всякой долженъ стыдиться. Но отъ какого бы источника она ни проистекала, одно только есть надежное средство къ освобожденїю отъ нея: совѣты опытныхъ и лучшихъ наставниковъ. Иначе робкїя души впадутъ въ пустую и жестокую мнительность; сїя заставитъ ихъ возчувствовать унынїе; а за симъ скоро могутъ воспослѣдовать заблужденїе и отчаянїе.

Совѣсть *ошибающаяся* есть совѣсть въ разсужденїи поведенїя и нравовъ имѣющая несправедливое мнѣнїе, и по сему мнѣнїю какъ по чистому закону поступающая. Совѣсть *сомнительная* состоитъ въ недовѣденїи; а сїя въ погрѣшительности. *Недовѣденїе* раздѣляется на принужденное и необходимое; а *погрѣшительность* на извинительную и неизвинительную. Совѣсть *погрѣшающая* тогда бываетъ *неизвинительною*, когда имѣя правильное сомнѣнїе и без-

покойство не хочетъ рѣшительно отъ нихъ освободиться, или — когда должно и можно въ чемъ удостовѣриться, она о семъ не старается. *Извинительною* напротивъ бываетъ въ то время, когда и хочетъ и старается въ чемъ либо увѣриться: но не имѣетъ къ сему никакого пособія и средства. Наприм: наслѣдникъ спокойно владѣетъ оставленнымъ отъ своихъ предковъ имѣніемъ, имѣніемъ, которое предки его снискали всѣми неправдами. Сей наслѣдникъ о неправильномъ прежнемъ стяжаніи естьли не имѣлъ никогда не токмо сомнѣнія, но даже понятія; по сему, думая, что наслѣдіе его законное, хотя и находится *въ погрѣшительности*, однако сія погрѣшительность *не самопроизвольная*, а принужденная, слѣдственно *извинительная*. Но тому же наслѣднику естьлибъ открыли неправильное стяжаніе имъ обладаемаго имущества, и онъ при семъ не захотѣлъ возвратить его, кому слѣдуетъ; въ такомъ случаѣ совѣсть его обратилась бы въ *неизвинительно ошибающуюся* и совсемъ въ противную свѣтильнику справедливости.

Когда человѣкъ такъ поступаетъ самопроизвольно и знаемо: тогда *совѣсть* его называется совѣстію *слѣпою*,

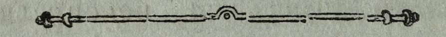
лож-

ложною, испорченною, гнусною предъ очами Божіими и человѣческими. Вотъ состояніе самое жалкое и нещастное, естьли въ немъ пребываетъ душа наша: ибо *слѣпая* совѣсть ввергаетъ человѣка во всѣ проступки, во всѣ непотребности, во всякую крайность; дѣлаетъ его грѣшникомъ, а изъ грѣшника, естьли остается неисправимою, сыномъ ожесточенія и погибели.

Боже Праведный! не попусти дойти твоему созданію до столь плачевнаго состоянія! Естьли я покушаюсь сотворить неправедное предъ Тобою; возбуди, пріумножъ во мнѣ всѣ душевныя мученія для того, чтобъ я, погрѣшая совѣстію, не остался навсегда въ обманчивомъ спокойствіи — спокойствіи, которое въ началѣ льститъ, но послѣ погубляетъ! Человѣколюбче! доколѣ Ты не престанешь угрожать меня Правосудіемъ своимъ при покушеніи моемъ на какое нибудь зло, дотолѣ я буду вѣрить и чувствовать, что Ты лучь благоутробія еще не отвратилъ отъ раба своего: но какъ скоро оставишь меня спокойнымъ въ преступленіяхъ; сіе будетъ мучительнымъ свидѣтельствомъ твоего гнѣва и близкимъ путемъ къ послѣднему моему нещастію! Внемли моленію моему;

 воз-

возбуди отъ сна грѣховнаго совѣсть мою; даждь отчаянному сердцу возчувствовать болѣзнь; оживотвори его любовію своею, любовію состоящею въ обличеніи и исправленіи. Сего единаго благополучія ожидаетъ отъ Милосердія Твоего живущій на землѣ!

НАСТАВЛЕНІЕ VI.

О

Мученіяхъ совѣсти

Какое нещастіе для человѣка по увлеченію страстей предаваться беззаконіямъ! Безпокойство, грызеніе, страхъ всюду его преслѣдуютъ. Безпокойство тревожитъ его душу, грызеніе раздираетъ сердце, страхъ всего ввергаетъ вь уныніе. Ужасныя мученія!

Разсмотримъ ихъ подробно, и — мы ни по какому увлеченію страстей впадать во грѣхъ не отважимся.

Человѣкъ, грѣхопаденіемъ отдаляетъ отъ себя Благодать Божію; миръ отлетаетъ отъ души его, а мѣсто онаго занимаетъ *безпокойство.* Непроницаемая тма, покрывшая нѣкогда все лице Эгипта, представляетъ жалкую

кар-

картину объятаго *безпокойствомъ* душевнымъ законопреступника. Его обтекаютъ страшныя тучи помышленій; тысяча горькихъ воображеній волнуютъ духъ его попеременно; видъ беззаконія, въ которое онъ впалъ, — отдаленіе Святаго Духа, котораго онъ прогневалъ, — трудность къ обращенію на покаяніе, въ разсужденіи котораго охладело сердце его; сіи и симъ подобныя представленія совсемъ отъемлютъ тишину у человека. Море волнами съ пескомъ кипящее едва ли въ большей бываетъ колебимости, нежели какое ощущаютъ въ себе грешники, познающіе беззаконіе свое! — Напрасно, напрасно тако волнующаяся душа силится иногда утишить безпокойство свое наружными развлеченіями! Обращеніе въ свете, забавы, зрелища могутъ *на несколько* притупить жало смущенія внутренняго: но спустя *несколько*, они къ бывшимъ души язвамъ новыя и глубочайшія прилагаютъ раны: ибо после всякаго чувственнаго развлеченія, хотя бы и не хотелъ, грешникъ паки возвращается въ себя; видитъ душу свою более прежняго мятущеюся; видитъ, — и сію горькую чашу безпокойства принужденнымъ остается

питъ

пить до одра болѣзненнаго, а нерѣдко до самаго гроба.

Многократно многїе сїе опытомъ дознали и многократно говорили съ Пророкомъ: *вскую прискорбна еси душе моя* (*), что тебя огорчаетъ? *И вскую смущаеши мя*, и почто лишаешь меня Благодатнаго спокойствїя? Сему волненїю причиною приверженность наша ко злу. Порочная совѣсть никогда спокойною быть не можетъ. Грѣхъ всегда пребудетъ для ней разительнымъ мечемъ, мстительно пресѣкающимъ всѣ ея удовольствїя, покой и отраду. Беззаконникъ ни чѣмъ не можетъ заглушить внутрь сердца своего сего ужаснаго обличенїя: „доколѣ ты будешь преступ„никомъ, дотолѣ виновенъ; а доколѣ „виновенъ, дотолѣ пребудешь злощаст„нымъ.„ За симъ смущенїемъ вскорѣ наступаетъ *грызенїе*.

Грѣшникъ куда бы ни сокрылся, нигдѣ не можетъ забыть сего: „что я „сдѣлалъ?„ Вотъ первая мысль по смущенїи начинающаго приходить въ разумное чувство грѣшника! „что я „сдѣлалъ? — Нещастный! изъ мни-

„мыхъ

(*) Пс. LII. 5.

„мыхъ корыстей преступилъ заповѣдь „Господню, раздражилъ Бога; изъ ни„чего потерялъ сокровище Благодати; „на тлѣніе промѣнялъ наслѣдіе без„смертія; чувственнымъ удоволь„ствіямъ пожертвовалъ блаженною „вѣчностію. Нещастный! что я сдѣ„лалъ?„

Человѣкъ прежде нежели содѣлаетъ грѣхъ подъ предлогомъ какого нибудь добра, царствующія надъ нимъ страсти такъ упоеваютъ его своимъ ядомъ, что онъ лишается почти всякаго разсудка. Но какъ скоро грѣхъ бываетъ исполненъ: страсти утихая разуму даютъ свободу; разумъ, получивъ свободу, входитъ обо всемъ въ разсужденіе; видитъ содѣяннаго беззаконія гнусность, и вдругъ производитъ обличительное *грызеніе*; грызеніе, которое никто не можетъ живо представить, кромѣ внутренняго гласа грѣшныя совѣсти.

Начавшееся *грызеніе* тѣмъ несноснѣе бываетъ для преступника, чѣмъ яснѣе представляетъ въ памяти его то щастливое положеніе, въ какомъ онъ находился до нарушенія закона. Да и не все ли намъ сіе положеніе приводитъ на память? Образъ добродѣтельныхъ людей, съ которыми мы прежде обращались открыто и любезно, но

по содѣланій беззаконія естьли приводитъ насъ въ стыдъ и ужасъ; торжественныя духовныя празднества, которыхъ мы прежде ожидали съ нетерпѣливою радостію, а теперь естьли онѣ намъ наскучили; благолѣпіе священныхъ храмовъ, о которыхъ прежде ревнительно другъ предъ другомъ старались, а теперь въ разсужденіи ихъ охладѣли; образъ Спасителя, образъ, у подножія коего стремительно хотѣли повергнуть сердца свои, а нынѣ препинаемся: все сіе не возбуждаетъ ли разительныхъ обличеній, не умножаетъ ли живыхъ грызеній совѣсти, грызеній, — паче меча остра проходящихъ душу и сердце? Нѣтъ злощастнѣе законопреступниковъ; они сами въ себѣ скрываютъ причину злощастія, и сего не видятъ; сами въ себѣ питаютъ погибельный ядъ, терзающій внутренность, и не исправляются.

Однако не симъ еще довершается полная мѣра мученій, ощущаемыхъ по содѣланіи беззаконій. *Грызеніе* совѣсти терзаетъ грѣшника во времени; кромѣ сего есть ужасная Вѣчность, ожидающая и угрожающая беззаконнымъ. Съ какимъ трепетомъ смотрятъ преступники на неизмѣримость бытія имѣю-

имѣющую воспослѣдовать по часѣ смертномъ? Мы согрѣшили, — заслуживаемъ адъ. Что, естьли умремъ въ нераскаяніи, каковъ будетъ нашъ жребій? Что естьли умремъ внезапно? да развѣ и удивительно! — Умереть можно минутно; каждой день мы ближе ко гробу; всякой часъ быть можетъ послѣднимъ нашея жизни. Или всякой еще ожидаетъ страшныхъ предвозвѣстій кончины своей при наступленіи старости, при отчаянномъ разслабленіи на одрѣ смертномъ? Но не восхищаютъ ли многихъ болѣзни непредвидимыя? Не всегда ли мы слышимъ, что такой-то и такой-то человѣкъ умеръ скоропостижно, не имѣя времени покаяться? Сіи примѣры Богъ представляетъ намъ для того, чтобъ мы ужасались умереть въ беззаконіяхъ; чтобъ мы, видя послѣднее нещастіе, сбывшееся надъ другими, сами опасались подпасть подобному бѣдствію, подобной клятвѣ, подобнымъ мученіямъ.

Всего поразительнѣе для грѣшника воспоминаніе *послѣднихъ*. Сіе видно изъ писанія. Устрашишися, вѣщаетъ живый на Небесѣхъ къ беззаконному: *убоишися во дни и въ нощи* (*); утромъ речешь отъ

(*) Второз. XXVIII. 66.

отъ ужаса: кто продлитъ жизнь мою до вечера? а ввечеръ скажешь: кто сохранитъ до утра, да узрю Небеса и оставивши беззаконїе восхвалю Господа? *Заутра отъ страха сердца твоего, имъ же убоишися, речеши: како будетъ вечеръ? и вечеръ речеши, како будетъ утро* (*)? Гдѣ не раздается сей страшный гласъ терзающїяся совѣсти? Въ великолѣпныхъ чертогахъ, посредѣ битвъ оруженосцевъ, внутрь градовъ и въ уединенїи, — всюду мстительное обличенїе сїе въ трепетъ приводитъ грѣшную душу. „Я умру въ беззаконїи; я погибну; я наслѣдую неизреченное наказанїе отъ прогнѣваннаго Бога; я вѣчно и отчаянно буду злощастенъ.„ Нѣтъ мучительнѣе сего состоянїя! однако оно спасительно.

Нещастїе наше было бы больше, естьлибъ мы, немощствуя душею, не чувствовали болѣзней ея. Прискорбенъ бываетъ грѣшникъ, приходящїй въ чувство; только сїе прискорбїе насильно влечетъ его ко исправленїю. Проступившись обратимся на путь истинный, и — мы уже оправданы. Каждой вздохъ раскаявающейся души въ книгѣ живота вѣчнаго замѣчается каплями

(*) Второз. XXVIII. 67.

лями крови Іисусъ Хрістовой. И такъ мученіе совѣсти есть благо; ибо оно споспѣшествуетъ спасенію; есть благо изъ всѣхъ первое, ибо чрезъ оное начинается обращеніе грѣшныхъ; есть благо основательнѣйшее прочихъ, потому что всѣмъ открываетъ самую истину; словомъ, оно есть единое совершенное благо; ибо грѣшникъ, изгнавши изъ сердца своего всякую благодать, не имѣетъ другаго къ оправданію средства, кромѣ мученія совѣсти.

Войдемъ убо въ себя самихъ, и — естьли совѣсть наша ни въ чемъ насъ не изобличая пребываетъ спокойною: возхвалимъ милосердаго Бога, что онъ поставилъ насъ на такой степени совершенства; а чтобъ мрачныя грѣховныя тучи никогда не могли затмить спасительнаго сіянія благодати Его; для сего ничего не должно дѣлать, что бы могло насъ удалить отъ Бога. Естьли же что нибудь насъ, приводя въ сомнѣніе, безпокоитъ: то, не восхотѣвши по ослѣпленію вѣчно остаться осужденными, сомнѣніе свое вскорѣ поспѣшимъ преобразить въ основательную истину: а когда совѣсть явно обличаетъ насъ въ какомъ нибудь грѣхопаденіи; тогда, минуты не медля, надлежитъ намъ для примиренія съ

Богомъ свергнуть съ себя бремя грѣховное: ибо минута можетъ оправдать насъ и минута рѣшитъ жребiй нашъ на вѣчное осужденiе. Благоразуменъ, кто за непремѣнный законъ поставляетъ ничего не дѣлать противъ внушенiй совѣсти; а въ случаѣ сомнѣнiя все исполняетъ съ такимъ духомъ, съ какимъ всякой бы желалъ исполнить въ часъ смертный!

НАСТАВЛЕНIЕ VII

О

Выгодахъ Вѣры.

Богъ благоволилъ намъ родитися въ нѣдрахъ православныя Вѣры. Онъ непрестанно озаряетъ насъ живыми ея лучами. Сей залогъ оправданiя, яко неоцѣненное сокровище наслѣдiя, мы получили отъ своихъ предковъ. Всѣ почитаютъ его даромъ благодати: но всѣ ли понимаютъ подлинную цѣну его и выгоды? Вотъ что составляетъ для насъ Вѣра, и вотъ что мы можемъ говорить сами съ собою, питая къ ней въ сердцѣ своемъ чувствованiя справедливаго уваженiя:

„Я

„Я обитаю въ нѣдрахъ Вѣры. Вѣра „составляетъ для меня неразрѣшимый „*союзъ*, соединяющій съ Церковїю, — „непремѣняемый *законъ*, разрѣшающій „всѣ мои *сомнѣнія*, — основательное „*утѣшеніе* во всѣхъ прискорбїяхъ жизни „сея, — наконецъ спасительное *помышленіе*, ободряющее въ часъ смертный. „Драгоцѣнная Вѣра! Чѣмъ я тебѣ обязанъ, естьли ты служишь для меня „источникомъ толикихъ выгодъ?„

Я обитаю въ нѣдрахъ Вѣры, составляющей для меня неразрѣшимый *союзъ*, соединяющїй съ Церковїю. Съ Церковїю тогда подлинно мы бываемъ связаны, когда бываемъ ея таинственнаго состава духовными членами. Сими намъ быть не возможно, естьли не соединимся съ Церковїю чрезъ Вѣру. Безъ Вѣры предъ очами Церкви всѣ представляются овцами заблудившими отъ своего Пастыря, членами отсѣченными и отдѣленными отъ цѣлаго тѣла: но когда одушевляетъ насъ Вѣра; тогда мы вступаемъ въ сообщество православныхъ, прїобщаемся языку Святому, включаемся въ число чадъ Божїихъ, имѣемъ право на наслѣдїе Небесное. Пусть хвалятся прочїе тѣмъ, что они родились въ царскихъ чертогахъ, произошли отъ крови лю-

дей великихъ: но мое щастїе быть всегда сыномъ Церкви. Для чего? Ибо я чрезъ сїе надѣюсь достигнуть ко спасенїю; уповаю взыти на Небеса. Такое помышленїе и рѣшимость рождаются отъ Вѣры; безъ нее все влечетъ насъ въ пропасть крайняго неблагополучїя.

Да скажутъ: безъ Вѣры находится много людей благочестивыхъ, непорочныхъ, невинныхъ; внѣ Вѣры есть люди добродѣтельные, исполняющїе молитвы, постъ, милостыню и проч. — Дѣло великое и похвальное! но при всѣхъ помянутыхъ добродѣтеляхъ не достаетъ еще существенной т. е. *покорности Вѣрѣ.* Безъ сей нѣтъ ни заслуги, ни спасенїя, ниже награды; безъ сей всѣ добрыя дѣла суть дѣла блистательныя, но дѣла *безкорыстныя*; плоды видимые, но плоды несозрѣлые. Напрасно язычники, или развращенные хвалятся одними дѣлами; Евангелїе вѣчно будетъ проповѣдовать: *иже не имать Вѣры, уже осужденъ есть*; Апостолъ всегда будетъ поучать, что *безъ Вѣры не возможно угодить Богу*; Iисусъ Хрїстосъ всегда будетъ повелѣвать, чтобъ мы *ослушающагося Церкви непремѣнно почитали за мытаря, или язычника*, не смотря на то, что онъ

строгъ

строгъ въ жизни своей, яко *Анахореты*, или прозорливъ, какъ *Ангелъ*.

Въ какое прiидутъ удивленiе и соболѣзнованiе удалявшiеся отъ Вѣры въ день явленiя своего на судъ Господень! Какое объиметъ отчаянiе отвергшихся Церкви противниковъ, когда они думая, что собрали великое сокровище естественными заслугами, предъ очами Божiими явятся съ пустыми руками! Не таковъ будетъ жребiй *отрожденнаго*! Сей обитая на землѣ когда въ Вѣрѣ одушевляется любовiю; нѣтъ минуты житiя его, которая бъ не была замѣчена на Небеси; нѣтъ дѣянiя, которое бы не было записано въ книгѣ живота; нѣтъ въ немъ дара, которымъ бы онъ не приплождалъ награду свою въ вѣчности или на шестьдесятъ или на сто. Се новый и драгоцѣнный плодъ Вѣры!

Я обитаю въ нѣдрахъ Вѣры, которая составляетъ непремѣняемый *законъ*, разрѣшающiй всѣ мои сомнѣнiя. Коликократно мнѣ нужно прибѣгать къ ней, дабы освободиться отъ внутренняго безпокойства и утверждаться въ довѣрiи? Разумъ нашъ всегда любопытствуетъ, всегда тревожится, всегда хочетъ проникнуть таинства Вѣры. Въ случаѣ мрачности, при обла-

лакахъ темныхъ, отвсюду его окружающихъ, онъ на каждомъ шагу видитъ себя препинающимся; видитъ, и вопрошаетъ: „*по чему сïе? Какъ это?*„ Многiя непроницаемыя таинства, кажется, подавляютъ его своею тяжестïю. При семъ естьлибъ мы ничего не имѣли, кромѣ природныхъ дарованiй: до чегобъ доведены были? Но, — благодаренïе Богу! когда я прибѣгаю къ Вѣрѣ; остаюсь безпечнымъ, *по чему и какъ* исчезаютъ. По чему сïе? И Вѣра мнѣ отвѣтствуетъ: поелику *рече Богъ. Какъ это?* И Вѣра мнѣ внушаетъ, что тако учитъ Святая Церковь. Все сказано сими двумя словами; все заключено въ сихъ двухъ несомнѣнныхъ рѣшенïяхъ.

Иногда умы смущающïеся и упорные предлагаютъ мнѣ безчисленные вопросы, приводятъ меня въ сомнѣнïе въ разсужденïи истинъ Откровенiя; при семъ углубляюсь я въ свое сердце и сознаюсь, что не могу противниковъ совершенно отразить и удовольствовать. Однако не смотря на собственную слабость, когда вопросы и сомнѣнiя ихъ отношу къ Вѣрѣ; на всѣ отвѣтствую — и съ успѣхомъ двумя токмо помянутыми словами; Святая *Церковь* такъ говоритъ; *Вѣра* сему научаетъ.

чаетъ. Вотъ чему я вѣрю, и чего утвердительно придерживаюсь. Дай Богъ, чтобы я ничего не хотѣлъ знать больше. *Правда!* сомнѣваться частїю всѣмъ прилично и свойственно: ибо въ нѣдрахъ самыя Церкви возникаютъ споры, раздѣляющїе послѣдователей ея и порождающїе различные толки. При сей поколебимости чтобы я былъ, естьли бы полагался на свои слабыя дарованїя? Съ той и съ другой стороны вижу людей просвѣщенныхъ; тѣ и другїе приводятъ свои причины, свои прекословїя: чего придерживаться? Вѣры; я на сїе соглашаюсь. Но гдѣ истинная Вѣра? Всякой въ себѣ ласкается имѣть оную, и съ своей стороны ее защищаетъ: на что рѣшиться? Церковь, Церковь, тѣло пастырей, соединенныхъ съ главою своею Iисусомъ Хрїстомъ; вотъ законъ мой, вотъ моя истина! Сей естьли я послѣдую, все, служащее къ убѣжденїю моему, ничего не стоитъ, все и пристрастїе и секты и ковы. Безсмертное благодаранїе Вѣрѣ! она прекращаетъ мои смущенїя, прогоняетъ безпокойства, не престаетъ щастливить меня своими дарами.

Я обитаю въ нѣдрахъ Вѣры, и — она составляетъ для меня основатель-

ное *утѣшеніе* во всѣхъ прискорбіяхъ жизни сея. Надобно признаться, что есть минуты, въ которыя разумъ можетъ насъ поддерживать; но бываютъ такъ же случаи, въ которыхъ, дабы не пасть, нужно прибѣгать къ Вѣрѣ. Встрѣчаются съ нами такія страшныя обстоятельства, случаются такія опасныя перемѣны, что обыкновенныя утѣшенія остаются недѣйствительными. Въ чувствительной горести, въ сердечной моей болѣзни напрасно разумъ представляетъ непостоянство вещей и дѣлъ человѣческихъ, напрасно живо описуетъ суету благихъ міра; ибо все сіе касается до поверхности моей души, а во внутренность не проходитъ. Стоическая твердость, мудрость философская напрасно такъ же снабжаютъ меня своими напыщенными правилами; напрасно говорятъ: „что мудрецъ „ничѣмъ не долженъ трогаться; что „человѣкъ созданъ для обладанія самимъ собою, и для господствованія „надъ произшествіями жизни„ Удалитесь отъ меня непріятные утѣшители; оставьте меня снѣдаться печалію моею въ тайнѣ! Скорбь меня угнѣтаетъ, но она васъ милѣе: ибо вы когда силитесь прекратить, или умягчить оную; тогда большимъ для меня служи-

служите отягощенiемъ. Друзья вѣрные! друзья, трогающiеся моимъ жребiемъ, напрасно и вы меня утѣшаете увѣряя, что вы участвуете въ моемъ нещастiи, что вамъ чувствительно мое огорченiе: я это слышу по наружности, слышу холоднокровно; ибо болѣзнь моя заглушаетъ ваши совѣты; ничего я въ себѣ не чувствую, кромѣ пустоты и изсушенiя; ничто меня не трогаетъ; при всѣхъ пособiяхъ я не могу освободиться изъ бездны злощастiя.

Но се Вѣра притекаетъ мнѣ на помощь; она заставляетъ меня предъусматривать, что огорченiе мое можетъ споспѣшествовать моему благополучiю; она мнѣ открываетъ, что болѣзни мои втекаютъ въ науданiе моего спасенiя, что источникъ слезъ можетъ учиниться источникомъ моего блаженства. Вѣра мнѣ говоритъ, что посредствомъ огорченiй своихъ я могу загладить грѣхи свои, укротить гнѣвъ Божiй, заслужить мѣсто въ числѣ избранныхъ; Вѣра Богочеловѣка, вознесеннаго на крестѣ, представляетъ мнѣ въ примѣръ подражанiя, отверзаетъ Небеса предъ очами моими въ награду трудовъ моихъ, показываетъ мнѣ блаженную вѣчность, яко цѣль моихъ временныхъ страданiй. При семъ утѣшенiи

сердце мое начинаетъ ограждаться терпѣнiемъ, скорбь моя не столько кажется горькою. О многомощная и божественная Вѣра! тебѣ одной свойственно производить чудеса сiи. Ты мнѣ представляешь Бога-Человѣка умирающимъ, и — я его обожаю; ты мнѣ предъявляешь крестъ, и — я оный лобызаю; ты мнѣ показываешь вѣчность, и — я ее ожидаю. Ничто не можетъ успокоить меня обуреваемаго волнами печалей житейскихъ; но едва къ тебѣ прибѣгну, бездна злоключенiй измѣняется въ источникъ отрады.

Сверши убо надо мною послѣднее дѣло свое, спасительная Вѣра! ты во всѣхъ прискорбiяхъ жизни сея дѣйствительнымъ служишь утѣшенiемъ; ты же пребуди для меня спасительнымъ *помышленiемъ*, имѣющимъ ободрить унылую душу мою въ часъ смертный. Надѣюсь, что ты составишь для меня сiю отраду, и при семъ-то случаѣ паче другихъ я познаю неоцѣненныя твои выгоды.

Я умираю въ Вѣрѣ, скажетъ нѣкогда вѣрная душа, я отхожу отъ тѣла моего посредѣ Церкви. Сколь сладко послѣднiя минуты временныя жизни посвятить сему залогу, сколь надежно послѣднее воздыханiе изпустить

въ

въ объятіяхъ матернихъ и отчихъ, въ жилищѣ Церкви и въ рукахъ ею̂ управляющихъ! Божественная Вѣра! пріими залогъ мною тебѣ возвращаемый; тебя токмо *почитаю* я надежнымъ путемъ ко спасенію и единственной стезею, приближающею къ Богу. Сколь славно такое признаніе умирающаго человѣка, и вмѣстѣ сколь сладко!

Самая Церковь сіе *помышленіе* для человѣка столько утѣшительнымъ почитаетъ въ часъ смертный, столько удобнымъ къ преклоненію Бога на милосердіе, что въ молитвахъ, исполняемыхъ надъ умирающими, она ни о чемъ чаще не напоминаетъ, какъ о Вѣрѣ, какую скончавающійся исповѣдовалъ въ жизни своей. „Боже благоутробный! „такъ взываетъ всегда Церковь, будучи объята неизъяснимыми чувствіями „довѣрія на заслуги Христовы, се душа „тобою сотворенная спѣшитъ явиться „предъ лицемъ твоимъ. Съ великими „перемѣнами прешла она страшное поприще житейское; но при всѣхъ заблужденіяхъ своихъ не потеряла Вѣры! „Троице покланяемая, Отецъ, Сынъ и „Святый Духъ! она всегда исповѣдовала „твое Пресвятое имя. По сильныхъ печалѣхъ и роптаніи она является „наконецъ предъ тобою съ живою Вѣрою; „прі-

„пріими оную, Боже! въ лоно своего „милосердія„ Истекай Христіанская душа отъ тѣла своего къ Небесамъ; истекай яко увѣренная во оправданіи. Часть согрѣшеній обличитъ тебя нѣсколько предъ Судіею міра; но Вѣра изходатайствуетъ благодать и пріобрѣтетъ тебѣ милость.

Се послѣдній и всѣхъ драгоцѣннѣйшій даръ, какой токмо мы можемъ обрѣтать отъ своея Вѣры. Она спасетъ насъ въ день судный; спасетъ, естьли въ теченіи дней своихъ въ ней пребудемъ непоколебимыми, ненарушающими ея предписаній, чувствительными навсегда въ разсужденіи всѣхъ ея выгодъ.

НАСТАВЛЕНІЕ VIII

О

Сбѣтахъ нашихъ Вѣрѣ.

Коль неизглаголанное сокровище составляетъ для насъ Вѣра наша! Безъ оныя никто не можетъ угодить Богу; а при ней всѣ спасаются. Безъ Вѣры самая правда наша ничто предъ Господемъ, а при оной грѣшніи получаютъ оправданіе.

Одна-

Однако пользуясь плодами ея мы должны знать и тѣ обѣты, которые связуютъ насъ съ Вѣрою нашею отъ купели до гроба. Они состоятъ въ четырехъ добродѣтеляхъ: *въ повиновенїи*, по которому намъ должно слушаться Вѣры своея съ преданностїю, *въ привязанности*, заставляющей насъ любить Вѣру нѣжнымъ сердцемъ, *въ ревности*, поощряющей насъ защищать выгоды Вѣры съ горячностїю, наконецъ *въ дѣятельности*, много служащей къ прославленїю Вѣры.

Прошедый Небеса и пострадавый немощѣмъ нашимъ Богочеловѣкъ Iисусъ! Ты озарилъ насъ познанїемъ истиннаго исповѣданїя; Тебя убо и просимъ, низпосли намъ благодать свою, чтобы мы лучше отъ нынѣ разумѣли обѣты наши Вѣрѣ, и уразумѣвши, чтобъ съ большею точностїю оные выполняли.

Придерживаясь истиннаго исповѣданїя мы обязаны Вѣрѣ своей *повиновенїемъ*. Сего обѣта нашего какїе должны быть лучшїе и святѣйшїе признаки? *Кротость* и *преданность*. Вотъ ненарушимое обязательство истинныхъ сыновъ Церкви! Сихъ признаковъ *повиновенїя* требуетъ отъ насъ Вѣра наша, требуетъ столь необходимо, что естьли кто въ нихъ оной отрицается;

того

тото она повергаетъ осужденїю и клятвамъ. Покусимся мы пересуждать святыя установленїя Церкви; отважимся рещи: для чего Хрїстїанамъ предписано строгое воздержанїе отъ брашнъ? Къ чему служатъ продолжительныя молитвы? Для чего покаянїе уставлено чрезъ священниковъ? Вѣра скоро признаетъ насъ за сїе извергами Хрїстїанъ, овцами заблуждшими, камнемъ претыканїя и соблазна, камнемъ немогущимъ занимать мѣсто въ зданїи Небеснаго Iерусалима, членомъ гнилымъ, заразительнымъ; а слѣдственно заслуживающимъ отсѣченїе отъ таинственнаго тѣла Хрїстова и поверженїе въ челюсти вражїи. Чего опасаясь необходимо нужно, повинуясь Вѣрѣ, имѣть каждому кротость и преданность, также *твердость и непоколебимость*.

Въ случаѣ мы обязаны ничего не жалѣть, все сносить, всемъ жертвовать, чтобъ токмо не потерять Вѣры. Богатство, чести, здравїе, свобода, жизнь временная частїю для насъ драгоцѣнны: но естьли ихъ сравнить съ Вѣрою, то послѣдней должно отдать надъ всѣмъ преимущество, и естьли потребно, то безъ прекословїя на развалинахъ всего временнаго мы долж-

должны воздвигать престолъ вѣчно торжествующія Вѣры. Симъ бо только мы можемъ доказать прямо твердое и непоколебимое наше повиновенїе оной.

Кромѣ помянутыхъ знаковъ мы обязаны еще повиноваться Вѣрѣ *духомъ* и *сердцемъ*. Сїю только жертву, яко чистый *семидалъ* всякъ да возкуряетъ на жертвенникѣ исповѣданія своего; ибо когда Вѣра повелѣваетъ: „исповѣдайте „Евангелїе, блюдите таинства, твори„те дѣла достойныя покаянія, „ тогда повелѣнія сїи предписуетъ она не для единаго слуха; а болѣе для души и сердца. Подлинно, мало для Вѣры, чтобъ мы повиновались ей токмо наружно; не довольно для оной, чтобъ при исполненіи законовъ ея мы соблюдали внѣшнее токмо благоговѣнїе, вниманїе и молчаливость. Вѣра не рукъ и очесъ отъ насъ требуетъ, а самаго сердца; по сему пусть правое око наше да истнется, естьли оно ничего не означаетъ кромѣ духа, обманывающаго и людей и Бога; пусть языкъ да прилпнетъ гортани, естьли онъ что ни говоритъ, говоритъ несогласное съ сердцемъ. Исповѣданїе наше научаетъ творить добро въ точности, а нелицемѣрно; Вѣра совѣтуетъ намъ лучше умереть,

не-

нежели лгать; притворно повинующїеся Вѣрѣ заслуживаютъ вѣчное проклятїе, и мы видя тако живущихъ должны говорить: „Отдѣлитеся отъ насъ, „лицемѣри! отступите дѣлатели не„правды! Вѣра бо ваша не есть чистая „Хрїстїанская.„ Языческая честность лучше наружныя красоты гробовъ Фарисейскихъ, гробовъ внутрь исполненныхъ всякаго срама и нечистоты грѣховныя.

Вторый обѣтъ нашъ Вѣрѣ состоитъ въ *привязанности*, располагающей насъ любить ее съ нѣжностїю. Церковь есть мать наша; по сему качеству можно ли намъ не любить ее, а слѣдственно и Вѣру, на которой утверждается Церковь? Церковь есть мать наша; по сему сколько отъ ней истекаетъ на насъ благодѣяній, а слѣдственно и отъ Вѣры; ибо церьковь одушевляется Вѣрою? Любя убо первую, не льзя не любить и послѣднїя.

Церковь порождаетъ насъ во Хрїста *водою и духомъ*; она отъ купели прїемлетъ насъ во свои объятїя; она въ младенчествѣ насыщаетъ насъ млекомъ духовнымъ; она во гладѣ питаетъ насъ манною Небесною и хлѣбомъ Ангельскимъ; она жажду нашу утоляетъ безсмертнымъ питїемъ Агнчїя крови; она,

она, егда начинаемъ возрастать во благочестіи, показываетъ намъ стезю къ горнему Іерусалиму, и какъ бы насильно всѣхъ привлекаетъ къ Богу: ибо сколько она возсылаетъ за насъ теплыхъ къ небесамъ молитвъ! Сколько приноситъ безкровныхъ жертвъ! Какихъ не совершаетъ служеній во освященіе и въ оправданіе наше! Однако не симъ еще ограничиваются благодѣянія оной, а слѣдственно и Вѣры: ибо Церковь, что ни творитъ для спасенія нашего, все творитъ по Вѣрѣ и чрезъ Вѣру. Мы родились въ нѣдрахъ Церкви; въ ея же объятіяхъ уповаемъ испустить и послѣднее издыханіе къ вѣчности; ея же руками души наши чаютъ быть пренесенными ко Отцу Небесному; ея же помощію мы вѣруемъ внити въ славу Христову. И такъ кому паче пожертвуемъ мы любовію своею, естьли отречемся Церкви и Вѣрѣ? И правда, и благодарность, и явная польза не убѣждаютъ ли насъ сильнѣе всякой словесности любить Церковь? Не требуютъ ли, чтобъ мы сердце свое отдали матери своей? Чѣмъ же мы можемъ доказать къ ней любовь свою?

Ревностію. Вотъ залогъ любви чистѣйшій, залогъ, котораго для Вѣры ни-

ничего не можетъ быть прїятнѣе. Ревностїю: кто бы изъ Хрїстїанъ могъ отказать Вѣрѣ въ сей добродѣтели? На словахъ мы всѣ оную имѣемъ, всѣ ласкаемся быть расширителями благочестїя: но таковы ли на самомъ дѣлѣ? Испытаемъ безпристрастно себя самихъ. Боже! какой судъ откроется очамъ нашимъ! Мы всѣ Хрїстїане именемъ, но не таковы нравами и поведенїемъ.

Вѣра наша имѣетъ заповѣди, законы, преданїя. Вѣра наша имѣетъ заповѣди: выполняемъ ли мы оныя? Имѣетъ законы: соблюдаемъ ли мы ихъ? Имѣетъ преданїя: почитаемъ ли мы оныя? Исполненїе всякїя правды составляетъ живое свидѣтельство чистыя ревности; однако не всѣ оною водятся. Взойдемъ въ собственное сердце и спросимъ его: все ли повелѣнное оно любитъ и исполняетъ? Вѣра наша имѣетъ свои выгоды; — когда они приростаютъ, прїемлетъ ли оно въ семъ радостное участїе? — Когда теряются, чувствуетъ ли жалостное прискорбїе? Вотъ ревность, которую должно почитать истиннымъ благочестїемъ. Всякой въ ней будетъ *нѣкогда* отвѣчать Богу; но не восходя до *нѣкогда*, нынѣ совѣсть каждаго не осуждаетъ

ждаетъ ли въ недостаткѣ живыя ревности? Вѣра наша, имѣя враговъ своихъ, требуетъ, чтобъ мы противу ихъ вооружались, испытывалибъ гоненія, на сраженіяхъ являлись бы побѣдителями; однако мы не трогаемся, когда враги преоборяютъ благочестіе наше. Ревность дому Божіяго очень рѣдкихъ снѣдаетъ сердце, яко сердце Пророка. Мыслію, дѣлами, всею жизнію не всѣ точно готовы всегда пожертвовать Вѣрѣ. Или состояніе наше, суеты наши, беззаконія наши не позволяютъ намъ ни говорить, ни разсуждать о выгодахъ Вѣры? По крайности, молимся ли мы когда о Вѣрѣ своей? Просимъ ли Бога о соблюденіи оныя? Требуемъ ли отъ Небесъ благословенія истиннымъ чадамъ и защитникамъ Церкви? Ходатайствуемъ ли о прощеніи гонителей Вѣры? Яко Моvсей, воздѣваемъ ли руки, когда противники ополчаются на православіе наше? О Божественная Вѣра! Ты видѣла нѣкогда въ младенчествѣ Христіанства сію пламенную ревность. Первобытные послѣдователи твои изливали за тебя кровь свою мученически: но днесь чѣмъ чада твои свидѣтельствуютъ къ тебѣ привязанность свою? Нечувствительностію, хладнокровіемъ: — симъ ли мы должны доказы-

казывать подражаемую *дѣятельность*, много служащую къ славѣ твоей?

Вѣра и дѣла наши должны быть соединены и тещи согласно: ибо какъ дѣла безъ Вѣры суть дѣла безплодныя, такъ и Вѣра безъ дѣлъ есть Вѣра мертвая. *Отъ плода древо познано будетъ* (*), глаголетъ Спаситель, и Христіанинъ познается отъ дѣлъ своихъ. По сему хотя бы насъ и не спрашивали, какую мы исповѣдуемъ Вѣру; сіе во слухъ вселенныя должны проповѣдывать дѣла наши. Мы не носимъ знаменія Вѣры, знаменія видимаго на челѣ своемъ: но ее показывать должны нравы наши; ее уважаемою мы дѣлать должны поведеніемъ нашимъ. Любовь къ Богу, отверженіе себя самихъ, благотвореніе ближнимъ, взаимное вспоможеніе, вотъ славное свидѣтельство Вѣры, естьли подлинно Вѣра живетъ въ насъ! Но когда творимъ противное, безчестіе нанося Вѣрѣ не погубляемъ ли чрезъ сіе душу свою? Когда мы сообщаемся съ людьми подозрительными, слушаемъ соблазнительныя развратности, языкъ свой по клеветѣ творимъ подобнымъ яду зміину, вмѣсто Священнаго писанія занимаемся

(*) Мат. III. 10.

маемся чтенїемъ книгъ, разтлѣвающихъ непорочность душевную, въ очахъ скрываемъ зависть, въ духѣ гордость, въ сердцѣ окаменѣнїе, потрясающее наше и ближнихъ благополучїе: при такихъ поступкахъ нашихъ, *егда прїидетъ сынъ человѣческїй со Ангелы своими, обрящетъ ли Вѣру на земли?*

Ожидаемый Спасителю! Не осуди насъ въ залогѣ Вѣры нашея. Мы вѣдаемъ, что раби, вѣдящїе волю твою, но несотворшїе, бїени будутъ паче невѣдущихъ. Для сего, естьли мы не крѣпко держимся исповѣданїя нашего, накажи насъ за сїе во времени всѣми печальми, но не отъятїемъ Вѣры; накажи, мы сїе заслуживаемъ; но токмо совсѣмъ не отврати лица твоего отъ насъ, и не удали Духа твоего Святаго.

НАСТАВЛЕНІЕ IX

О

Промыслѣ.

Есть Промыслъ, слѣдовательно должно почитать его; есть Промыслъ, слѣдовательно надлежитъ ему повиноваться;

ваться; есть Промыслъ, слѣдственно намъ нужно уплодотворять оный.

Есть Промыслъ, сему доказательства сіяютъ повсюду, въ Богѣ, въ мірѣ и въ насъ самихъ. Въ Богѣ, — способности разума нашего извлекаютъ оный изъ самыя его сущности; въ мірѣ, — воззрѣніе на вселенную представляетъ его очамъ нашимъ весьма ощутительно; въ насъ самихъ, — внутреннее чувствованіе живо оный открываетъ.

Несомнѣнная истина о Промыслѣ проистекаетъ изъ сущности самаго Бога. Когда Богъ есть существо пресовершенное; то не льзя не быть оному безконечно премудрымъ, безконечно благимъ, безконечно сильнымъ. Естьли Богъ Премудръ, то онъ долженъ знать порядокъ; естьли онъ благъ, то долженъ любить его; а естьли всесиленъ, то долженъ благоучреждать оный. Видимый устроенный порядокъ есть первое и непосредственное дѣйствіе Промысла, и такъ не льзя не быть оному. И какъ Богъ, будучи всѣхъ вещей первымъ началомъ, непремѣнно и послѣднимъ концемъ оныхъ быть долженъ; то естьли Богъ составляетъ послѣдній вещей конецъ, непреложно ему слѣдуетъ управлять

ихъ къ своему центру; а чтобъ къ сему управлять ихъ, надлежитъ избирать и управлять средствами къ помянутому концу служащими. Вотъ дѣйствіе принадлежащее до Промысла; слѣдственно есть Промыслъ.

Кромѣ сего вопросимъ: вездѣ ли есть Богъ? Или неизмѣримость Его престала быть неизмѣримостію? Естьли онъ существуетъ вездѣ; то вездѣ видитъ, вездѣ все знаетъ, всѣмъ дѣйствуетъ, все учреждаетъ; а сіе, чтобъ Богу все видѣть, знать, дѣйствовать, учреждать, — означаетъ Промыслъ. Опровергать сію истину не льзя иначе, развѣ съ потрясеніемъ основанія и утвержденія всѣхъ другихъ истинъ и съ погруженіемъ вселенныя въ первобытный Хаосъ, или въ гораздо жалостнѣйшее смятеніе, нежели то ничтожество, изъ котораго она извлечена.

Есть Промыслъ. Да и какъ оному возможно сокрыться отъ нашего разума, естьли онъ въ строеніи міра какъ бы осязателенъ для нашихъ чувствъ? Кто можетъ, говоритъ Псалмопѣвецъ, кто можетъ привести въ молчаніе чудное прославленіе имени Божія отъ свѣтилъ кругообращающихся надъ нашими главами? *Небеса повѣдаютъ*

даютъ славу Божїю (*). Когда среди тихїя полунощи при ясномъ времени возвожу я очи мои къ Небесамъ: какое зрѣлище представляетъ мнѣ твердь необозримая? Безчисленныя звѣзды текутъ во образѣ воинства; текутъ поставленныя въ порядокъ подъ руководствомъ Промысла ихъ управляющаго. Яркое и лучезарное сїянїе звѣздъ сихъ представляетъ Небо яко живыми цвѣтами усѣяннымъ. По чудной правильности движенїя ихъ въ такой часъ такой-то звѣздѣ должно явиться, и — она уже блещетъ; въ сїю минуту надлежитъ другой сокрыться, и — она уже сокрылася. Постоянное и непрерывное ихъ теченїе отъ начала мїра безъ пресѣченїя и безъ остановки ежедневно начинается и оканчивается. Какой усыпленный слухъ не можетъ услышать столь согласнаго и неизъяснимаго славословїя свѣтилъ Небесныхъ? Но — отъ Небесъ обратимъ очи наши на землю.

Здѣсь новое свидѣтельство Промысла открывается въ удивительной разнообразности предметовъ, древесъ, растѣнїй, плодовъ и животныхъ ее покрывающихъ! Различные источники,

(*) Пс. XVIII. 1.

ники, яко сокровенныя жилы довольно напаяютъ жаждущія земли неизмѣримое тѣло. Древа покрыты плодами, луга усѣяны цвѣтами. Что мы должны думать о ненарушающейся разнообразности годовыхъ временъ? Съ какою правильностію раздѣляютъ они время, раздѣляютъ какъ бы измѣряя равновѣсіемъ? Святый Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что они представляютъ какъ бы четырехъ сестръ, раздѣляющихъ между собою наслѣдіе Отца своего, изъ которыхъ каждая, будучи довольна своей частію, содержитъ себя совершенно въ своихъ границахъ, и намъ попремѣнно доставляютъ дары свои. Весна оживотворяетъ землю, и покрываетъ оную пріятною зеленостію. Лѣто озлащаетъ поля богатою жатвою. Осень приноситъ плоды во обиліи. Зима покоитъ земледѣльца въ нѣдрахъ радости. Сіе прославленіе имени Божія не менѣе удивительно, какъ и Небесное. — За симъ пренесемся мы на брегъ пространнаго моря.

Здѣсь какое увѣреніе о Промыслѣ сокрыто въ его глубинѣ и пространствѣ, въ его тишинѣ и волнованіи! Море иногда, будучи кротко и спокойно, представляетъ живый образъ

разъ ненарушаемаго покоя Создателя своего; иногда, будучи колеблемо съ яростїю, заставляетъ меня трепетать грозныя десницы Владычни; никогда не выходя изъ себя самаго, заставляетъ меня обожать тѣ премудрыя распоряженїя Промысла, которыя содержатъ оное въ предѣлахъ его. Кромѣ сего се воздымаются неизмѣримыя волны, подобныя высокимъ горамъ. Временемъ малыя песчинки укрощаютъ ярость ихъ; и такъ разбиваяся они о брегъ не смѣютъ нарушить порядка, Промысломъ для нихъ на пескѣ начертаннаго.

О вы, которые не воздаете Промыслу должнаго уваженїя! Сомнѣвайтесь о немъ сколько вамъ угодно, сомнѣвайтесь! но прежде заставьте молчать прославляющихъ его тварей неодушевленныхъ; погасите небесныя свѣтила возженныя надъ главами вашими; скажите нощи, чтобы она не возвѣщала болѣе дня; разстройте весь порядокъ времени и земныхъ произрастѣнїй; разорвите оплоты морскїе, словомъ, воцарите во вселенной безпорядокъ царствующїй въ вашемъ сердцѣ, и наконецъ при необузданной свободѣ сужденїя своего рцыте: *нѣтъ Промысла*!

Оста-

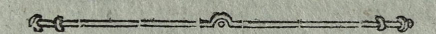
Остановитесь сомнѣвающїеся въ очевидной истинѣ; послушайте гласа, болѣе краснорѣчиваго, нежели гласъ природы, послушайте тайнаго чувства, внутрь сердца вашего раздающагося. При ощущенїи сего свидѣтельства не нужно мудрованїе: ибо когда что подтверждаетъ опытъ, тогда ничего нѣтъ опаснѣе, какъ размышленїе. Одно воззрѣнїе на насъ самихъ можетъ рѣшить недовѣрїе наше въ разсужденїи Промысла. Кто можетъ воспротивиться чистотѣ внутренняго чувства? — Къ сему прибѣгая я вижу благоустроенное семейство, живущее посредѣ сладкаго покоя; вижу, и говорю: есть хозяинъ, которой онымъ управляетъ. Вижу спокойное общество, процвѣтающее науками, законами, правдою; вижу, и почитая таковую имперїю, говорю: есть Государь надъ оною царствующїй. Вижу стадо пасомое въ щастливыхъ пажитѣхъ, охраняемое отъ хищныхъ волковъ; вижу и говорю: есть недремлющїй пастырь, которой его сберегаетъ. Вижу корабль среди моря при распущенїи всѣхъ парусовъ щастливо плывущимъ къ своей пристани; вижу и не сомнѣваяся говорю: есть искусный кормщикъ, правильно держащїй кормило въ рукѣ своей. При

семъ

семъ когда я смотрю на вселенную какъ бы висящую и уравновѣшенную на воздухѣ; взираю на ея порядокъ, красоту, разнообразїе, стройность, непоколебимость, и когда слышу, что это случай, взываю: *о случай*, сколько ты премудръ! сколько ты прозорливъ! сколько основателенъ, и почти сколько Божественъ! Но говоря, что это случай, можно въ семъ увѣрить другихъ: но можно ли въ семъ убѣдить себя самаго? Внутреннее сердечное чувствованїе ополчается противъ обманчиваго языка гортани моей. Въ безчисленныхъ случаяхъ противъ воли нашей внутренное свидѣтельство исторгаетъ сознанїе въ разсужденїи Промысла. При нечаянномъ пораженїи, въ неожиданной опасности возводимъ мы очи къ небесамъ, и тотчасъ вопїемъ: Боже мой! естьли недремлющее око твое, какъ многїе думаютъ, закрыто: то для чего бы намъ свои очи возводить на Небо? Естьли слухъ твой ничему, какъ думаютъ нѣкоторые, не внемлетъ: то для чего бы намъ призывать Тебя на помощь?

Создателю вселенныя! не выходя изъ себя самихъ внутрь сердца своего мы находимъ чувствительныя доказатель-

тельства въ разсужденiи твоего провидѣнiя. Напрасно видящiе притворяются его невидящими, и сомнѣвающiеся оному противятся: всѣ ихъ усилiя, служащiя къ опроверженiю, безплодны, и по сему я заключаю, есть во вселенной премудрость, которая управляетъ; есть око, которое все видитъ, рука, которая всемъ дѣйствуетъ, сила, которая все поддерживаетъ, вѣчность, которая все соблюдаетъ, словомъ, есть Промыслъ всевидящiй, управляющiй, благораспоряжающiй; и такъ должно его почитать; слѣдуетъ ему повиноваться и уплодотворять съ нашей стороны добрыми дѣлами. Вотъ сознанiе души разумныя! всякое противное сему человѣческое умствованiе означаетъ плачевное ослѣпленiе, а можетъ быть и наказанiе прогнѣваннаго Бога.

НАСТАВЛЕНIЕ X

Въ которомъ изображается собесѣдованiе души человѣческой съ Богомъ.

О

Дѣйствiи Промысла.

Душа. Нѣтъ ничего справедливѣе, всесильный Боже! какъ взирая на лучезар-

зарныя, видимыя дѣла рукъ твоихъ быть убѣжденною въ исповѣданіи и чествованіи Промысла: но не возбрани, источникъ благости! открыть предъ тобою сердце мое, представить часть недоумѣній моихъ, моихъ смущеній, да тобою утишатся чувствуемыя мною затрудненія и безпокойства. Когда устремляю я очи мои на сію обширную вселенную; примѣчая все въ ней происходящее, вездѣ ищу твоего Промысла и не обрѣтаю. Затмилось кажется его лучезарное сіяніе, или совсемъ уничтожилось. Когда я взираю на неравное раздѣленіе благихъ сего міра: вижу, что одни имѣютъ всяческая, а другіе ничего не имѣютъ; одни раждаяся во обиліи на все безмѣрное расточаютъ сокровище, а другіе, стеня въ бѣдности питаются хлѣбомъ слезъ своихъ; одни, кажется, рождены, чтобъ быть щастливыми, а другіе родившись, изнесли, представляется, въ свѣтъ на челѣ своемъ сіе опредѣленіе: буди проклятъ. Однако они всѣ дѣти твоего Промысла. Какъ понимать сіе столь явное неравенство положеній человѣческихъ? Для чего одинъ говоритъ: во обиліи моемъ не подвижуся во вѣкъ! а другой въ бѣдности влачитъ

чить жизнь свою? Сей поставлен самовластнымъ господиномъ, а тотъ пресмыкающимся рабомъ? Для чего, будучи всѣ чадами твоими, не всѣ равны; и когда всѣ должны стремиться къ единому концу, не однимъ путемъ къ нему достигаютъ?

И еще важнѣе; не довольно сего, что сокровища свѣта раздѣлены неравно: но для чего чаще порочные и злые люди участвуютъ въ семъ чудесномъ раздѣленіи? Кто не удивится видя нечестиваго издающимъ законы, а добродѣтельнаго принужденнымъ выполнять оные, Іова созерцая на гноищи, а Ахава въ великихъ чертогахъ, Апостола Павла на мѣстѣ казни, а Нерона на престолѣ? Примѣчая, что всего больше видно въ свѣтѣ нечестіе торжествующимъ, а невинность угнѣтаемою, порокъ властвующимъ, а добро попираемымъ; разумъ, пришедши въ смущеніе, покушается произнесть: гдѣ обитаетъ истина? Гдѣ царствуетъ Промыслъ? Гдѣ живетъ Богъ правды? Благій и всемогущій Создатель! оживи мою Вѣру; прости смущеніе моего духа, и благоволи успокоить безпокойство моего сердца.

Богъ. Душа маловѣрная, въ какое смущеніе и въ какое безпутство ввергаютъ

гаютъ тебя безпорядочныя твои чувствованія? Доколѣ ты будешь судить о вещахъ по своему человѣческому понятію? Я хочу изъ благоснисхожденія унизиться даже до тебя, дабы возвысить чрезъ сіе жребій твой даже до моего величія. Ты говоришь сама въ себѣ: сіе неравенство положеній человѣческихъ и благихъ міра естьли дѣло Промысла? Ты жалуешся, для чего одни богаты, а другіе бѣдны, одни самовластны, а другіе подчиненны, одни владыки, а другіе раби? Но помысли и разсуди: при совершенномъ равенствѣ состояній и имущества могъ ли бы состоять человѣческій родъ, гражданское сообщество и соединеніе всѣхъ политическихъ членовъ въ одно тѣло? Естьли устроить два великіе града, одинъ состоящій изъ однихъ людей великихъ и богатыхъ, а другой изъ низкихъ и бѣдныхъ; сей вскорѣ бы палъ и уничтожился, а тотъ могъ бы себя поддержать на нѣсколько: но при равенствѣ щастія и чина въ обществѣ, гдѣ бы всѣ люди были равны, равномѣрно довольны и свободны, кто бы захотѣлъ принять на себя званіе трудное и изнурительное, но званіе необходимо нужное? Кто бы, видя другихъ въ должностяхъ спокойныхъ и почитель-

тельныхъ, кто бы захотѣлъ въ видѣ земледѣльца орошать землю теплыми каплями кроваваго пота, естьли бы другіе жили въ нѣдрахъ прохлады и нѣжности? По твоему сужденію въ каждомъ градѣ всѣмъ бы надобно быть чернію безъ раздѣленія, или всѣмъ законоправителями, сидящими на судилищѣ? Но во всей вселенной должно ли всѣмъ безъ изъятія повиноваться, или всѣмъ повелѣвать безъ различія? Естьли сему быть не возможно; то никому не надобно ни повелѣвать, ни повиноваться: по сему предположенію вся вселенная преобратилась бы въ столпъ Вавилонскій.

И такъ неравенство состояній и имущества благихъ свѣта не токмо не противно Промыслу, но еще благопріятно: ибо пружина премудрости, приводящія все въ мірѣ въ движеніе, не могла ни чѣмъ лучше соединить людей между собою, развѣ союзами подчиненности и зависимости, и сіе для того, чтобъ щастливый, утѣшая бѣднаго, помнилъ превратность жребія своего, а бѣдный ожидая совершенной отрады въ вѣчности единогласно бы съ первымъ прославлялъ Промыслъ премудро ими управляющій.

Душа. Пусть, — все прозрительно вѣдящій Боже! такому неравенству не обходимо быть нужно: но для чего при семъ не предпочтены праведные нечестивымъ? Для чего не ввѣренъ добрымъ залогъ властительства и сокровище, изъ котораго бы они могли сдѣлать лучшее употребленіе, нежели злые, которые искажаютъ оный и безчестятъ?

Богъ. Познай и въ семъ случаѣ мой Промыслъ, мою Премудрость. Праведники для того лишены земныхъ сокровищь, чтобы они не престали быть праведными; во обиліи они бы возгордились и развратились, а чрезъ бѣдность я испытую ихъ добродѣтель и пріумножаю тягость славы. Іовъ гораздо болѣе возвеличилъ имя мое на гноищи, нежели князіе живущіе въ богатыхъ чертогахъ. Съ другой стороны, почто я грѣшникамъ вручаю благая міра сего? Для того, чтобъ показать имъ суетность оныхъ и ничтожество; а иногда я оныя имъ ущедряю яко врагамъ меня нелюбящимъ съ тѣмъ, чтобъ посредствомъ временныхъ благодѣяній учинить сердца ихъ чувствительными и привлечь ихъ на путь истинный; временемъ я доставляю имъ благія сія въ вѣденіи, что они изъ нихъ сотворятъ

по

по благоупотребленію большее благо, и чрезъ сіе могутъ очиститься отъ грѣховъ своихъ; наконецъ я сообщаю имъ оныя въ награду малыхъ добродѣтелей на землѣ ими содѣянныхъ; за естественные ихъ добрые поступки естественными же вознаграждаю благими. Такимъ образомъ я покорилъ нѣкогда вселенную Римлянамъ въ возмездіе нравственныхъ добродѣтелей ихъ.

Однако въ семъ обстоятельствѣ распоряженіе Промысла не всегда бываетъ единообразно: ибо по сему не всегда лишаются земныхъ сокровищъ Праведники. Иначе можнобъ было помыслить, что естьли служащіе мнѣ съ правдою никогда не видятъ благословенія моего отъ благихъ міра, то благая сія не суть въ моей власти. И напротивъ не одни грѣшники всегда оными пользуются: ибо такая щедрота побудила бы и прочихъ быть беззаконными; побудила бы всѣхъ безъ изъятія, естьлибы для того, чтобъ учиниться щастливымъ, нужно токмо содѣлаться нечестивымъ. Промыслъ мой богатствами свѣта располагаетъ иначе. Онъ при мудромъ раздѣленіи оныхъ добрымъ и злымъ, тѣхъ и другихъ содержитъ въ праведныхъ границахъ, — и подъ непроницаемою завѣсою распоряже-

нія своего скрываетъ великія для смертныхъ корысти.

Душа. Я обожаю всеобщія судьбы и намѣренія твои, Господи! но благоволи мнѣ нѣчто еще изрѣщи предъ тобою въ разсужденіи частныхъ моихъ страданій и положенія, въ какомъ я лично нахожусь по управленію твоего Промысла. Я ничего, кажется, не забылъ, почему бы Промыслъ твой могъ учинить къ себѣ благоутробнымъ; но онъ въ очахъ моихъ представляется затмившимся. Я по его споспѣшествованію избралъ себѣ состояніе, и — пребываю нещастенъ; я по его воззванію воспріялъ такую-то должность, и — меня оныя лишаютъ. Ни въ одномъ изъ моихъ намѣреній, предпріемлемыхъ по его рѣшенію, не вижу успѣха. Все на меня вооружается:... друзья оставляютъ, непріятели гонятъ; Ты самъ, Создателю мой! кажется совсемъ меня оставилъ. Не смѣю я поносить пресвятое имя Твое; но дерзаю вопросить: гдѣ есть Промыслъ?

Богъ. Остановись душа невѣрная! ты предаешься горькому роптанію; ты страждешь, ты соболѣзнуешь, ты поражаешься своимъ состояніемъ: знаешь ли, какія совершаются надъ тобою установленія Промысла? Пожди мало, и

когда

когда время прекратится, ты узришь отъ всего разрѣшенїе. Сымется завѣса съ очей твоихъ, и тогда Промыслъ ты узришь праведнымъ. Неоспоримо, естьли бы ты всегда могла пребывать на землѣ, и ничего не ожидала въ Вѣчности, то имѣла бы причину скорбѣть и поражаться: но когда вообразишь, что Богъ произвелъ тебя въ мїръ не навсегда, что земля есть для тебя мѣсто странствованїя, жилище искушенїй, что по протеченїи извѣстнаго числа дней новый вещей порядокъ откроется очамъ твоимъ, порядокъ состоящїй въ распредѣленїи награды или наказанїя по мѣрѣ заслуги или нерадѣнїя; при семъ воображенїи можешь ли ты еще сомнѣваться о Промыслѣ; сомнѣваться такимъ образомъ, будто труды твои всегда останутся безплодными, будто слезы твои никогда не будутъ осушены, будто искушенїя твои не получатъ награжденїя? Нѣтъ! совсемъ напротивъ ты должна помышлять въ себѣ: естьли находится Промыслъ, то непремѣнно такъ всему должно быть въ мїрѣ, какъ течетъ отъ начала его. Есть Промыслъ; то надобно, чтобъ путешественникъ испыталъ прежде всѣ нужды странствованїя и по достиженїи цѣли вкусилъ сладо-

дости успокоенія; надобно золоту очиститься огнемъ, чтобъ въ большемъ явиться сіяніи и въ чистотѣ; надобно зерну пшеничну согнить въ землѣ, чтобы приплодиться сторицею; надобно наконецъ здѣсь труды свои посѣять во слезахъ, дабы пожать на Небеси плодъ ихъ съ радостію.

За симъ вѣдай, ограниченная душа, что при всѣхъ твоихъ усильныхъ изысканіяхъ всегда будутъ существовать непроницаемыя таинства въ моемъ Промыслѣ. И когда, выходя изъ своихъ границъ, ты не престанешь во всемъ настоятельно вопрошать: для чего это? и какъ? Помысли: *ты кто еси противъ отвѣщаяй? Еда речетъ созданіе сотворшему е, по что мя сотворилъ еси тако* (*)? Душа, возстающая на неизслѣдимый разумъ, страшись своего киченія; обожай премудрыя распоряженія судебъ неиспытанныхъ, а не извѣдывай оныхъ; но когда согрѣшая дерзновенно возхощешь познать неисповѣдимую волю; трепещи десницы моей, ужасайся Промысла, чтобы онъ въ наказаніе за дерзновеніе не оставилъ тебя въ вѣчномъ заблужденіи. Ты же сердце вѣрное и смиренное, сердце обожающее уставы всесильныя Премудрости,

(*) Рим. IX. 20.

сти! почитай иногда непроницаемость оныхъ и сознавайся съ кроткимъ чувствїемъ: — „Есть Промыслъ, надобно почитать его; есть Промыслъ, надобно оному повиноваться; есть Промыслъ, надобно приплождать оный, прилагая особенную неусыпность и старанїе къ святымъ его расположенїямъ.„ Вѣруй, что ты ничего не можешь сдѣлать безъ помощи Благодати, и что такъ же благодать не сильна въ тебѣ произвесть что нибудь, естьли ты не будешь соотвѣтствовать ей благими соизволеньми. Сотвори ты пособїе Промыслу и Промыслъ тебѣ поможетъ; укрѣпися первѣе само собою, и Онъ тебѣ въ немощахъ послѣ придастъ силу совершенїя; начни шествїе по пути благому, и рука Всесильная управитъ наконецъ тебя къ чертогу славы, введетъ въ оный, и ты непреложно достигнешь блаженства и награды Промысломъ прежде вѣкъ избраннымъ предъуготованныя.

Колико мы слѣпы и нечувствительны, благїй Промыслитель мїра, желая проникнуть въ неизмѣримую глубину твоего смотрѣнїя! Домогаясь узнать невозможное, или еще безразсуднѣе, какъ бы переиначить всесовершенныя судьбы твои: не заслужи-

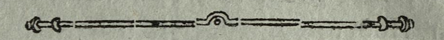
 ваемъ

ваемъ ли мы, чтобъ ты насъ оставилъ въ мракѣ вѣчнаго ослѣпленія и заблужденій? Не довольно ли для насъ вѣдать, что ты *Благъ*, слѣдственно никогда уже не восхощешь видѣть въ погибельномъ неблагополучіи на тебя уповающихъ? Кто мыслитъ иначе, того помышленія суетны и безплодны, предпріятія дерзки, дѣянія горды, а таковый коль далеко отстоитъ отъ твоего благоснисхожденія и милостей, коль близокъ ко грѣху и къ погибели!

Божественный Промыслъ! я вручаю себя во управленіе твое безъ опасенія; располагай мною во всемъ велемощно. Ты означаешь особенное совершенство Создателя моего, моего Бога, Отца моего; ты означаешь превѣчную Его силу, премудрость и благость. Яко *Премудрости*, — тебѣ извѣстно ничтожество, изъ котораго я созданъ, яко *Силѣ* — бреніе, изъ котораго образованъ, яко *Благости* — конецъ и путь, конецъ, для котораго существую, — путь, по которому долженъ достичь цѣли бытія моего. Располагай убо мною; управляй вовсемъ по своему праведному изволенію. Я ничего не хощу вѣдать болѣе, кромѣ твоея Божественности. Почитать Тебя, повиноваться, прилпложать да будетъ всѣхъ важнѣйшее мое

дѣло

дѣло. Въ чьи лучше руки могу я повѣрить мой жребій, кромѣ рукъ Отца неизрѣченною любовію ко мнѣ расположеннаго?

НАСТАВЛЕНІЕ XI

О

Величествѣ безсмертія

Когда съ одной стороны все намъ представляетъ смерть и разрушеніе тѣлесъ нашихъ: тогда съ другой все возвѣщаетъ намъ *безсмертіе* душъ нашихъ, созданныхъ по образу Божію. Вѣра, разумъ, внутреннее чувствованіе, единомысленное согласіе всѣхъ народовъ, все служитъ къ утвержденію сего многоцѣннаго преимущества нашего, каково есть *безсмертіе*. — *Вѣра* увѣряетъ насъ въ семъ своими Святыми писаньми, — *разумъ* убѣждаетъ насъ въ томъ своими разсужденіями, — *внутреннее чувствованіе* заставляетъ насъ безпрестанно воздыхать о немъ по всеобщему и непреоборимому стремленію къ сему ожидаемому центру. (Ибо всѣ мы чувствуемъ, что умремъ, но по смерти еще нѣчто останется насъ самихъ.) *Единомыс-*

мысленное согласіе всѣхъ народовъ доказываетъ сію истину, то, по мнѣнію язычниковъ, преселеніемъ душъ нашихъ въ другія твари, то въ елисейскія поля, то, по мнѣнію вѣрныхъ, во адъ, или на Небо.

Но поелику Христіанамъ представляются сіи Священныя наставленія; то симъ обидѣлась бы Вѣра наша, естьли бы я важнѣйшую истину исповѣданія нашего вознамѣрился объяснять и утверждать обширнѣе. Довольно знать изъ безсмертія нашего проистекающія для насъ выгоды и стараться показать себя тѣхъ выгодъ достойными.

Нѣтъ ничего для насъ величественнѣе, многоплоднѣе и спасительнѣе, какъ благоразсудное помышленіе о безсмертіи душъ нашихъ. Оно *возвышаетъ* насъ *въ* нашихъ *чувствованіяхъ*; оно *освящаетъ* насъ *въ* нашихъ *дѣяніяхъ*. Познаемъ изъ сего величіе насъ самихъ, познаемъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ извѣстнѣе, что ничего нѣтъ для насъ достойнѣе, какъ свѣденіе о томъ, что мы по своему безсмертію означаемъ въ чинѣ благодати.

Безсмертіе возвышаетъ насъ *въ* нашихъ *чувствованіяхъ*: сіе весьма справедливо. Нещастіе человѣческое часто проистекаетъ отъ того, что онъ самъ

себя

себя не знаетъ, или знаетъ, но худо. Не всякой видитъ, что онъ можетъ сдѣлать, чего ожидаетъ, и что онъ значитъ. Мы ошибаемся думая, будто тѣло наше есть существенная часть, составляющая всего человѣка: ибо сїе тѣло, сїе бренїе есть наша темница, а истинно составляетъ человѣка *душа*, — въ ней содержится прямое и незыблемое наше величїе. Но плачевное ослѣпленїе человѣческое! ежели ихъ вопрошаютъ: кто ты такой? Одинъ отвѣтствуетъ: я вельможа, имѣю такой-то чинъ; другой говоритъ: я судїя, предсѣдаю въ такомъ-то мѣстѣ. Неоспоримо, все сїе составляетъ нѣкоторое величїе; но въ насъ еще что-то болѣе находится. Мы *безсмертны!* Вотъ изъ всѣхъ лучшее для насъ достоинство, чинъ изъ всѣхъ превосходнѣйшїй, сїянїе, предъ которымъ всѣ прочїе меркнутъ. Мы *безсмертны*; по сему первенствующїй нашъ начальникъ есть Богъ, — нашъ образецъ Хрїстосъ, — наше упражненїе добродѣтель, — наша жизнь Благодать, — наше наслѣдїе Небеса, — наше упованїе Вѣчность, — наше услажденїе Блаженство самаго Вседержителя. Въ такомъ видѣ душа наша стоитъ несравненно болѣе, нежели все богатства мїра; наше достоинство гораздо

раздо выше, нежели всѣ достоинства свѣта, словомъ, единое титло *безсмертный*, когда мы носимъ на челѣ своемъ: тогда оно болѣе отличаетъ насъ другъ отъ друга, нежели украшающїе насъ извнѣ злато и каменїе многоцѣнные.

При сихъ высокихъ чувствованїяхъ человѣкъ начинаетъ себя познавать и уважать; познавши страшится обезчестить величїе свое гнусными пороками, стыдится быть плѣнникомъ страстей, не покушается унизить себя заразительными чувственными прихотьми. Памятуя, что онъ безсмертенъ, непрестанно стремится къ Небесамъ, не прилѣпляется къ тлѣнїю, уподобляется благомудрому Монарху, предпрїемлющему дѣла достойныя своего величїя. Кто безсмертенъ, того сердце должно имѣть всегда желанїя благородныя.

Смертный человѣкъ все величїе свое полагаетъ въ суетахъ временныхъ: но душа безсмертная, почитая то за пылинки, что свѣтъ щитаетъ колоссами, все величїе свое поставляетъ въ единой негиблемости. Безсмертїе до такой степени благородства возвышаетъ человѣка, что онъ видя суетную пышность отличїй житейскихъ, видя подъ своими ногами, никакъ на

ную воззрѣть не хочетъ, и справедливо! Безсмертный человѣкъ не имѣетъ нужды въ пышности, дабы показаться отъ другихъ отличнымъ; не имѣетъ нужды въ завѣсѣ притворства, дабы прикрыть стыдъ свой, рождающійся отъ приверженности къ чувственности; не имѣетъ нужды въ лицемѣріи, дабы показывать изъ себя другимъ совсемъ иное, нежели что значитъ въ самой сущности. Онъ, чтобы представиться истинно великимъ, болѣе всего ненавидитъ обманчивую гордость. Безъ всякой наружной прикрасы Природа и Вѣра дѣлаютъ его столь благочестнымъ, что онъ появляется иногда великимъ, но безъ хвастовства; а иногда скрываетъ свое превосходство, чтобъ не показаться соблазнительно кичливымъ. По сему возносясь превыше міра, или торжествуя надъ чувствами, онъ представляется великимъ, мудрымъ, справедливымъ, безсмертнымъ, *Богоподобнымъ* (*). Въ такомъ положеніи человѣкъ перестаетъ любить себя самаго, или любитъ, но не человѣка плотскаго, а духовнаго, не человѣка чувственнаго, а безсмертнаго, не человѣка земнаго, а Небеснаго. Вотъ что

(*) Быт. II 8.

что означаетъ въ самой сущности своей человѣкъ, и таковыми обязаны быть всѣ. *Сїе есть всякъ человѣкъ* (*). Но безъ дѣлъ достойныхъ безсмертїя мы изображаемъ одну тѣнь, призракъ, или, естьли можно такъ выразить, одну *копїю* человѣка.

Помышленїе о безсмертїи *освящаетъ* насъ *въ* нашихъ *дѣянїяхъ*, освящаетъ, вдыхая высокїя намѣренїя и представляя къ добру великїя побужденїя. Всѣ постороннїя причины, служащїя къ благоповеденїю жизни нашей, въ сравненїи съ безсмертїемъ ничего не означаютъ: ибо тѣ только суть прямыя добродѣтели, которыя основываются на безсмертїи, а прочїя представляютъ насъ лжецами, лицемѣрами, гробами повапленными, но никогда людьми разумными по избранїю прямаго добра и добродѣтельными по совершенному началу. Говорятъ о многихъ, что ихъ добродѣтели часто означаютъ одну хитрость и притворство. Для чего? Потому что ихъ добродѣтели, границами своими имѣя временность, не утверждены на безсмертїи. Часто правосудїе означаетъ принужденность; часто руки кажутся чистыми, а сердце

(*) Еккл. XII. 13.

це замарано; часто щедрота изображаетъ тщеславіе, скромность доказываетъ связанность; сего очень довольно во странѣ сѣни смертныя: но посмотримъ на человѣка живущаго по здравому понятію безсмертія. Дыханіе его чисто и не заразительно, въ разумѣ его царствуетъ истина, въ словахъ искренность, въ чувствахъ сострадательность, рука его неповинна, сердце не замарано.

Таковы суть *вообще* добродѣтели, проистекающія отъ безсмертія; но далѣе разсмотримъ ихъ *въ особенности*, разсмотримъ въ отношеніи къ каждому состоянію. Предоставимъ всякому человѣку *безсмертіе* за правило его поведенія и за причину его дѣяній: то вездѣ найдемъ истиннаго Философа, мудраго Государя, честнаго судію, добраго гражданина, совершеннаго отца. Монархъ, воображая что онъ *безсмертенъ*, подданныхъ своихъ почитаетъ за дѣтей, и вѣруетъ, что онъ нѣкогда долженъ будетъ царствовать не надъ ними, а съ ними на Небеси совокупно. Судія рѣшенія свои всегда будетъ измѣрять вѣсами справедливости, естьли памятуетъ, что всѣ дѣла его, какъ и прочихъ, взвѣшены будутъ на вѣсахъ Правды Вѣчныя. Купецъ, когда

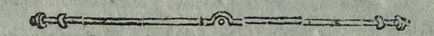
да помышляетъ, что есть для него купля гораздо земныхъ выгоднѣйшая, купля, посредствомъ которыя можетъ снискать сокровище безсмертія: тогда торговли своей основанiемъ поставляетъ не безсовѣстную корысть, а любезную честность. Рукомесленникъ роботаетъ денно и нощно; онъ на сiе раждается. Но сей рукомесленникъ награды за труды свои не столько долженъ искать временныя, сколько вѣчныя: ибо какое будетъ для него нещастiе, естьли онъ на землѣ изнуряясь до крови, наконецъ преселится въ Вѣчность съ пустыми руками? Всякъ, имѣяй въ виду своемъ *безсмертiе*, ничего не можетъ представлять въ разумѣ своемъ, кромѣ священныхъ размышленiй, ничего въ намѣренiяхъ, кромѣ справедливости, ничего въ поступкахъ, кромѣ правды, ничего въ дѣянiяхъ, кромѣ святости. О! естьли бы всѣ такъ помышляли *о безсмертiи*, всѣ жили по его внушенiямъ: давно бы уже всѣхъ сердца обратились въ престолъ чистыхъ добродѣтелей; всѣ бы люди представили изъ себя живое начертанiе Божества; законы, миръ и веселiе возцарствовали бы на землѣ; весь свѣтъ преобразился бы въ первобытный сладостный рай. Естьли бы всѣ занимались

сими

ми высокими чувствованїями безсмертїя, нельзя бы того видѣть на землѣ, что нынѣ видимъ. Смертные престалибъ искать уваженїя и чести по однимъ внѣшнимъ преимуществамъ; скопище богатствъ, пустая слава, обманчивая прелесть видимыхъ пышностей моглилибъ увлекать ихъ сердце? Не уповательно! душа, стяжанїемъ сихъ токмо благихъ отъ другихъ отличающаяся, забываетъ подлинное величїе бытїя своего, и теряетъ изъ виду высокость, до какой ей должно возноситься по установленїю судебъ Божїихъ.

Безсмертные человѣки! будемъ отъ нынѣ болѣе всего почитать душевныя добродѣтели, а не гиблемыя сокровища; навыкнемъ уважать то, что мы составляемъ въ самой сущности, а не то, чѣмъ обладаемъ наружно; увѣримся, что для человѣка нѣтъ ничего величественнѣе, какъ *самъ человѣкъ*. Въ прочемъ сего еще для насъ не довольно, чтобъ мы умственно токмо познавали собственное величїе; потребно умозрительное постиженїе достоинства нашего поддерживать святостїю намѣренїй и чистотою дѣянїй: ибо какое для насъ поношенїе, какое нещастїе, когда мы по душѣ своей во очахъ Божїихъ составляемъ нѣчто великое, а низкимъ пове-

поведенїемъ своимъ дѣлаемся предъ цѣлымъ свѣтомъ извергами человѣчества? Потщимся расположительнѣе изъ источника безсмертїя почерпать неописанныя сокровища. Онъ не изчерпаемъ, богатства его безцѣнны, и подвиги благочестїя съ нашей стороны должны быть безпредѣльны.

НАСТАВЛЕНIЕ XII

О

Выгодахъ безсмертїя

Помышленїе о безсмертїи, живо представленное въ разумѣ нашемъ, доставляетъ намъ драгоцѣннѣйшїя выгоды. Оно, яко особенное средство пособїя, *облегчаетъ горесть* нашу во всѣхъ злоключенїяхъ; оно, когда сердце наше не наполняется ничѣмъ временнымъ, *исполняетъ* всю *обширность* нашихъ *желанїй*.

Боже! оживи наши чувствованїя; возвысь оныя до твоего престола; даждь силу воспаренїя онымъ до центра того славнаго безсмертїя, къ которому ты насъ призываешь. Оно выше нашихъ размышленїй, но не превыше непостыдныя Хрїстїанскїя надежды.

По-

Помышленїе о безсмертїи *утѣшаетъ* насъ во всѣхъ чувственныхъ горестяхъ, во всѣхъ, — сколько бы они велики и чувствительны ни были. При коликомъ множествѣ прискорбныхъ обстоятельствъ мы нуждаемся приводить себѣ на память сїе спасительное помышленїе, *я безсмертенъ*? Въ продолженїи гиблемыя и смертныя жизни сея мы безчисленнымъ подлежимъ нещастїямъ; вся временность наша есть послѣдствїе однихъ за другими неудовольствїй и бѣдствїй. Человѣкъ малость живетъ на землѣ и сїя малость преисполнена горести; говоритъ праведный Іовъ: *человѣкъ рожденъ отъ жены малолѣтенъ и исполнь бѣдности* (*). Всѣ люди шествуютъ по пути усѣянному тернїемъ и часто орошаемому слезами. Жизнь наша есть непрестанная война. *Житїе человѣку на земли искушенїе* (**). Теченїе дней нашихъ есть непрерывное продолженїе печали, безпокойствъ, скуки, неудовольствїй, горести; есть скопище золъ, непрестанное прилитїе и отлитїе перемѣнъ и превратностей, которыя, яко кипящїя волны текутъ одни за другими, текутъ обуревая

Ж 2 насъ

(*) Іов. XIV. 1.
(**) Іов. VII. 1.

насъ и потопляя. При сей обтекающей насъ бездне злощастiй, что, естьлибъ мы ничего не имели въ утешенiе, во что бы преобразилась жизнь наша? Какая бъ была наша участь? Очи наши не имели бы столько слезъ, — сердца столько воздыханiй, чтобъ могли довольно оплакать и возстенать о временныхъ бедствiяхъ. Но посреде столь бедственныя жизни, жизни не иное что, какъ продолжительную смерть изображающей, взглянемъ мы на свое *безсмертiе*; расположимся, чтобъ сей Небесный светильникъ изобразился внутрь сердца нашего въ вечномъ своемъ сiянiи: онъ всего удобнее облегчитъ тяжесть нашихъ бедствiй, всего прiятнее усладитъ горесть нашихъ соболезнованiй. Для чего намъ безпокоится о томъ, что мы въ животе семъ щастливы или нещастливы, богаты или бедны, велики или низки, здравы или немощны? Для чего, естьли мы въ семъ твердо уверены, что временная жизнь наша есть странствованiе, а точный уделъ наследiя нашего составляетъ *безсмертiе*?

Души верующiя Откровенiю! питайтесь высокими и непреложными истинами слова Божiя посреде своихъ горестей! возлетайте къ Вечности мыслiю

слію своею, когда вы нещастны! одушевляйте безсмертіемъ сердца свои, когда они страждутъ! Тяжесть временныхъ горестей своихъ облегчайте величествомъ надеждъ вѣчныхъ! Мало времени надлежитъ намъ въ животѣ семъ потерпѣть, и — Вѣчность насъ утѣшитъ. За мрачною нощію краткихъ печалей непремѣнно возсіяетъ лучезарный день неокончаемой радости; его едва намъ предвозвѣститъ заря смерти: тогда всѣ тучи сомнѣнія о безсмертіи исчезнутъ. Всѣ труды наши увѣнчаются, слезы изсохнутъ, веселіе обьиметъ духъ нашъ, миръ ненарушаемый воцарится въ сердцахъ нашихъ. Утѣшительныя выгоды безсмертія! на нихъ взирающе понесемъ иго прискорбій, понесемъ, — ибо мы на сіе раждаемся; пролїемъ на землю слезы, пролїемъ, — ибо мы обитаемъ въ юдоли плачевной, но при семъ не забудемъ взирать не Небесное отечество наше. Посѣемъ заслуги свои съ слезами, и — мы пожнемъ плодъ ихъ съ радостію, Искусимся въ животѣ временномъ огнемъ терпѣнія, и — мы преселимся нѣкогда въ селеніе вѣчныя прохлады. Еще *нѣсколько* дней пребудемъ твердыми во искушеніяхъ Вѣры; еще *нѣсколько* часовъ посражаемся съ міромъ и съ пло-

 тію;

тїю: потомъ все измѣнится въ наше утѣшенїе, все окончится въ наше веселїе. И се! что я вижу взирающе на свое безсмертїе? Ангели уже держатъ вѣнцы надъ главами нашими; они готовы увѣнчать наши понесенїя крестныя; отверзается входъ благочестивымъ подвигоположникамъ въ Царство Небесное. Безсмертїе какъ бы насильно заставляетъ всѣхъ позабыть всѣ печали и горести земныя. Къ сему блаженному наслѣдїю всѣ мы призываемся; его *возвѣщаетъ* намъ душа наша, а *прїуготовляютъ* дѣла ея.

Сладкое и спасительное помышленїе о безсмертїи! оно *исполняетъ* всю *мѣру* нашихъ *желанїй*, когда представляетъ въ наслѣдїе наше жилище вѣчности. Часто предосуждаютъ въ томъ многихъ, что они алчны, и ничѣмъ довольны быть не могутъ; сїе несправедливо: ибо пусть смертные ничѣмъ въ жизни сей не насыщаются; сїе доказываетъ, что они опредѣлены къ *чему-то большему*, нежели что на землѣ ихъ можетъ удовольствовать. Другїя твари исполненїе всѣхъ своихъ желанїй видятъ во времени; но человѣкъ одинъ здѣсь ненасытимъ: изъ чего видно, что полное довольство для души его Богъ. Имъ возобладавши нѣкогда,

или

или лучше съ нимъ соединившись, онъ ничего болѣе не возхощетъ. Напрасно страстно прельщаются нѣкоторые скопищемъ именій, богатствъ и земныхъ сокровищь; ибо сїе скопище праха препятствуетъ имъ видѣть собственное величїе, и не позволяетъ имъ почерпать изъ онаго подлинное благополучїе. Однако благоразумнымъ Христїанамъ что бы ни обѣщавали, что бы ни ущедряли: они всегда ищутъ, желаютъ и воздыхаютъ о единой *Вѣчности*. Естьли бы пожертвовали имъ всемъ мїромъ: но они, хотя бы и множество оныхъ имъ представили, не предпочли бы ихъ выгодамъ безсмертїя.

Посмотримъ мы на людей великихъ. Они щастїе свое поставляютъ въ высокихъ почестяхъ: но какъ скоро достигаютъ верха оныхъ, тогда достоинства ихъ представляются имъ дымомъ. Посмотримъ на сыновъ вѣка сего. Они обладаютъ безчисленнымъ богатствомъ; обладаютъ, — и при семъ очень бѣдны: ибо не насыщаясь тѣмъ, что имѣютъ, они еще чего-то желаютъ; и по сему-то, ненавидя богатство, вдаются въ чувственныя прихоти и роскошъ. Посмотримъ на людей чувственныхъ и сластолюбивыхъ. Они щастїе свое пола-

ſают въ услажденіи чрева; но сіе услажденіе дѣлаетъ ихъ скотоподобными, теряющими разумъ, и нарушающими здравое чувство. И такъ *всяческая суета на свѣтѣ* (*).

Блаженное безсмертіе! когда ты представишь намъ благая, могущая совершенно усладить насъ? Доколѣ, гоняясь за мечтою, мы будемъ обитать въ горести, и сердце наше не узритъ исполненія своихъ желаній? Въ чемъ состоитъ подлинное наше сокровище, въ чемъ совершенная слава? На землѣ видимый безпорядокъ и неминуемыя злоключенія сжимаютъ наше благополучіе; къ тебѣ убо прибѣгая, остается намъ дать свободу душѣ своей. Она можетъ воскрилится къ небесамъ и утвердить тамо свое жилище. Тогдато гордый человѣкъ останется однимъ собою доволенъ; сребролюбецъ насытится, алчный узритъ исполненіе всѣхъ своихъ желаній. Но когда, безсмертный Боже! когда, Царю вѣковъ! возсіяетъ свѣтъ сего безсмертія во очесѣхъ нашихъ? Когда солнце вѣчныя славы озаритъ насъ? Когда мы внидемъ въ радость наслѣдія Небеснаго? Днесь и заутро мы сего ожидаемъ, и по сему оби-

(*) Еккл. I. 1.

обитая на землѣ, вѣруемъ, что мы сотворены для небесъ; когда плачемъ въ мѣстѣ странствованія, тогда воображаемъ, что небесное отечество насъ ожидаетъ, и мы его достигнемъ; когда обуреваемся житейскими попеченьми, тогда мыслимъ приближитися къ тихому пристанищу. И такъ кійждо неся крестъ свой не долженъ отчаяваться; ибо онъ окончится вскорѣ; а естьли кто благоденствуетъ, тотъ не долженъ прилѣпляться безмѣрно къ слѣпому щастію, зная, что оставя міръ, все должно будетъ оставить; да и что для того земля, кто созданъ для горняго Іерусалима? что тому временность, кто предопредѣленъ не умирать во вѣки? Что для того всѣ блага свѣта, его же призываетъ Богъ къ раздѣленію своея превѣчныя славы и блаженства? О *безсмертіе*! не могу ли я въ сію минуту вознестись превыше міра сего? Не могу ли я теперь умереть, и на крылахъ Божественныя любви преселиться на лоно Авраамле? Не могу ли я при настоящемъ выгодѣ твоихъ желаніи испустить послѣднее издыханіе съ тѣмъ, чтобъ начать жить совершеннѣе, жить съ самимъ Богомъ? — Нѣтъ! не прежде я все сіе унаслѣдствую, дондеже при подвигахъ добрыхъ

совершу теченіе Вѣры; не прежде, — доколѣ не побѣжду искушенія, страсти и жало грѣховное; не прежде, — пока, исполняя законъ благодати, возрасту въ предназначенную мѣру возраста Хрїстова.

НАСТАВЛЕНІЕ XIII

О

Превосходствѣ и достоинствѣ Хрїстїанина.

Нѣтъ ничего величественнѣе предъ очами Бога и Вѣры, какъ истинный Хрїстїанинъ. Разсудимъ мы о немъ по тѣмъ высокимъ *именамъ*, которыми чествуетъ его Хрїстїанство; по той примѣрной *святости*, которая предлагается ему въ подражаніе; по тѣмъ высокимъ *чувствованїямъ*, которыя вдыхаетъ въ него Откровеніе, и по тѣмъ великимъ *надеждамъ*, которыми одушевляетъ истинное благочестїе. Познаемъ себя самихъ по симъ отличнымъ качествамъ, или по крайней мѣрѣ познаемъ то, чѣмъ мы непремѣнно быть обязаны.

Что есть *Хрїстїанинъ*? Ученикъ Іисуса Хрїста, просвѣщенный сїянїемъ Вѣ-

вѣры, воспитанный млекомъ Евангельскимъ, утвержденный въ непреложныхъ истинахъ благочестія святою Церковію. Преславное имя! мы его унаслѣдили съ того времени, какъ скоро отродились въ водахъ Крещенія.

Что есть *Христіанинъ*? Таинственный членъ тѣла Христова. Всѣ Христіане составляютъ единый составъ, коего глава есть Христосъ. Мы *удове* Плоти-Слова, слѣдственно по благодати Отрожденія не токмо души наши, но и тѣлеса составляютъ *храмъ Духа Святаго* (*). Къ симъ наименованіямъ, возлагаемымъ на насъ Христіанствомъ присоединимъ еще приписуемыя намъ Святымъ Апостоломъ Петромъ; онъ нарицаетъ насъ иногда *царскимъ священіемъ*, *родомъ избраннымъ* (**), иногда *святымъ языкомъ*, *людьми Божіими*, иногда *чадами купленными пречистою кровію непорочнаго Агнца* (***). По симъ высокимъ именамъ какія намъ должно имѣть святѣйшія качества? Естьли бы Христіане знали, что они въ себѣ значутъ, они престали бы жить такъ низко, какъ живутъ нынѣ, и несомнѣн-

(*) I Кор. VI. 15.
(**) I Пет. II. 9.
(***) I Пет. I. 19.

мѣнно всѣ бы измѣнились въ праведниковъ.

Видѣли мы, что есть *Христіанинъ*; но познаемъ далѣе, *чѣмъ* онъ *быть долженъ*. Человѣкомъ живущимъ по правиламъ Откровенія и по примѣру жизни Іисусъ Христовой. — Прежніе вѣрующіе, послѣдуя сему великому ученію и примѣру, кого представляли изъ себя свѣту въ древности? Людей новыхъ и въ то время почти неизвѣстныхъ міру, истинныхъ мудрецовъ, коихъ прежде и имя неизвѣстно было свѣту; но послѣ самые язычники удивлялись ихъ многимъ и преславнымъ добродѣтелямъ; удивлялись вѣрности ихъ на словахъ, искренности въ сердцѣ, справедливости въ поведеніяхъ, скромности неслитной съ лицемѣріемъ, возвышенію являемому безъ гордости, смиренію неозначающему низкости. Правда! они имѣли и страсти, но для того, чтобъ побѣждать оныя, имѣли удовольствія, чтобъ ими жертвовать благоразумію, имѣли житейскія должности, чтобъ споспѣшествовать союзу общежитія, любили временныя сокровища, но для того, чтобъ благотворить ближнему; слышали похвалы, но токмо оныхъ не домогались; жили въ мірѣ, но не служили міру; пеклись

о здравіи, но съ тѣмъ, чтобъ распявшись Хрїсту духомъ, мужественнѣе могли положить за него животъ свой. Вотъ *истинный Хрїстіанинъ*! Сердце его есть святилище добродѣтели, языкъ изъяснитель истины, вся жизнь живое подобіе жизни Бога-Человѣка. Таковыми должны быть и мы, естьли желаемъ показать себя истинными Хрїстіанами: но естьли мы инаковы; Хрїстіанство не престанетъ порицать насъ въ слабостяхъ, осуждать въ преступленіяхъ. Блаженъ, кто не безчеститъ своего достоинства!

Но чтобъ болѣе намъ уразумѣть оное, для сего потребно знать намъ тѣ благородныя чувствованія и великія *надежды*, которыя возвышаютъ насъ до Небесъ и до самаго Бога.

Вѣра вдыхаетъ въ Хрїстіанина благородныя *чувствованія*, и онъ ими возносится превыше всѣхъ перемѣнъ и злоключеній временныхъ. Ибо пусть обтекаютъ его внезапные случаи нещастія, угнѣтаютъ несносныя бѣдствія, сокровище его похищаютъ, друзья гнушаются, здравіе ослабѣваетъ, все благополучіе его потрясается: но когда съ нимъ *Вѣра* его, онъ никакой не чувствуетъ потери: ибо Хрїстіанинъ, ничего не имѣя, кромѣ

Вѣры

Вѣры единыя, въ очахъ вселенныя представляетъ такого великаго человѣка, на котораго взирая нѣкогда самые язычники произносили: „можетъ „ли паче сего быть достоинъ славы „Божїя первѣйшїй свѣта щастливецъ?„

Хрїстїанинъ чувствованїями своими *возносится превыше вселенныя.* Мїръ имѣетъ свои заблужденїя, а Хрїстїанинъ разгоняетъ ихъ Вѣрою, и тако торжествуетъ надъ мїромъ. Свѣтъ представляетъ ему обольстительныя сладости, а онъ ихъ презираетъ; наводитъ иногда страхъ за непокорность соблазнамъ, а онъ прогоняетъ его мужествомъ и терпѣнїемъ. Да и можно ли тому чего нибудь страшится, кто ничего, кромѣ грѣха, не боится? Хрїстїанинъ чувствованїями своими *возносится* иногда *превыше себя самаго.*

Возноситься выше мїра означаетъ величество души, а возноситься превыше себя самаго означаетъ рѣдкую добродѣтель. Какъ восхитительно смотрѣть на человѣка мужественно вооружающагося противъ себя самаго, безстрашно объявляющаго себѣ войну, всегда держащаго въ десницѣ своей мечь духовный въ посѣченїе гибельныхъ страстей до самаго корня, и въ обрѣзанїе

занїе даже малѣйшихъ вѣтьвей самолюбїя, словомъ, непрестанно приносящаго себя въ жертву Богу и закалающагося на жертвенникѣ любви проповѣданной благодатїю. Таковъ есть *истинный Хрїстїанинъ*! Онъ чувствуетъ, что значитъ по своему званїю, и знаетъ вмѣстѣ, чѣмъ быть долженъ по сердцу.

Чувствованїя, вдыхаемыя Вѣрою, *возносятъ* Хрїстїанина *превыше гоненїй, тиранствъ и самыя смерти.* Когда въ свѣтѣ ничего болѣе не было видно, кромѣ мученїй: тогда Хрїстїане за малое почитали умереть отъ руки гонящихъ. Самые невѣрные удивлялись первымъ Праведнымъ Подвигоположникамъ, истинно по самымъ дѣламъ заслужившимъ великое имя истиннаго Хрїстїанина. *Какїе это люди*? говорили многїе взирая на ихъ долготерпѣнїе и мужество. Когда ихъ водили на судилищѣ, они шли безбоязненно; когда ихъ осуждали на смерть, они за осужденїе сїе благодарили, яко за благодѣянїе; когда ихъ предавали варварскому мученїю, они надъ тиранами своими торжествовали великодушїемъ; когда ихъ устрашали самыми безчеловѣчными казньми, они говорили мучителямъ: „вамъ легко *погубить* насъ,

„ибо

„ибо мы человѣки, и намъ легко *уме-*
„*реть*. ибо мы Христiане. Вамъ легко
„*погубить* насъ, ибо мы имѣемъ тѣло,
„которое и по себѣ должно нѣкогда
„разрушиться, и намъ легко *умереть*;
„ибо мы исповѣдуемъ Вѣру, которая
„ободряетъ насъ безсмертiемъ. Пора-
„жайте убо, разтерзывайте, закалай-
„те, жгите плоть нашу; но при семъ
„вѣдайте, что прекращая животъ
„нашъ, вы скорѣе дѣлаете душу на-
„шу причастною жизни лучшiя и бла-
„женныя. Убиствомъ руки вашей вре-
„менность токмо для насъ пресѣкает-
„ся; но начинается вѣчность.„ Какiе
человѣки! какiя чувствованiя! и это
были *истинные Христiане*! Что скажемъ
наконецъ о ихъ великихъ *надеждахъ*?

Текущiи въ позорищи (*), имѣя въ виду *истлѣненъ вѣнецъ*, крѣпки были во упованiи, и не могли показывать себя ослабѣвающими въ трудахъ своихъ: но предъ ихъ упованiемъ гораздо превосходнѣе надѣянiе Христiанское. Ибо мы *подвизаемся не безвѣстно*, *а ждемъ вѣнца Небеснаго*, *вѣнца нетлѣннаго*; — *упованiе наше безсмертiя исполнено* (**). Часть наша, наслѣдiе наше, блажен-

(*) 1 Кор. IX. 29.
(**) Ирем. III. 4.

ство наше во странѣ живыхъ. Мать Маккавеевъ имѣла у себя седмь сыновъ, которые нѣкогда всѣ въ одно время осуждены были на мученіе. Тиранъ, или гонитель произнесъ уже опредѣленіе смерти. Кровопійцы изготовили ножи, дрова, огнь, всѣ орудія мучительскія. Слышится гласъ рѣшительнаго повелѣнія; — кровь неповинныхъ юношей рѣкою течетъ предъ очами ихъ матери. На что взирая, *молю тя чадо* (*), вѣщаетъ мать меньшему сыну, *да воззриши на небо.* Ты долженъ въ оное внити; входъ уже отверстъ; лоно Авраамле тебя ожидаетъ; ополчись убо терпѣніемъ; непоколебись во исповѣданіи своемъ; отечество твое превыше міра. Се твердое упованіе живыя Вѣры! Такимъ же образомъ общая мать наша, Святая церковь, и наши упованія воскриляетъ къ Вѣчности, воскриляетъ возвышая наши чувствованія и оживляя огнь нашея бодрости. Христіане! взирайте на Небеса, поучаетъ она, они составляютъ незыблемое ваше жилище!

И такъ надѣяніе наше возвышаетъ насъ къ селенію Святыхъ, къ престолу Господню. Устремляя къ онымъ серд-

(*) II Макк. VII. 28.

сердца свои и желанія, поопасемся унизить себя приверженностію къ гиблемымъ сокровищамъ; богатство временное, чести и слава, словомъ, источникъ всѣхъ благихъ житейскихъ пусть да течетъ подъ ногами нашими. Яко *человѣки* мы не можемъ обитать внѣ міра, но яко *Христіане* не должны также быть плѣнниками онаго: да и можно ли намъ быть узниками свѣта, когда мы выше онаго? Мы Христіане, — слѣдственно намъ должно жить на землѣ въ примѣръ другимъ, въ примѣръ по своему благоповеденію, кротости нравовъ, и по благородству сердечныхъ чувствованій. Или показывая изъ себя сыновъ вѣка сего, сыновъ развратныхъ и беззаконныхъ, безъ сожалѣнія, безъ стыда отважимся мыслить, что, дабы учиниться благочестивымъ, не должно быть Христіаниномъ? Да не будетъ! Родившись въ благодатномъ исповѣданіи потщимся и умереть въ ономъ безъ униженія лично своего достоинства и безъ посрамленія всего Христіанства. Носяще на себѣ святое имя, пребудемъ навсегда святы и дѣлами. Благодать Божія преуспѣти намъ въ семъ да поможетъ.

НАСТА-

НАСТАВЛЕНІЕ XIV

О

Должностяхъ и обязанностяхъ Христіанскихъ.

Повергаясь къ стопамъ твоимъ, Боже! я хочу разсуждать о тѣхъ *обязанностяхъ*, въ которыхъ долженъ буду отдать предъ тобою отчетъ предъ очами всего міра. Прежде начатія дне суднаго желаю размыслить, что я представляю предъ очами твоими, или по крайней мѣрѣ что представлять долженъ. „*Я Христіанинъ.* Сія высокая мысль, возродившаяся въ разумѣ моемъ, заслуживаетъ особенное занятіе всего духа моего и чувствій сердечныхъ. Благоволи при семъ озарить меня свѣтомъ Евангельскимъ, да паче углублюсь въ познаніе всѣхъ моихъ *обязанностей* и въ пространство *должностей* мнѣ соприличныхъ.

Я Христіанинъ. Неизъяснимая благодать Божія! твоимъ содѣйствіемъ устроено, чтобъ я, предпочтительно другимъ, родился отъ Христіанскихъ родителей, былъ просвѣщенъ свѣтильникомъ Вѣры въ то время, когда безчисленные, мнѣ подобные человѣки, стенятъ во тмѣ заблужденія и погиба-

гибаютъ въ сѣни смертной. Я могъ бы родиться, какъ они, въ горестномъ положенїи, и какъ они могъ бы умереть въ немъ. Будучи удаленъ отъ пути спасенїя я никогда бы не наслѣдовалъ толикаго блаженства Святыхъ; вѣчно былъ бы отлученъ отъ тебя, Бога моего: но благость твоя, Человѣколюбче! жребїемъ моимъ расположила иначе. Я обитаю въ нѣдрахъ православныя Церкви; живу въ числѣ сыновъ ея избранныхъ; выну слышу спасительныя ея поученїя, послѣдую ея правиламъ; иду путемъ, ею мнѣ показуемымъ, иду будучи увѣренъ въ достиженїи Небеснаго жилища, иду, и точно достигну предопредѣленнаго блаженства, естьли только до конца пребуду вѣренъ въ послѣдованїи оной.

Церковь приняла меня въ свои объятїя; когда я родился, она отродила меня въ *водахъ Крещенїя*; во всю жизнь мою она меня наставляетъ и мною управляетъ; надѣюсь, что она же прїиметъ и послѣднее мое издыханїе, а по самой смерти не престанетъ приносить обо мнѣ моленїя и жертвы. Какая благодать! Какая милость! *Благодать* неизглаголанная: ибо я ничего не сдѣлалъ, ниже могъ сдѣлать, чтобъ заслужить оную. Богъ мнѣ со-

сообщилъ ее по единому своему изволенію. *Милость* неоцѣненная: ибо она составляетъ для меня неизчерпаемый источникъ всѣхъ благихъ временныхъ, и безъ нее всѣ сокровища неудобны приближить меня къ царству Небесному. И та и другая составляютъ для меня начало вѣчнаго блаженства и залогъ безсмертныя славы.

Хвально и прославленно буди имя твое, Боже! во вѣки. Я познаю надъ собою величество твоего благодѣянія. Оно означаетъ чистое дѣйствіе твоея ко мнѣ любви и благости. Естьли бы умѣли воспользоваться онымъ прочіе языки, они бы учинились прославленными Святыми. Ежели бы жители Тура и Сідона получили такіе же дары, какіе я имѣю, они бы во вретищѣ и въ пепелѣ покаялись. Ежели бы множество невѣрныхъ и дикихъ обитателей свѣта родилось въ Христіанствѣ, оно бъ было благочестно. Но, къ сожалѣнію объ тѣхъ и къ моему большему преимуществу, *позна Господь сущыя своя* (*); того ради *тайна откровенія во иныхъ родѣхъ не сказася* (**). Однако Благодать мнѣ данную на

(*) II Тім. II. 19.
(**) II Кор. IV. 4.

что я употребляю? Какое сохраняю къ ней уваженіе? Какіе ей соприличные отъ дѣлъ моихъ произвожу плоды? Преуспѣваю ли я въ Христіанскихъ добродѣтеляхъ? Ты самъ зриши пустоту сердца моего и злоупотребленіе дара твоего, Господи! Ты симъ раздражаешься, и я трепещу предъ тобою; трепещу, — да и можетъ ли человѣкъ неблагодарный, вѣроломный приходя въ здравое чувство, можетъ ли о потеряніи даровъ твоихъ не сокрушаться? Естьли онъ, пришедши во глубину золъ, симъ не трогается, Ты же самъ своею благодатію возроди въ немъ раскаяніе, да не останется Христіанинъ вѣчно неблагодарнымъ, вѣроломнымъ и осужденнымъ. Кто во зло употребляетъ благодать Божію, для того всѣ прочія благія безполезны.

Я Христіанинъ, я ношу на себѣ имя священное; но имѣю ли я сообразныя имени сему добродѣтели? Я получилъ отъ купѣли дары благодати; но произвожу ли дѣла приличныя дарамъ онымъ? Въ крайнее прихожу я соболѣзнованіе, когда разсуждаю о томъ, чѣмъ быть долженъ Христіанинъ, и усматриваю, что я представляю изъ себя предъ Богомъ противное.

Хрі-

Христіанинъ долженъ быть живымъ изображеніемъ Іисуса *Христа*: но я какое сходство съ нимъ въ себѣ представляю? Всегда ли сей примѣръ подражанія предъ *моими* очами, всегда ли запечатанъ въ моемъ сердцѣ?

Христіанинъ долженъ быть отверженъ отъ міра сего, удаленъ отъ онаго, распятъ міру: но я живу для міра и дышу для онаго. Нещастный! помышлять и дѣйствовать сообразно міру, во всемъ послѣдовать его понятіямъ, правиламъ и примѣрамъ означаетъ ли быть Христіаниномъ?

Христіанинъ долженъ быть смиреномудръ, убѣгающъ достоинствъ и боязливъ въ разсужденіи честей; ему свойственно любить огорченіе и сносить презрѣніе: но я, когда представляю изъ себя суету и гордость, когда ищу одного возвышенія и отличія, когда малѣйшимъ неуваженіемъ трогаюсь, одинъ взглядъ, и одно слово почитаю за несносную обиду: въ сіе время представляю ли изъ себя истиннаго Христіанина?

Христіанинъ долженъ быть сраспятъ *Христу*, мертвъ самому себѣ, неупустителенъ въ разсужденіи всѣхъ строгостей и бремени покаянія, долженъ чинить насиліе чувственнымъ прихо-

тямъ, сражаться противъ своихъ страстей и наклонностей, словомъ, долженъ представлять изъ себя безпрестанную *смиренія жертву*: но я вездѣ ищу себя самаго, люблю свои прихоти и свои удовольствія; страшусь, что меня безпокоитъ, ничего не хочу перенесть, или сношу съ нетерпѣніемъ. Ибо, когда мнѣ нужно пострадать за Вѣру мою: тогда Вѣра можетъ ли найти во мнѣ мученика, или богоотступника; о семъ, судя по дѣламъ моимъ, не знаю. . . .

Христіанинъ долженъ быть кротокъ, великодушенъ, снисходителенъ, любовенъ, *всѣмъ вся*, терпѣливо переносящъ чужія ошибки, сострадателенъ ближнихъ немощемъ, скоро извиняющъ слабыхъ погрѣшности; но я въ себѣ самомъ вижу противное: пылкость, нетерпѣливость, а иногда гнѣвъ и бѣшенство; временемъ пересуждаю и злословлю друга моего, а почти ко всѣмъ дальнымъ всегда питаю въ сердцѣ моемъ отвращеніе, зависть и злобу. Таковъ ли долженъ быть Христіанинъ? Былъ ли я когда либо лучше сего? Или во всю жизнь свою представлялъ одну тѣнь и призракъ Христіанства?

Жизнь Христіанина должна быть доказательствомъ Вѣры его, то есть,

долж-

должна быть жизнїю человѣка совершенно духовнаго, живущаго въ мїрѣ яко неживущаго, обладающаго чѣмъ нибудь временнымъ яко необладающаго, имѣющаго тѣло *на землѣ*, а душей воскриленнаго *къ Небесамъ, на всегда готоваго и расположеннаго къ смерти*. Могу ли я примѣтить въ себѣ такїе свойства и признаки? Чистыя Хрїстїанскїя чувствованїя обитаютъ ли въ моемъ сердцѣ? Хрїстїанская кровь течетъ ли еще въ жилахъ моихъ? Боже мой! есть ли я не стыжусь доселѣ поведенїя своего: то самая Вѣра моя закрываетъ отъ меня лице свое. Я Хрїстїанинъ, но токмо однимъ именемъ, и сїе имя непрестанно поношу, безславлю, и кажется совсемъ его отвергаюся по моимъ нравамъ и жизни. Мнѣ никогда еще не приходило на мысль, чѣмъ я былъ до нынѣ и чѣмъ быть было долженъ. Жизнь честнаго язычника едва ли отъ моей въ чѣмъ разнствуетъ. Для того ли мнѣ надлежало родиться Хрїстїаниномъ, чтобъ жить яко невѣрному и умереть осужденнымъ?

Я Хрїстїанинъ. Въ семъ достоинствѣ будетъ нѣкогда судить меня Богъ нелицепрїятный. О! колико строгъ будетъ судъ его! колико ужасенъ, когда мнѣ должно будетъ отдать от-

четъ въ потерянїи многаго времени, въ злоупотребленїи многихъ даровъ Благодати, въ нарушенїи безчисленныхъ *должностей* Хрїстїанскихъ, въ пренебреженїи довольныхъ средствъ ко спасенїю, въ оскверненїи таинствъ мною повторяемыхъ, въ презрѣнїи назидательныхъ во благочестїи примѣровъ, на конецъ въ посрамленїи всѣхъ *обязанностей* Хрїстїанства: тогда что я буду отвѣтствовать? Тогда. . . .

Но се! кажется, въ сїю минуту меня уже Iисусъ Хрїстосъ призываетъ; теперь зоветъ меня на страшное судилище и готовъ уже яко злаго Хрїстїанина обличить на вѣчное осужденїе слѣдующимъ пророческимъ гласомъ: *что сотворю вїнограду моему*, и доселѣ *не сотворихъ ему? — Ждахъ, да сотворитъ гроздїе, сотвори же тернїе.* (*)

„Прїиди, Хрїстїанинъ недостой„ный! прїиди отдать отчетъ право„судїю моему въ благодѣянїяхъ мило„сердїя моего. Душа невѣрная! что я „могъ сотворить для тебя и не сотво„рилъ? Я породилъ тебя въ нѣдрахъ „моея Церкви; я просвѣтилъ тебя лу„чами Вѣры; я оказалъ тебѣ безчислен„ныя милости, искупилъ тебя своею „кро-

(*) Ис. V. 4.

„кровїю, прїуготовилъ тебѣ вѣчное „блаженство. Сего ли мало къ увѣренїю твоему въ любви моей? Сего ли „мало, чтобъ предано было мнѣ сердце „твое? Чего мнѣ надлежало отъ тебя „надѣяться? Нещастная! я хотѣлъ „быть твоимъ Спасителемъ, а ты меня вынуждаешь на свое осужденїе; я „тебя создалъ для участвованїя въ „славѣ моей, а ты заслуживаешь клятву. На вѣки сама себя низвергнула „ты съ злочестїя рабами въ пропасть „крайнїя погибели. На всю Вѣчность „будешь съ ними злощастна; какъ они, „будешь испускать горькое воздыханїе, излїешь кровавый источникъ „слезъ о дарахъ благодати тобою во зло „употребленныхъ. Но поздно! ты исчислишь милости мои и ихъ узришь „множество; возъимѣешь объ нихъ сожалѣнїе, но они уже не возвратятся. „Ты призовешь Бога своего, но онъ „будучи раздраженъ дѣяньми твоими „сокроется отъ очей твоихъ. Ты увидишь, что онъ былъ въ разсужденїи „тебя, и чѣмъ ты представляла себя „противъ его. Ты увидишь, что Онъ „былъ всегда *Милосердъ*, всегда *Благъ*, „всегда *Сердоболенъ*, а ты непрестанно „упорна, неблагодарна и ожесточенна „въ разсужденїи своей погибели. Не-

„ща-

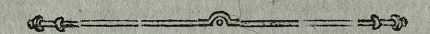
„щастная! ни милосердіе тебя предупреждавшее, ни Небеса для тебя отверзающіяся, ниже адъ, тебя ужасающій, не могли направить стопъ твоихъ на путь спасенія. Дошедши до такого состоянія ты будешь вѣчно, безплодно и безотрадно говорить слѣдующее: тысячекратно было бы для меня лучше совсемъ не родиться, не быть просвѣщенною лучами Вѣры, не выходить на свѣтъ изъ бездны ничтожества, или гораздо бы отраднѣе обитать во мракѣ идолослуженій, нежели быть причастницею Христіанскаго исповѣданія и остаться осужденною на нескончаемыя мученія ада.„

Какъ! . . . Христіанинъ во адѣ? Какой ужасъ! какое чудовище! Христіанинъ — и врагъ Божій! Христіанинъ — и проклятъ! Христіанинъ — и погибаетъ съ осужденными! Боже, Спасителю! Боже благоутробный! ты благоизволилъ по велицѣй милости своей призвать насъ къ свѣту истины; предохрани убо самъ отъ толикаго нещастія созданіе твое; не попусти, чтобъ мы испытали страхъ погибельный! Я оный понимаю во всей опасности, предчувствую съ великимъ безпокойствомъ; спаси мя отъ часа клятвы вѣчныя! Вотъ на что себя располагаетъ

гаетъ и до чего доводитъ всякой Хрїстїанинъ не живущїй по святости своея Вѣры! Не расположился ли на сїе и я, такъ живши прежде, какъ хотѣлось, посрамивши въ себѣ качество и имя Хрїстїанина, не соотвѣтствовавъ Вѣрѣ своей добрыми дѣлами, нерѣдко стыдясь показывать себя Хрїстїаниномъ? Не расположился на сїе и я? . . .

Боже милосердїя и щедротъ неизмѣримая пучина! сжалься надъ моею душею, прїими мое раскаянїе, удостой еще вняти слѣдующему прошенїю моему по твоей особенной милости, Боже! Я сотворенъ Хрїстїаниномъ: но даже до нынѣ не зналъ ни *достоинства* моего *состоянїя*, ниже *Святости* моихъ *обязанностей*; даже до нынѣ я носилъ на себѣ токмо одно имя Хрїстїанина, а теперь время уже познать мнѣ состоянїе свое и воспрїять достойныя онаго чувствованїя; отъ дне сего я рѣшился жить свято до конца моея жизни. Я разумѣю теперь, что исполнять обязуетъ меня Хрїстїанство: носить крестъ, презирать мїръ, сраспинаться самому себѣ, бояться единаго грѣха, паче всего уважать дары благодати, любить добродѣтель, желать Небеси, помышлять о Вѣчности, словомъ, жить по Хрїстїански, умереть правед-

праведникомъ, воскреснуть предопредѣленнымъ Небожителемъ. Се *должности*, которыя я отъ сея минуты вновь обязуюсь исполнять до послѣдняго моего издыханія, исполнять вѣрно, благородно, непоколебимо. Споспѣши силою своею благому намѣренію. Колико мы были бы блаженны, естьли бы никогда не опускали *должностей*, и ни на мало не удалялись *отъ обязанностей* Христіанства! Боже! благоволивый родитися намъ въ истинной Вѣрѣ, сотвори, чтобъ мы и скончались въ оной непостыдно.

НАСТАВЛЕНІЕ XV

О

Избѣжаніи грѣха.

Грѣхъ смертнымъ нарицается потому, что онъ умерщвляетъ нашу душу. Смерть есть троякая; но каждая означаетъ слѣдствіе грѣха. Смерть есть духовная, временная и вѣчная. Смерть *духовная* состоитъ въ лишеніи Благодати и всѣхъ ея сокровищъ; тѣлесная или *временная* въ суетахъ житейскихъ, въ бѣдности сея жизни, въ болѣзняхъ, и подъ конецъ въ той рѣшительной минутѣ, которою оканчи-

ваютъ-

ваются дни нашего на землѣ пребыванія; *вѣчная* въ осужденіи на всегдашнее мученіе, въ осужденіи, — естьли мы ожесточенными и нераскаянными пребываемъ въ состояніи грѣховномъ. Всѣхъ сихъ ужасныхъ наказаній гибельною причиною есть грѣхъ.

Смерть *духовная* состоитъ въ лишеніи Благодати и всѣхъ ея сокровищъ. Сія отмстительница беззаконій поелику не производитъ никакихъ ужасныхъ видимыхъ слѣдствій; то грѣшники почти и не боятся оныя: но подъ какими мертвыми чертами и въ какомъ плачевномъ состояніи представляется душа наша предъ очами Божіими, когда она лишена жизни Благодатныя? Когда она бываетъ добычею червей, тайно терзающихъ ея внутренность: тогда остается обнаженною, униженною, оставленною. Боже праведный! Какая бездна злощастія!

Душа, подпадшая смерти духовной, остается *обнаженною*, ничего на себѣ неимущею, ни тѣхъ неоцѣненныхъ даровъ или *печатей* Благодати, которые составляютъ самое лучшее украшеніе ея предъ Богомъ, и безъ которыхъ она наводитъ страхъ для очей праведныхъ, ниже тѣхъ *заслугъ*, которыя могли бы составить лучшее для нее наслѣдіе,

и

и безъ которыхъ она, дошедши до крайнія нищеты, должна единственно беззаконіями своими и ихъ горькими слѣдствіями довольствоваться. Что сея *бѣдности* достойнѣе сожалѣнія?

Душа, подпадшая смерти духовной, остается *униженною.* Милость Божія и кровь Іисуса Христа на нее изліянная до какой славы оную возвысили? Какихъ преимущественныхъ правъ ей не сообщили? Въ какой блаженной свободѣ чадъ Божіихъ ее не сотворили участною? Какимъ союзомъ любви и наслѣдія своего не сопрягли ее съ собою? По коликому числу священныхъ наимянованій не могла она прославиться? Чтобъ она принадлежала Богу, и чтобъ Богъ взаимообразно принадлежалъ ей, сего ли щастія не довольно? Чтобъ Ветхій денми былъ вѣчно Отцемъ ея, Іисусъ Христосъ Спасителемъ, Святый духъ женихомъ любезнымъ, Небеса ея наслѣдіемъ, безконечныя заслуги Искупителевы лучшимъ сокровищемъ, сего ли еще мало? Но о! жалостное превращеніе грѣхомъ и смертію духовною въ насъ производимое! Въ минуту они восхищаютъ у души нашей реченныя преимущества; разрушаютъ священные узы, сопрягающіе оную съ самимъ Богомъ; уничтожаютъ

жаютъ всю ея славу, восхищаютъ у нее все, что не имѣетъ она великаго по чину Благодати. Грѣхъ, нанося смерть душѣ нашей, доводитъ ее до худшаго состоянія, нежели ничтожество, изъ котораго человѣкъ въ бытіе возванъ.

Душа, подпадшая смерти духовной, бываетъ *оставленною*. Здѣсь не надобно думать, будто Богъ совсѣмъ ее покидаетъ безъ призрѣнія; милосердіе Его безконечно. Богъ и пребеззаконнымъ не престаетъ удѣлять свои милости, но токмо съ нѣкоторымъ *вѣсомъ и мѣрою*. Онъ имъ сообщаетъ дары свои, но токмо по чину всеобщаго Провидѣнія, а не по залогу преимуществъ и отличія Христіанскія Вѣры; словомъ, Онъ не лишаетъ ихъ даже и своей Благодати, но токмо престаетъ споспѣшествовать ей силою своею. И сіе не потому, чтобы такъ хотѣлъ Богъ, но располагаетъ его на сіе ожесточеніе наше. Человѣкъ грѣшитъ, ослѣпляется, ожесточается, погибаетъ, ибо самъ сего хощетъ; и такъ *оставленія* нашего не Богъ, а мы сами причиною. *Врачевахомъ Вавѵлона, и не исцѣлѣ: оставимъ его* (*). Вавѵлонъ обратилъ во зло пече-

(*) Іерем. LI. 9.

печенїе наше; оставимъ его своей волѣ и своему нещастїю.

Наконецъ душа, подпадшая смерти духовной, дѣлается добычею червей, тайно точащихъ сердце ея и раздирающихъ внутренность. Здѣсь разумъ представляетъ грѣшнику гнусность его состоянїя, гнусность ужасную и жалостную; а тамъ совѣсть посредствомъ сокровенныхъ мученїй и безпокойствъ, производя противъ его опаснѣйшую войну, чинитъ немилосердое пораженїе. Съ одной стороны Вѣра, представляя ему иногда образъ смерти его ужасающїя, иногда строгость суда неминуемаго, иногда предуготованную бездну вѣчныхъ мученїй, производитъ въ немъ безконечное унынїе, и тѣмъ паче, что при семъ представляетъ еще предъ очи его всѣ клятвы, данныя при крещенїи и при исполненїи другихъ таинствъ; — съ другой стороны всѣ страсти, возставшїя одна противъ одной, непрестанно будутъ его тревожить, смущать и мучить. Нещастный, будучи окруженъ толикимъ множествомъ неблагопрїятелей, онъ самъ при насилїи волненїй своихъ противъ себя возстанетъ. Иногда будетъ радоваться о грѣхахъ своихъ, а иногда будетъ проклинать ихъ; иногда восхощетъ

щетъ оставить беззаконіе свое; а иногда будетъ раскаяваться, что оставилъ. Попеременно то одобряя, то охуждая преступленія свои, онъ будетъ предчувствовать въ себѣ какъ бы предначатіе вѣчнаго огорченія и отчаянія осужденныхъ. Однако блаженъ еще смертный, испытуяй сіи спасительныя мученія! ибо то къ последнему послужило бы его нещастію, естьли бы онѣ совсѣмъ утихли, естьли бы грѣшникъ, сколь ни былъ виновенъ, пребылъ въ покоѣ.

Смерть *временная*, то есть плачевныя сбытности, случайныя произшествія, обороты щастія, жалкія кончины и множество другихъ злоключеній, отъ чего проистекаютъ? Напрасно причину оныхъ захотѣли бы мы изыскивать внѣ грѣха; онъ ихъ обыкновеннѣйшій и ближайшій источникъ. Ибо не грѣхъ ли въ первобытныхъ вѣкахъ былъ причиною потопа, покрывшаго все лице вселенныя? Не онъ ли низвелъ нѣкогда огнь на нещастные грады и на ихъ беззаконныхъ жителей? Не онъ ли вооружилъ мышцу Ангельскую противъ первенцевъ Египетскихъ? Кто пустыню насѣлилъ зміями? Кто понудилъ землю поглотить чадъ Аароновыхъ? Но — не изчи-

сляя столь отдаленные примѣры: отъ чего существуетъ толикое множество бѣдствій и нынѣ свѣтъ угнѣтающихъ? Отъ чего ощутительное разстроеніе примѣтно во временахъ года; поля болѣе покрыты волчцемъ и терніемъ; всюду миліоны встрѣчаются плачевныхъ и непредвидѣнныхъ горестей? Почто смерть столь часто восхищаетъ отъ среды живыхъ несозрѣлую юность и мужество, словомъ, всѣхъ безъ милосердія и различія? Для чего обстоятельства, какъ бы за чудо считаемыя отъ отецъ нашихъ, во времена наши случаются гораздо чаще: внезапное окончаніе жизни, окончаніе ужасное, многія жертвы восхищающіяся посредѣ пира и собранія; для чего столь страшныя произшествія пріумножились, естьли не для того, что беззаконія наши безчисленны? Нельзя не видѣть изъ событія бѣдствій временныхъ мщенія и наказанія Божія за грѣхи наши.

И чтобъ было, естьлибъ мы, проникнувъ во внутренность жилищъ своихъ, разсудили о тѣхъ грозныхъ пораженіяхъ, какія непрестанно почти надъ нами исполняются? Видя щастіе испровергнувшимся, наслѣдіе расточеннымъ, въ дѣлахъ успѣхи несбывающими-

щимися, во всемъ непредвидимое смятенїе и безпокойство, болѣзни приумножающимися, здравїе изчезающимъ, и еще важнѣе, примѣчая всюду раздѣленїе, свары и междуусобныя насилїя, воздыхаютъ человѣки подъ тяжестїю своихъ злоключенїй, воздыхаютъ, приписуя оныя то слѣпотѣ случая, то неправосудїю властоначальниковъ, то строгости немилосердой судьбы: признаемся лучше, что они раждаются отъ грѣховъ царствующихъ во дворѣхъ сердца нашего и низводящихъ на себя мщенїе Небесное. Не относя ихъ къ року или другому чему, скажемъ признательно, что всѣ бѣдствїя наши суть пораженїе, посылаемое на насъ отъ руки Всевышнїя. Мы нещастны, поелику виновны. Десница Божїя вознесенна надъ главою нашею потому, что грѣхъ противу насъ вооружился.

Чтобъ было, естьли бы еще, кромѣ сихъ настоящихъ злоключенїй, кромѣ бѣдствїй, нынѣ сбывающихся предъ очами нашими, возможно намъ было въ сокровенныхъ твоихъ тайнахъ, Боже! усмотрѣть будущее, и какъ бы читать опредѣленїе непремѣнно съ нами случиться имѣющее? Тогда увидѣли бъ мы большїя нещастїя, тяготу

и горесть, нежели какія теперь ощущаемъ. Тогда узналъ бы одинъ, что онъ, въ животѣ семъ обитая посредѣ забавъ, пиршествъ, зрѣлищъ, игръ и сладостей свѣта, узритъ конецъ свой, когда не помышляетъ, а по сему не будетъ имѣть времени на покаяніе; тогда извѣстился бы другой, что во цвѣтѣ его возраста, въ крѣпкомъ здравіи, когда еще надлежало бы ласкаться долгожизненностію, смерть поразитъ его, поразитъ, не давъ времени примѣтить удара поражающаго; тогда примѣтилъ бы человѣкъ лежащій на одрѣ болѣзненномъ, что друзья его, сродники, супруга и дѣти обманываютъ его ложною и мучительною своею ласкою, обманываютъ, когда оставляютъ умирающимъ безъ помощи, или съ однимъ ложнымъ обнадеживаніемъ излѣченія; тогда увидѣли бы многіе, какъ и съ какимъ безпокойствомъ при наступленіи часа смертнаго надлежитъ имъ требовать служителя примиряющаго съ Богомъ людей, подъ тяжестію преступленій своихъ изнемогающихъ.

Грѣшникъ кончается, и по праведному суду Божію, желая исповѣдать беззаконія свои священнику, его не обрѣтаетъ, или обрѣтаетъ, но не имѣетъ

уже

уже времени подробно исчислить предъ нимъ преступленія свои; и такъ желая покаяться умираетъ неразрѣшимымъ; но, естьли еще смерть щадитъ животъ его, естьли еще длится кончина его; беззаконный, ослабѣвши плотію, повергается въ мучительное отчаяніе духомъ. Въ памяти его живо изображаются даже преступленія юности; вся жизнь сія представляется ему ужасною. Обличенія ожидаемаго Спасителя какъ бы въ тужъ минуту начинають гремѣть въ ушесахъ его. Нѣтъ! вѣщаетъ въ такомъ положеніи самъ къ себѣ унывшій душею грѣшникъ: „беззаконія мои очень велики! „Нѣтъ болѣе для меня милосердія; я „погибаю!„ При семъ онъ произноситъ имя Іисусъ Хрістово, держитъ распятіе въ рукѣ своей; но послѣднее издыханіе испускаетъ съ отчаяніемъ. Не льзя сего не предусматривать многимъ въ сокровенныхъ судьбахъ твоихъ, Боже! Бездыханное тѣло беззаконника распростирается на одрѣ болѣзненномъ, а душа со грѣхами своими предъявляется на судъ Божій. Вотъ третій видъ смерти: коль онъ плачевенъ! вотъ наказаніе грѣха: коль оно мучительно!

Смерть *вѣчная*. Душа, ее унаслѣдившая, вѣчно остается отъ Бога уда-

ленною, отлученною, вѣчно низверженною въ пропасть неизмѣримую, въ пламень пожигающїй, въ тму кромѣшную, вѣчно раздираемою несносными грызеньми, чувствующею безплодныя соболѣзнованїя, вѣчно пїющею желчь и горесть, вѣчно остающеюся жертвою гнѣва Божїя, ни малѣйшаго свѣта радости несозерцающею: ибо грѣхъ *вѣчно* въ ней будетъ царствовать, и Богъ непрестанно оныя будетъ отвращаться. О грѣхъ! о смерть грѣховная! коль тяжки ваши оброцы!

Для многихъ читателей столь великїе и страшныя истины покажутся тщетными угроженїями. Однако сколь многїе изъ насъ близки къ окончанїю живота своего? Сколь многїе подлежатъ внезапной смерти? Сколь многїе умираютъ безъ приготовленїя, безъ покаянїя, безъ таинствъ? Или хотя и съ исполненїемъ таинствъ, но съ равнымъ мученїемъ совѣсти, съ равнымъ осужденїемъ, какъ бы и не исполняли оныхъ? Сколь многїе отваживаются окончать жизнь свою съ вражїимъ высокомѣрїемъ, съ ожесточеннымъ нераскаянїемъ, съ ужаснымъ отчаянїемъ? Какой плачевной жребїй! какое нещастїе! Мы о семъ не помышляемъ, мы сего не видимъ, и можетъ

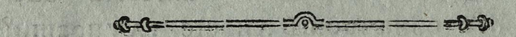
быть

быть такое событїе скоро проявится надъ нами; можетъ быть Богъ положилъ конецъ и нашей жизни; можетъ быть и мы внезапно узримъ пораженїе смерти; можетъ быть, ... Но мы все еще утопаемъ въ забавахъ, все погружаемся въ увеселенїяхъ свѣта, все грѣшимъ, и во грѣхахъ живемъ спокойно. Не означаетъ ли сїе глупости? Не есть ли ослѣпленїе? Гдѣ наша Вѣра?

Боже! предохрани мя благодатїю своею отъ грѣхопаденїя. Сего нещастїя я паче всего ужасаюсь. А когда, яко человѣку, мнѣ нельзя не согрѣшить; накажи мя въ семъ мїрѣ, отмсти вину мою на землѣ, излей фїалъ гнѣва своего, излей на меня въ сей жизни, но токмо яви себя милосердымъ въ будущей. Милость, о которой я молю величїе твое паче, нежели о прочихъ видахъ щедротъ твоихъ, состоитъ въ семъ: аще предвидишь, Сердцевѣдче! что я покушусь тебя прогнѣвать, отважусь согрѣшить; ты прежде, нежели сотворю сїе, восхити мя отъ среды живыхъ. Лучше бо для меня не жить, нежели жить въ противность Всесвятой твоей волѣ. Я хощу лучше претерпѣть множество болѣзней и различныхъ видовъ смерти, нежели въ одну

 мину-

минуту и вѣчно неугоднымъ явиться предъ тобою по беззаконіямъ, умерщвляющимъ душу мою. Благоволи еще продлить дни живота моего, Боже! да оплачу грѣхи моя, да укрощу гнѣвъ твой, и да обрящу веліе твое милосердіе.

НАСТАВЛЕНІЕ XVI

О

Средствахъ, предохраняющихъ отъ грѣха.

Къ предохраненію отъ грѣха смертнаго разсудимъ мы объ немъ въ четырехъ различныхъ видахъ, или лучше разсмотримъ его подъ четырмя великими проявленіями отмщенія Божія. Представимъ во очахъ своихъ *Ангела* отпадшаго на Небеси, — перваго *человѣка*, прогнѣвавшаго Творца своего посреди рая земнаго, — множество *погибшихъ сыновъ его*, живущихъ во адѣ, — и наипаче *Іисуса Христа*, распятаго за насъ на Голгофѣ. Взирая на сіи ужасныя наказанія, кто не поопасется творить грѣхъ, или кто восхощетъ пребывать въ немъ нераскаянно?

Есть-

Естьли когда, то при настоящемъ размышленіи просвѣти солнце праведное умъ мой и согрѣй сердце: ибо при семъ случаѣ я паче всего нуждаюсь въ помощи благодати твоей; нуждаюсь, да научуся низлагать врага, котораго болѣе всего я боюсь въ семъ мірѣ.

Первое проявленіе отмщенія Божія и первая жертва грѣха есть *Ангелъ*, возмутившійся на Небеси. Какой ужасъ меня объемлетъ при созерцаніи сего наказанія! Ангелъ противится Богу и вдругъ претерпѣваетъ мученіе соразмѣрное своему ослушанію. Мечь Божій ему предъявленъ, и — Ангелъ на вѣки удаленъ отъ Царя славы; на вѣки изгнанъ изъ храма святыхъ; на вѣки низверженъ въ пропасть адскую. Грѣхъ изъ Ангела породилъ діавола.

О поразительное помышленіе! а тѣмъ паче, когда я съ грѣхомъ проступившагося Ангела свои сравню беззаконія! Ангелъ сотворилъ единый грѣхъ, грѣхъ умственный, грѣхъ минутный: но я сколько учинилъ беззаконій, беззаконій великихъ, беззаконій видимыхъ? Ангелу единыя минуты довольно было бы для познанія преступленія своего, той самой минуты, въ которую онъ палъ и сдѣлался нещастенъ: но я, когда имѣю довольно вре-

времени на раскаянїе, когда чувствую благодать призывающую мя ко спасенїю, когда совѣстїю понуждаемъ бываю къ раскаянїю, ни на что не взирая остаюсь хладнокровнымъ въ преступленїи моемъ! Боже праведный! такое нечувствїе беззаконїя не естьли грѣхъ всѣхъ высочайшїй? Не паче ли надлежало тебѣ, Всевышнїй! помиловать лучшее рукъ своихъ созданїе, — Ангела? Но ты возлюбилъ человѣка. Однако естьли воспротивившагося Ангела ты смирилъ гнѣвомъ своимъ: то какою жертвою наказанїй твоихъ быть можетъ человѣкъ, — *грѣшникъ*? Праведны судьбы твои, Боже!

Второе проявленїе наказанїя твоего за грѣхъ исполнилось надъ *первымъ человѣкомъ*, посредѣ земнаго рая обитавшимъ. Человѣкъ чрезъ созданїе едва истекъ изъ ничего, чрезъ грѣхъ паки низвергается еще въ ужаснѣйшее ничтожество: ибо вскорѣ за его преступленїемъ слѣдуетъ его осужденїе и погибель. Адамъ изгоняется изъ рая, лишается всѣхъ его выгодъ, осуждается на девять сотъ лѣтнѣе раскаянїе, подвергается всѣмъ ужасамъ смерти, и это еще ничто: Адамъ воспламеняетъ противъ себя гнѣвъ Божїй, но не противъ себя токмо единаго; а клятва

заветная падаетъ на все его потомство.

Здѣсь вообрази, душа моя, всѣ злощастїя, какими угнѣтается родъ человѣческїй; представь въ разумѣ своемъ всѣ бѣдствїя, въ какихъ утопаетъ вселенная. Гладъ, жажда, изнеможенїе, болѣзни, печали, междоусобные свары, моры, пожары; представь всѣ сїи наказанїя Божїи и рцы: „ вотъ грѣ„ха плачевныя слѣдствїя; удалимся „отъ сей клятвенной заразы! Безъ „грѣха не было бы никогда на землѣ „сихъ злоключенїй! „ Но . . .

Поступимъ далѣе; снидемъ помышленїемъ нашимъ въ нѣдро гробовъ, представимъ предъ очами своими всѣ трупы въ нихъ погребенныхъ, всѣ останки костей, земли и праха, въ которые преобратились умершїе; воззримъ на червей ихъ точащихъ, и въ содроганїи скажемъ еще: „ вотъ грѣха плачевныя „слѣдствїя! безъ него никогда бы не „было ни костей, ни червей, ниже „труповъ! И такъ можетъ ли быть „еще что нибудь грѣха ужаснѣе, грѣ„ха, отъ котораго яко отъ ядотвор„наго источника проистекаетъ толи„кое множество заразительныхъ и ги„бельныхъ слѣдствїй ? „

Тре-

Третіе проявленіе наказанія Божія за грѣхъ, наказанія весьма ужаснаго, есть множество *осужденныхъ*, *мучимыхъ во адѣ*. Преселимся мы на одну минуту во страну подпадшихъ сему злощастному жребію; приближимся хотя къ единому изъ стенающихъ въ жилищѣ плача, рыдающихъ отъ огня и пламени; при семъ не льзя намъ будетъ не возчувствовать тяжести грѣховныя и ужасовъ беззаконій. Воззримъ на страшныя пропасти геенскія; — ихъ на землѣ еще ископали для окаменѣлыхъ грѣхопаденія ихъ. Воззримъ на пламень неугасаемый; — его беззаконія возжгли еще во времени для нераскаянныхъ. Воззримъ на тму кромѣшнюю, внемлемъ воздыханіямъ, жалобамъ и воплямъ скрежещущихъ зубами; — всѣхъ сихъ злоключеній причиною грѣхъ. Онъ отчаянныхъ, еще въ животѣ семъ лишая благодатнаго свѣта, никакъ не допускаетъ видѣть утѣшенія. Снидемъ духомъ своимъ во дно адово, обратимъ взоръ и вниманіе свое на тѣни умершихъ; — онѣ томны, черны, но сколько бы мрачны ни были, они измѣнятся въ лучезарное сіяніе для увѣренія насъ въ томъ, что грѣхъ сдѣлалъ ихъ погибшими. При семъ ужасномъ изображеніи кто не

не возненавидитъ беззаконїе, яко причину заслуживающую великую клятву и наказанїе Божїе?

Но забывши все, естьли только можно забыть то, о чемъ мы говорили, разсудимъ на конецъ о четвертомъ проявленїи гнѣва Божїя, по причинѣ грѣховъ нашихъ сбывшемся *на Голгофѣ. Голгофа!* . . . сюда Богъ спаситель, сюда Бого-человѣкъ умирающїй всѣхъ насъ приглашаетъ. Повергнувшись къ подножїю креста его будемъ свидѣтелями кроволитнаго зрѣлища, зрѣлища вѣрою намъ представляемаго. Тамо десница Владычня вознесенна; опредѣленїе противъ *Святаго святыхъ* изрѣчено; неповинная жертва пригвождается къ поносному древу; кровь пречистаго агнца обильными струями изливается на землю; Сынъ Божїй умираетъ на крестѣ висяй. Вотъ до чего довели его грѣхи наши, грѣхи, которыхъ онъ учинился жертвою!

При семъ всего *удивительнѣе* то, что Iисусъ Христосъ, будучи безгрѣшенъ, понесъ на себѣ всю клятву грѣховную, и что къ очищенїю отъ беззаконїй не иному чему быть надлежало, развѣ умереть Богочеловѣку. Всѣ добродѣтели Святыхъ, всѣ заслуги праведныхъ, всѣ страданїя мучениковъ,

были въ разсужденіи сего не дѣйствительны, чтобы родъ человѣческій искупить отъ клятвы грѣховныя. При семъ такъ же то всего *плачевнѣе*, что смерть Искупителя не трогаетъ сердецъ нашихъ; ибо мы не престаемъ еще искоренять грѣхи свои. Покланяемый Спаситель! смерть твоя была причиною, что солнце затмилось, земля потряслася, гробы разверзлись, каменіе распались; но сердца наши тверже самыхъ каменій, когда не чувствуютъ бремени беззаконій и не содрогаются отъ гнусности грѣха, на крестъ тебя вознесшаго и кровь твою источившаго. Всегда ли и всѣхъ сердце будетъ окаменѣнно?

Что касается до меня, то, чтобы познать, оплакать и проклясть грѣхи мои, я не имѣю нужды ни въ собственномъ размышленіи, ниже въ чужихъ совѣтахъ. Я повергаюсь къ подножію креста твоего, возвожу на него очи мои; при лицезрѣніи сего священнаго залога, представляемаго мнѣ вѣрою, такъ вѣщаю къ самому себѣ: „вотъ слѣдствіе грѣха! глава „святѣйшая, глава наклоненная означаетъ слѣдствіе множества беззаконныхъ помышленій, представляемыхъ „въ разумѣ нашемъ; — очи испол-

„нен-

„ненныя слезъ означаютъ слѣдствіе „нашихъ безчисленныхъ соблазнитель-„ныхъ воззрѣній; — сердце, прободен-„ное копіемъ, уста, напоенныя желчїю, „суть слѣдствіе нашего злорѣчія и „зависти.„

Какая жалость, естьли мы и при семъ употребляемъ во зло свои слезы! Мы плачемъ о нещастіяхъ жизни сея, но закрываемъ очи въ разсужденіи бѣдствій жизни будущія. Человѣкъ лишается части имѣнія своего, вдругъ изъ себя выходитъ: но когда потерялъ сокровище Вѣчное, остается нечувствительнымъ. Супруга лишилась любезнаго мужа, жизнь свою проводитъ въ печали и сокрушеніи; рана ея всегда жива въ ея сердцѣ: но когда она грѣхомъ потеряла жениха Небеснаго; нещастіе сіе не трогаетъ душу ея. Царедворецъ лишился милостей Монарха своего, показывается неутѣшнымъ, и жизнь свою почитаетъ за тягость: но когда прогнѣвалъ Бога и потерялъ любовь изъ всѣхъ лучшаго Начальника, о семъ ни плачетъ, ни воздыхаетъ.

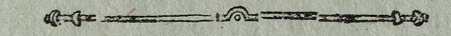
Плачевная слѣпота человѣковъ! Сожалѣть о потеряніи богатства, а не скорбѣть о погибели души! Плакать для земли, а не плакать для неба!

Горько и безплодно сокрушаться о выгодахъ сего міра, а быть нечувствительнымъ въ разсужденіи корыстей спасенія и самыя вѣчности! Всѣ почти такъ живутъ, и при семъ всѣ мы Христіане; всѣ исповѣдуемъ живую Вѣру; всѣ вѣруемъ въ вѣчность. О грѣхъ! колико мракъ твой непроницателенъ! Коль заблужденіе наше велико! Да и мученія, имѣющія за тобою послѣдовать колико жестоки! Отчаяніе коль продолжительно! Соболѣзнованіе горько! Самая вѣчность не прекратитъ источника гибельныхъ твоихъ слѣдствій.

Къ предохраненію отъ толикаго зла потребно каждому отъ человѣкъ питать въ себѣ слѣдующія чувствованія. 1е. Чувствованіе *соболѣзнованія* о содѣянныхъ беззаконіяхъ. Взирая на прошедшее заблужденіе свое всякой долженъ говорить: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ, да плачуся день и нощь* (*) о содѣянныхъ преступленіяхъ? 2 е. Чувствіе *спасительнаго страха*, при опасномъ случаѣ ко грѣху насъ увлекающемъ. При видѣ повода къ преступленію мы должны трепетать, бояться и бѣжать наипаче,

(*) Іерем. IX. 1.

че, яко при обозрѣнїи змїи, извивающейся подъ ногами нашими. *Отъ грѣха бѣжи, якоже отъ лица змїина: аще бо приступиши къ нему, угрызнетъ тя* (*). 3 е. Чувствїе *благодаренїя* къ Богу, что онъ, когда мы беззаконны, еще отъ среды живыхъ не возхищаетъ животъ нашъ: ибо какое было бы злощастїе наше, аще бы во грѣсѣхъ умерли? 4 е. Чувствїе *сострađанїя* къ явнымъ и подобнымъ себѣ грѣшникамъ: ибо согрѣшающїе суть, можетъ быть, наши друзья, сродники. Когда они умираютъ тѣлесно, мы симъ поражены бываемъ и много трогаемся: но смерть грѣховная должна быть для всѣхъ несравненно прискорбнѣе и жалостнѣе.

НАСТАВЛЕНІЕ XVII

О

Прїуготовленїи ко смерти.

Дѣло самое нужнѣйшее въ сей жизни есть *прїуготовленїе ко смерти.* Средство къ сему прїуготовленїю самое надежнѣйшее состоитъ въ частомъ воображенїи и размышленїи о сей всеобщей

(*) Сїр. XXI. 2.

участии. И такъ изъ самой глубины вѣчнаго мрака извлечемъ мы самую свѣтлую истину. Вотъ что воображенїе о смерти представляетъ на наше размышленїе.

1 е. *Мы умремъ.* Непремѣнное опредѣленїе въ разсужденїи насъ произнесено; всякой день исполняется оное надъ кѣмъ нибудь изъ сыновъ Адамлихъ. Въ сїю самую минуту, когда я разсуждаю о смерти, есть кто либо въ мїрѣ, испускаяй послѣднее издыханїе и начинаяй Вѣчность. Можетъ быть долженствующїй послѣдовать за нимъ есьмь я. Всѣ ли о смерти такъ помышляютъ? Вся земля представляетъ изъ себя обширный театръ, всегда покрывающїйся новымъ какимъ ни есть трупомъ, или есть неизмѣримая пучина, непрестанно разверзающаяся для поглощенїя мертвыхъ тѣлъ. Однако о семъ непреложномъ опредѣленїи всѣ ли довольно помнятъ, разсуждаютъ? Всѣ люди смертны и всегда умираютъ: но многїе изъ насъ живутъ, какъ бы не должны никогда умереть. Мы самое помышленїе о смерти отъ себя удаляемъ въ надеждѣ, будто удаливши оное возможно избѣгнуть и страха смертнаго. И такъ когда бы надлежало намъ всего опа-

сать-

ваться, мы живемъ ничего не боясь; живемъ подобно тѣмъ отчаяннымъ осужденникамъ, которые когда ихъ ведутъ на мѣсто казни, и когда лишаютъ живота, ни мало не страшатся.

2е. *Мы умремъ всѣ.* Всѣ, будучи составлены изъ одного бренія, мы къ одному стремимся центру. Смерть всѣхъ насъ призоветъ на свое судилище; всѣхъ, такъ сказать, перекличетъ предъ собою поимянно, — одного нынѣ, а другаго заутра, — сего въ настоящее лѣто, а того въ грядущее. По прошествіи ста лѣтъ всѣ во градахъ жители будутъ новые, въ домахъ иные владѣльцы, во всемъ свѣтѣ другое и новое племя. Имѣющіе жить послѣ насъ скажутъ тоже, что всякой изъ насъ говоритъ нынѣ: „мы всѣ ум-„ремъ.„ Ближніе придутъ иногда на гробъ нашъ; будутъ надъ прахомъ нашимъ такими же заниматься размышленіями, какими мы сами теперь занимаемся надъ предками, а можетъ быть еще съ большимъ благоговѣніемъ и пользою, можетъ быть съ живѣйшимъ Христіанскимъ чувствіемъ; — а нѣкоторые будутъ воспоминать объ насъ по одной наружности, такъ, какъ мы о другихъ воспоминаемъ. Услышатъ

сіи глаголы потомки, и ими тронутся, тронувшись рѣшатся благовременно пріуготовиться ко смерти; а другіе отъ сего удалятся, и спасительное помышленіе о смерти усилятся заглушить житейскими суетами. Пріидетъ смерть, и они удивятся, что имъ будто и не напоминалъ никто о неминуемомъ концѣ жизни.

5 е. *Смерть разрушитъ* всѣ *наши намѣренія*, и *расточитъ всѣ* наши *помышленія.* Въ насъ, — что часъ, то новое предпріятіе; спустя нѣсколько другое; мало послѣ раждается третіе, по степени въ четвертыхъ за ними — весьма скоро наступаетъ смерть, и всѣ прочія разрушаетъ въ одну минуту. Юноша въ цвѣтущемъ возрастѣ своемъ воображаетъ единственно о исполненіи чувственныхъ своихъ желаній, — объ играхъ, забавахъ, удовольствіяхъ; при разсвѣтѣ дней своихъ онъ видитъ предъ собою неизчерпаемую бездну сладостей; но смерть, не позволивъ ему сдѣлать на пріятномъ пути трехъ шаговъ, въ самомъ началѣ жизни прерываетъ теченіе его; прерываетъ полагая шествію конецъ непредвидѣнный, препону самую жалкую; прерываетъ, заставляя подобныхъ ему съ содроганіемъ говорить

объ

объ немъ: „такой то умеръ, — умеръ
„когда мы думали раздѣлить съ нимъ
„часть удовольствій.„ Судя по сему, о!
пристрастные міролюбцы! что вы дѣлаете, занимаясь единственно собою,
свѣтомъ, украшеніями, богатствомъ?
Вы изготовляете жертву смерти; вы
смотритесь въ зеркало суеты, и не
видите позади себя смерти угрожающія. Она немилосердый кинжалъ свой
уже противу васъ обнажила; мгновеніе
ока минетъ, и она пронзитъ имъ сердце ваше, пронзитъ, и вы падете на
землю трепещущи, блѣдны.

Смертные! чье ослѣпленіе можетъ
быть болѣе нашего? Мы соглашаемся,
что жизнь наша содержится въ дыханіи, и на семъ слабѣйшемъ основаніи
желаемъ воздвигнуть неизмѣримое зданіе. Прозорливость свою мы разширяемъ очень далеко и очень высоко, но
гроба, развервающагося подъ ногами
своими не видимъ. Мы предпріемлемъ
намѣренія для того, чтобъ видѣть
ихъ разрушившимися; вымышляемъ
затѣи, и вдругъ они пресѣкаются;
питаемся понятіями пустыми; вся
жизнь наша протекаетъ въ тщетныхъ
выдумкахъ. Сіе ли означаетъ лучшее
приуготовленіе къ вѣчности? Сіе ли, —

 чтобъ

чтобъ жить и умереть съ пустыми руками?

4е. *Смерть лишитъ насъ всего.* Чести, богатство, удовольствія, должности, достоинства, друзей, сродниковъ, все по времени должно будетъ оставить. Всякой человѣкъ дойдетъ до состоянія, до какого дошелъ Іовъ; дойдетъ и принужденъ будетъ сказать съ нимъ единогласно: что для человѣка подъ конецъ въ наслѣдіе остаться долженъ единый гробъ. *Прошу же гроба и не обрѣтаю* (*). Подъ конецъ жизни всякому надобно будетъ рещи сіе печальное и прискорбное слово: „я все оставляю, оставляю скоро, или, все у меня похищаютъ, все отъемлютъ, все — безъ милосердія, все — безъ изъятія, все — безъ возврату.„ Да кто отъемлетъ? Болѣзни и немощи. И такъ одръ и гробъ, черви и истлѣніе, се мое неотъемлемое имущество! Се моя надежда! Кромѣ сихъ, *гдѣ узрю благая моя* (**)? Нечувствительные человѣки! Для сего ли мы должны питать въ сердцѣ своемъ множество зазорныхъ прихотей и желаній? Для сего ли, будучи окружены

(*) Іов. XVII. 1.
(**) Іов. XVII. Ст. 15.

жены семействомъ, должны предаваться безмѣрнымъ суетамъ и безпокойству? Для сего ли, обитая въ обществѣ, мы должны возжигать ссоры, брани, не жалѣя о пролитіи крови, все опустошая и все разрушая? Въ часъ смертный къ чему сіе для насъ послужитъ? Какая бездна, какая пропасть все стяжаніе наше поглотятъ на вѣки!

5 е. Наконецъ *смерть рѣшитъ жребій нашъ навсегда.* Древо когда либо имѣетъ пасть, и падетъ на десную или ошую, смотря по наклоненію, какое оно воспріяло отъ начала своего растѣнія. Вотъ изображеніе нашея смерти! На всю вѣчность мы тѣмъ останемся, чѣмъ будемъ въ концѣ жизни. Скончаемся въ благодатномъ состояніи; жребій нашъ будетъ твердъ, и мы вѣчно пребудемъ блаженными. Умремъ въ беззаконіи; гибель наша неизбѣжна и безконечна. Смерть есть минутное событіе, но сіе минутное событіе рѣшитъ цѣлою вѣчностію нашею. О минута! страшная минута! Кто можетъ перевѣсить тяжесть твою? Кто можетъ измѣрить жестокость твою? Кто можетъ облегчить ужасныя твои слѣдствія?

О смерть! сколь вѣсы твои справедливы! сколь судъ твой основателенъ и совѣты спасительны! *О смерте, добръ судъ твой* (*)! Кто, разсудивши о помянутыхъ великихъ истинахъ, можетъ воспротивиться силѣ твоей? Естьли бы основательно разсуждали, что всѣмъ должно умереть: ктобъ столь глупо сталъ прилѣпляться къ сей жизни, какъ многіе прилѣпляются? Кто бы, слыша гласъ смерти возвѣщающій, что все въ мірѣ суета и ничтожество, кто бы сталъ питаться пустыми мечтаньми, лживыми помышленьми? Кто бы рѣшился любить гиблемыя свѣта сокровища предпочтительно богатству вѣчному, смертію за предѣлами міра сего намъ обѣщаваемому? Кто бы не сказалъ въ себѣ самомъ: „поелику я долженъ умереть „и все оставить по смерти: то для „чего мнѣ не пріуготовляться къ оставленію всего прежде смерти?„ Естьли бы такъ всѣ помышляли, то каждой наступающій день мы почитали бы днемъ послѣднимъ; всякое дѣло исполняли бы, яко дѣло въ жизни послѣднее; всѣ бы приступали къ святилищу храмовъ Господнихъ, яко къ пре-

(*) Сір. XLI. 3.

престолу самаго Бога уже пришедшаго воздати комуждо по дѣламъ его; всѣ бы вкушали тѣло Хрїстово, какъ бы немощный, лежащїй на одрѣ смертномъ; вся жизнь наша была бы непрестаннымъ прїуготовленїемъ къ смерти. По сему всѣ бы старались жить жизнїю праведныхъ, дабы умереть смертїю Святыхъ, и жить во вѣки жизнїю избранныхъ. *Да умретъ душа моя въ душахъ Праведныхъ* (*).

НАСТАВЛЕНІЕ XVIII

О

Сихъ словесахъ Апостола Павла: „по вся дни умираю (**).„

Сколько важныхъ истинъ содержится въ сихъ краткихъ, но весьма важныхъ словесахъ Апостольскихъ: *по вся дни умираю.* — Богъ и Господь, живый во вѣки! поелику всякой изъ насъ непремѣнно умереть долженъ нѣкогда, сотвори убо, чтобъ вся жизнь наша была непрестаннымъ чувствїемъ повседнев-

(*) Чис. XXIII. 10.
(**) I Кор. XV. 31.

дневныя смерти. Ты самъ реклъ еси намъ: непрестанно будите готови, ибо не вѣсте ни дне, ни часа, въ кій тать или смерть ваша пріидетъ; самъ убо умудри насъ въ сихъ словесѣхъ Апостольскихъ: *по вся дни умираю.*

По вся дни умираю. Увы! коль многимъ вещамъ я уже умеръ! неоцѣненное время моей юности, многіе лѣта прошедшей жизни моей, они — протекли; протекли яко сонъ; протекли, и никогда уже ко мнѣ не возвратятся. И такъ умеръ я въ разсужденіи многаго числа прежнихъ дней моихъ; умеръ днямъ первымъ, да и послѣдніе протекутъ столь же нечувствительно. Въ теченіи жизни моей я простираюся въ предняя, но при семъ чувствую, что на всякъ день умираю, умираю, хотя о смерти не имѣю никакого помышленія. Разумъ мой дремлетъ и не примѣчаетъ прекращенія бытія моего; но сердце сознается, что я вдругъ, внезапно увижу часъ смертный; когда не помышляю, тогда узрю послѣднюю минуту.

По вся дни умираю. Всякой день нѣсколько отъ бытія моего убавляется, нѣчто отъ сложенія пропадаетъ. Я чувствую, что все мало по малу изче-

изчезаетъ; разумъ мой притупляется, память слабѣетъ, очи меркнутъ, силы уменшаются, все зданіе состава моего грозитъ мнѣ внезапнымъ паденіемъ. Се колико предвѣстій смерти, непозволяющихъ терять изъ виду послѣднюю минуту, въ которую мнѣ должно пожертвовать собою всеобщей рѣшительницѣ живота нашего!

По вся дни умираю. Довольную уже часть протекъ я путя жизненнаго; а сколько еще прейти его осталось, не знаю. Нынѣ я живъ, а завтра, можетъ быть, скончаюсь. Въ сію минуту я наслаждаюсь дыханіемъ, но минуту слѣдующую едва ли увижу. Сія неизвѣстность, въ разсужденіи продолженія жизни, не означаетъ ли видъ повседневныя смерти? Въ такомъ состояніи къ чему можно прилѣпляться? Можно ли выдумывать какія затѣи, предпринимать великія намѣренія? При семъ случаѣ однимъ только надлежитъ заниматься, помышлять о смерти, къ ней пріуготовляться, и какъ бы всякую минуту быть умереть готовымъ: ибо когда точно послѣдняя приближится минута, тогда не льзя уже будетъ сіе сдѣлать.

По вся дни умираю. Умираю всему, что со мною ни встрѣчается, прискор-

біе

біе или радость. Время, все пожирающее, не восхищаетъ ли у насъ равномѣрно и зло и благо? Въ мірѣ семъ нѣтъ ничего твердаго и основательнаго. И такъ когда мы находимся въ огорченіи, скажемъ: „оно скоро окончится, то для чего чрезмѣрно отчаяваться? Когда мы чувствуемъ „нѣкоторое удовольствіе, тогда должны говорить: завтра, быть можетъ, „мы онымъ наслаждаться болѣе не будемъ: то для чего оному безъ границъ предаваться?„ Какая глупость къ тому прилѣпляться, что противъ нашей воли по времени уничтожится! и какой отличной даръ премудрости не утверждаться на томъ, что не имѣетъ крѣпкаго основанія! Единъ Богъ есть непремѣненъ и добро вѣчное; къ нему убо душа моя привергайся; Его единственно люби: ибо ниже смерть самая у тебя благо сіе восхитити можетъ.

По вся дни умираю. Всякой день я разрываю какой нибудь узелъ изъ связующихъ меня съ сею жизнію. Когда смерть постигнетъ насъ тысячію узъ привязанными къ міру, узами богатствъ, честей, родства, дружелюбія, различныхъ надеждъ и замысловъ; постигнетъ, и всѣ сіи узы прину-

нудитъ разорвать, какое будетъ насилїе! какое прискорбїе! Чтобы изъ сихъ предупредить и то и другое я по вся дни самопроизвольно отрицаюсь себя самаго; отрицаюсь, и сколько есть во мнѣ силъ, предваряю симъ нападенїе смерти. По сему егда она приближится, ничего болѣе не учинитъ со мною, какъ разлучитъ душу отъ тѣла, и тихо преселитъ оную во объятїя Творца моего.

По вся дни умираю. Душа моя рѣшилась уже жить для единаго Бога; по сему не иное я долженъ брать участїе въ сладостяхъ мїра, какое свойственно мертвымъ, сокровеннымъ во гробѣ. Не нужны для меня ни забавы, ни корысти, ниже чести. Пусть меня, такъ сказать, будутъ попирать ногами, яко же прахъ мертвыхъ, я ничего не пожелаю, и въ разсужденїи всего буду нечувствителенъ. Сердце умершее мїру ничто трогать не можетъ.

По вся дни умираю. Ахъ! какъ я могу желать, чтобы еще болѣе пожить въ семъ мїрѣ? Еще ли мало видѣлъ я обстоятельствъ достойныхъ сожалѣнїя и всегдашнихъ моихъ сокрушенїй? Число беззаконїй моихъ уже ли не велико? Отвѣтъ, которой мнѣ должно

но отдать во грѣхахъ моихъ, еще ли меня не устрашаетъ? Вездѣсый Сердцевѣдецъ! уже ли я мало употребилъ во зло даровъ твоей благодати, потерялъ времени, погубилъ дней? Дерзновенный! щастливъ бы я былъ, естьли бы могъ умереть въ извѣстное время, и предуготовилъ бы себя къ явленiю предъ лице твое! Или сколько я не проживу лѣтъ, всегда приближенiе смерти буду предчувствовать съ мученiемъ и съ страхомъ? Смерть не предшествуемая сими знаками не есть смерть, а жизнь и радость. Тысяча лѣтъ предъ очами твоими, Боже! яко день вчерашнiй, или ничто, и такъ умерый праведникъ о чемъ будетъ жалѣть, хотя бы онъ еще и многихъ лѣтъ на землѣ не прожилъ?

По вся дни умираю. Блаженъ, когда бы я могъ окончать жизнь свою въ силѣ Божiя благодати, окончать дни мои въ его святой любви, умереть кончиною праведныхъ! для сего единственно мнѣ желательно еще нѣсколько пожить въ мiрѣ. Я хочу прiять попеченiе о себѣ самомъ, желаю искупить потерянное время; рѣшительно располагаюсь по вся дни умереть себѣ и всему въ мiрѣ. Какую сладость тогда почувствуетъ душа моя, какое воцарит-

царится спокойствіе въ сердцѣ моемъ, сколь тиха будетъ кончина моя, естьли я непрестанно и искренно буду говорить со Апостоломъ: *по вся дни умираю.* По вся дни болѣе и болѣе познаю я ничтожество міра; по вся дни отторгаюсь отъ тварей, разрушаю союзъ, соединяющій меня съ міромъ; по вся дни вооружаюсь противу каколибо соблазна, порока, или преступленія; по вся дни хочу чему нибудь умереть, и стараюсь умереть всему видимому. О жизнь блаженная! жизнь состоящая въ повседневной смерти! Колико ты свята, ходатайственна, и Богу пріятна! Ты весьма сообразно располагаешь насъ къ той рѣшительной смерти, которая въ опредѣленный часъ и день непремѣнно съ каждымъ изъ насъ должна событься; ты весьма убѣдительно доводишь насъ до той безсмертной жизни, которую всѣ мы улучить надѣемся. Потщимся умереть смертію святыхъ, чтобы жить во вѣки жизнію избранныхъ! Да что къ сему потребно, подлинно ли умереть, или страдать единственно? Не льзя на всякъ день умирать вещественно; но должно переносить нѣкоторыя огорченія по залогу Вѣры. По-

стараемся все соединить вмѣстѣ и страданія и подъ конецъ добрую смерть; потщимся жить и умереть по Христіански.

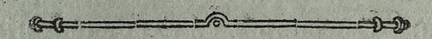
Правда, повседневная смерть огорчительна и несносна, судя по слабостямъ природы; но никто не умираетъ безъ болѣзней, не умираетъ такъ, что бы смерть ничего не стоила. И такъ ободримъ себя священною надеждою, одушевимъ душу свою мужествомъ и непоколебимостію. Мы умираемъ для соединенія съ Богомъ; съ Нимъ, дабы жить вѣчно, умремъ грѣху, міру и плоти на всякъ день; соединимъ для сего съ жертвою заслугъ Христовыхъ и съ его смертію мѣру страданій и смерти нашея. За симъ сколько бы огорчительна, сколько бы изнурительна, и сколько бы продолжительна ни была ежедневная смерть наша; благодать умѣритъ ея изнурительность, упованіе усладитъ ея горесть, награда увѣнчаетъ труды наши.

И такъ не той единственно мы подлежимъ смерти, которая имѣетъ исполниться со всякимъ подъ конецъ жизни. На всякъ день мы испытуемъ начатки и предвѣстіе кончины своея; по

но вся дни всякой изъ насъ говоритъ, что всѣ мы умремъ: но коль рѣдкіе видятъ, что они умираютъ ежеминутно. Когда мы думаемъ пожить, тогда непримѣтнѣе приближаемся къ смерти. Смерть ежедневно производитъ надъ нами свою работу, и мы нимало при семъ не стараемся послужить Богу. Истинная жизнь состоитъ въ отверженіи отъ всего, что непремѣнно должно разрушиться и изчезнуть. Мы по вся дни умираемъ, то для чего намъ прилѣпляться къ міру сему? Нѣкогда обо мнѣ скажутъ: „онъ умеръ!„ Для чего по сему не говорить мнѣ самому себѣ заблаговременно, что я умираю по вся дни? Естьли всякой непримѣтно оставитъ нѣкогда сію смертную жизнь: то при добромъ расположеніи къ смерти всякому должно просить Отца свѣтовъ, чтобы онъ учинилъ насъ достойными той непремѣняемой жизни, которая предуготована для возлюбленныхъ сыновъ его прежде сложенія міра. Будемъ жизнію своею непрестанно жертвовать Богу: на слабости и болѣзни тѣлесныя станемъ взирать, яко на спасительныя средства, руководствующія насъ къ животу безболѣзненному; не умедлимъ освящать душу свою таинствами пока-

 кая-

каянія и пріобщенія; всякой день наступающій будемъ почитать яко послѣднимъ своея жизни; при сихъ охраненіяхъ аще и умремъ, живы будемъ.

НАСТАВЛЕНІЕ XIX

О

Частномъ судѣ грѣшника.

Частный судъ есть тотъ, которой долженъ исполниться надъ нами въ минуту самыя смерти: ибо прежде послѣдняго дня, того дня великаго, въ которой всѣ человѣки собраны будутъ на полѣ Іосафатово, собраны будутъ на всеобщій судъ для торжественнаго и явнаго оправданія Промысла Владычня; со всякимъ сбудется еще судъ лично частный при концѣ временныя жизни нашея.

Судъ сей по видимому не оченъ страшенъ: ибо онъ будетъ безъ объявленія, безъ великолѣпія и безъ славы. Но онъ будетъ весьма ужасенъ по своимъ послѣдствіямъ и по своему дѣйствію: ибо онъ рѣшитъ вѣчнымъ жребіемъ нашимъ, и по сему-то послѣдній общій судъ, имѣющій за нимъ последовать, не иное что будетъ, какъ объ-

объявленіе суда частнаго, суда предъидущаго.

Послѣ малости нѣкоторыхъ лѣтъ, протекшихъ на землѣ, послѣ жизни, большею частію проведенной въ суетахъ, въ забавахъ, а иногда въ безпорядкахъ и въ буйствѣ страстей, послѣ болѣзней продолжительныхъ и изнурительныхъ, или легкихъ и краткихъ, послѣ безпокойствъ, мученій и слабостей, при конечномъ сраженіи приближится на послѣдокъ рѣшительная минута, въ которую мы окончимъ жизнь свою, и въ которую тоже объ насъ скажутъ, что мы говоримъ о прочихъ: онъ умеръ. Сколько слезъ чистосердечныхъ или притворныхъ, сколько соболѣзнованій искреннихъ или принужденныхъ послѣдуетъ въ гробъ за бездыханнымъ нашимъ трупомъ? Естьли когда, то при семь-то случаѣ должно смотрѣть живущимъ отверстыми очами.

Я сопровождаю духомъ моимъ душу умершаго, отлученную отъ міра. Се она входитъ во врата вѣчности! се присоединяется къ темному воинству тѣней умершихъ! какимъ поражается она удивленіемъ при входѣ въ сіе новое мѣсто пребыванія? Одна, . . . изумленная, отчаянная, и какъ бы омра-

ченная величествомъ Неприступнаго Существа, она видитъ себя оставленною отъ всѣхъ, и совсемъ всего лишенною.

Видитъ Себя оставленною отъ міра и тварей. Ея друзья, сродники, покровители, все, что она ни имѣла любезнѣйшаго на свѣтѣ, все даже доселѣ за нею слѣдовало, или близъ ея было неотлучно: но при шествіи въ сію землю новую, во страну чуждую, при вступленіи на брегъ сѣни смертныя, все отъ ней удалилось. Гдѣ теперь мышцы плоти, на нихъ же мыслила она нѣкогда утвердить свое щастіе? Гдѣ оные очаровывающіе предметы, которые она за обманчивую прелесть слѣпо идолотворила? Во время живота своего она жертвовала міру своими сокровищами, своимъ спокойствіемъ, своимъ спасеніемъ: но теперь все изчезло; душа осталась одна съ своими дѣлами и съ своими воздыханіями.

Видитъ себя оставленною отъ собственныя совѣсти, отъ той совѣсти лживыя и погрѣшительныя, которая ее въ теченіи жизни и соблазняла и ослѣпляла, но подъ конецъ измѣнилась уже въ совѣсть справедливую, которая, такъ сказать, вышедши изъ своего усыпленія и заблужденій, приводитъ грѣшника

ка въ себя самаго, заставляетъ чувствовать постигшее нещастіе, и вынуждаетъ сокрушаться о невозвратной потерѣ.

Страшны сіи оставленія; но есть еще ихъ ужаснѣе и тяготительнѣе. Грѣшная душа видитъ себя оставленною отъ своего Бога, т. е. отъ Бога исполненнаго нѣкогда къ ней благости, любви и милосердія, а теперь ничего въ себѣ непоказующаго, кромѣ правды, гнѣва и наказанія. Однако не подумаемъ изъ сего, будто въ самой сущности Богъ страшенъ. Когда онъ измѣняетъ имя нѣжнаго отца въ Бога воинствъ: тогда беззаконникъ, яко врагъ непримиримый, самъ располагаетъ его быть судіею правосуднымъ.

И такъ представимъ мы грѣшную душу въ семъ жалостномъ положеніи; вообразимъ, что она въ настоящую минуту исходитъ изъ тѣла своего; вдругъ представляется предъ судилище праведнаго Сердцевѣдца; одна предстоитъ предъ единымъ Богомъ; съ одной стороны рай, съ другой адъ, а посредѣ ихъ престолъ Божій; душа виситъ, такъ сказать, между Небомъ и землею; трепещетъ у ногу Судіи нелицепріятнаго; ждетъ во хладѣ вѣчнаго о себѣ опредѣленія; печальная

картина всей жизни представляется предъ ея глаза; съ начатковъ употребленія ума, даже до послѣдняго издыханія всѣ ея помышленія, всѣ ея слова, всѣ ея дѣянія, всѣ грѣхи входятъ съ нею на судъ предъ лице Божіе; сколько при семъ открывается тайныхъ худыхъ чувствій! сколько злыхъ сокровенныхъ намѣреній! сколько ложныхъ причинъ! сколько потаенныхъ беззаконій! сколько крайнихъ студодѣяній!

Не подумаемъ, будто много потребно времени для совершенія умирающему грѣшнику сего подробнаго о себѣ самомъ свидѣтельства и для рѣшенія жребія своего на всю вѣчность: виновная душа въ минуту всего и навсегда увидитъ себя лишенною. Въ то самое мгновеніе, какъ душа исходитъ отъ тѣла, находитъ повсюду Бога, и самъ Богъ вездѣ ей представляется. Присемъ Божественный свѣтъ поражаетъ очи ея; вдругъ видитъ она всѣ грѣхи свои, свое собственное о себѣ мнѣніе и свой вѣчный жребій; видитъ она грѣхи свои, и вмѣстѣ все ихъ множество, всѣ обстоятельства, всю гнусность, всю продолжительность; видитъ собственное по заслугамъ мнѣніе, и читаетъ полными очами, со-

знается въ справедливости онаго, въ причинахъ и какъ бы еще въ малости наказаній за беззаконія свои; видитъ жребій свой рѣшившимся на всю вѣчность, и не предполагаетъ, чтобы онъ измѣнился, или чтобъ возвратить потерянное было возможно, и такъ впадаетъ въ отчаяніе.

Не протекло еще минуты, и душа грѣшная испустила уже послѣднее дыханіе; ея тѣло лежитъ еще на одрѣ смертномъ; въ нѣкоторыхъ членахъ тѣла ея остается еще часть теплоты естественныя; предстоящіе окружаютъ еще останокъ друга своего въ глубокомъ молчаніи, орошаютъ его своими слезами, разглагольствуютъ объ немъ съ трепетомъ; тѣло грѣшное не сокрыто еще въ землю, но душа уже предъ Богомъ. . . . .

Вѣчная клятва Его на нее падаетъ по достоянію. Страшныя муки, немогущія никогда облегчить терзаній ея, мучительное отчаяніе, довершающее всѣ ея злоключенія, — вотъ наказанія беззаконій! Грѣшная душа, сама себя осуждая предъ Богомъ, удаляется отъ Него на вѣки, и такъ на вѣки не узритъ она немерцающаго свѣта, никогда не соединится съ Создателемъ бытія своего; непроницаемая тма

вѣчно будетъ скрывать Существо пресовершенное отъ очей ея; она учинитъ тяжкія воздыханія, и ихъ отвергнутъ; издастъ плачевный вопль, и его не услышатъ; ей надлежало бы всегда наслаждаться благополучіемъ, возобладавши Богомъ, но она разлучившись съ Нимъ, потерявъ Его, нескончаемое наслѣдитъ злощастіе. Сколь страшно и сколь мучительно будетъ отчаяніе души сея, души неимущія утѣшенія, ниже упованія, ниже какого либо средства къ измѣненію горестнаго состоянія на радость!

НАСТАВЛЕНІЕ XX

О

Седьми главнѣйшихъ пунктахъ осужденія нашего.

Частный и ужасный судъ непремѣнно я нѣкогда наслѣдую, Боже! наслѣдую во время неминуемыя и внезапныя смерти. Когда приближится ко мнѣ послѣдняя минута: тогда я отдать имѣю отчетъ предъ тобою, Создатель! во всей моей жизни, и получить рѣшеніе въ разсужденіи вѣчной своей

уча-

участии. Однако къ суду сему заблаговременно хочу я расположиться, заблаговременно желаю себя единаго представить предъ единымъ Тобою, какъ бы въявѣ созерцая будущее твое пришествіе. Теперь, Искупителю! повергнувшись къ подножію креста твоего, какъ бы повергаяся къ подножію Твоего судилища, предпринимаю я судить самаго себя, или лучше покушаюсь представить себя предъ Тобою, яко предъ Судіею высочайшимъ и хощу познать то, въ чемъ я нѣкогда судимъ буду.

Подкрѣпи, Боже! въ настоящій часъ всѣ силы памяти моей, могущей просвѣтить мой разумъ; усугуби всю тяжесть прискорбія, какое о содѣянныхъ мною злыхъ должно поражать мое сердце; сообщи мнѣ милости свои, которыя бы могли предуготовить мя къ страшному суду будущему и избавить отъ всѣхъ его строгихъ слѣдствій.

Что представляется очамъ моимъ? Судія высочайшій сидитъ на престолѣ славы; душа трепещущая у подножія престола Его со страхомъ ожидаетъ вѣчнаго о себѣ опредѣленія. Праведный Богъ развер заетъ книгу жизни и смерти

ти предъ очами ея; разверзаетъ, и судъ страшный начинается. Какое содержанїе помянутой книги? *Седьми главнѣйшихъ пунктовъ* краткая сила въ оной изображается. По симъ пунктамъ всѣ мы будемъ спрашиваемы и непремѣнно обязаны будемъ на нихъ отвѣтствовать. Приготовимся къ сему нынѣ, ибо отвѣты рѣшатъ нашу вѣчность.

1 е. мы строго будемъ судимы *во грѣхахъ содѣянныхъ*; во грѣхахъ помышленїя, словъ, дѣянїй, опущенїя; во грѣхахъ всей жизни и каждаго возраста; во грѣхахъ всѣхъ видовъ и всѣхъ обстоятельствъ; во грѣхахъ, можетъ быть утаенныхъ при покаянїи, ибо въ такомъ случаѣ ложный стыдъ, не смотря на тайныя грызенїя волнующейся совѣсти, запечатлѣваетъ у многихъ уста молчанїемъ; во грѣхахъ притворныхъ, объявленныхъ токмо въ половинѣ, прикрытыхъ лицемѣрїемъ за тѣмъ, что не хотѣлось намъ проникнуть въ згибы душевные и поколебать мнимый покой сердечный; во грѣхахъ забвенныхъ, но можетъ быть забвенныхъ по самоизволенїю, ибо какъ скоро приходятъ нѣкоторые въ здравое чувство, то вдругъ домогаются удалить отъ себя мысли, возмущающїя ихъ удовольствїе

и

и возраждающїя мученїе. Сколько, такъ сказать, сокровенныхъ чудовищъ покажется въ день великїй и судный!

Можетъ быть во время живота моего я притворялся быть нечувствительнымъ въ разсужденїи грѣховъ моихъ; извинялъ себя въ нихъ; но Богъ тогда представитъ мнѣ ихъ во всей гнусности. Увы! беззаконїя мои, сколько бы велики ни были, естьли бы я оплакалъ ихъ во времени, они бы прощены были: но естьли они по самую смерть во мнѣ живы были, то не умрутъ во вѣки, дѣлая судьбу мою злощастною.

2 е. Мы строго будемъ судимы *въ грѣхахъ*, которые побудили другихъ исполнить, яснѣе, *въ грѣхахъ соблазна.* Сколько худыхъ совѣтовъ, сколько дурныхъ примѣровъ, сколько подали случаевъ къ разгнѣванїю Бога и къ озлобленїю ближнихъ, сколько вольныхъ и соблазнительныхъ словъ, сколько развратныхъ книгъ, сколько непристойныхъ тѣлодвиженїй, неприличныхъ убранствъ, украшенїй развлекательныхъ, сколько злочестивыхъ шутокъ на щетъ Вѣры и святыхъ ея правилъ: во всемъ этомъ не стдадимъ ли мы отчета предъ Богомъ? Сколько изъ насъ явится виновныхъ предъ очами

Его

Его по шѣмъ преступленїямъ, которыми мы другихъ склонили ко грѣху, и по которымъ беззаконїя чужїя вмѣнятся намъ какъ бы въ собственныя наши?

Нещастные! не довольно ли для насъ быть обремененными собственными грѣхами, не участвуя въ тяжести грѣховъ ближнихъ? Однако таковъ будетъ судъ послѣднїй, что и за другихъ беззаконїя мы будемъ отвѣтствовать.

3 е. Мы строго будемъ судимы *во грѣхахъ*, въ которыхъ мы не воспрепятствовали другимъ, будучи на сїе обязаны. При безчисленныхъ случаяхъ мы бы сїе могли, да и должны сдѣлать. Всѣ мы обязаны представлять изъ себя примѣръ наставленїя по благоповеденїю; однако о семъ не стараемся. Видимъ мы часто людей изъ устъ своихъ производящихъ желчь и горесть; одно кроткое слово могло бы усладить раствоpенїе ихъ гортани; но мы въ сїе не вникаемъ. Многїе обязаны воспитанїемъ многихъ: но правящїе когда попускаютъ правимыхъ жить по стремленїю ихъ наклонностей; то не льзя, чтобы не отвѣчала нѣкогда кровь за кровь, другъ за своего друга. Слышимъ, что злословїе раздираетъ славу ближняго, нечестїе и безвѣрїе предпису-

писуютъ погибельныя правила; но подлое уваженіе человѣческое запечатало уста свои; сіе уваженіе есть порокъ, часто означаетъ соблазнъ, а иногда развращеніе и видъ богопротивника. Сколь многіе души будутъ отвѣчать предъ Богомъ во грѣхахъ, отъ которыхъ надлежало бы имъ воздержать прочихъ!

Не долженъ ли и я уличать себя самаго въ семъ упущеніи? Богъ будетъ нѣкогда судить меня въ ономъ, но не по совершенству милосердія, а по свойству неумолимаго правосудія своего. Что я буду отвѣчать Ему, когда самъ буду обязанъ непремѣнно осудить себя?

4 е. Мы строго будемъ судимы *въ добродѣтеляхъ*, которыя должны были исполнить, да не исполнили. *Вѣдущему добро творити и не творящему грѣхъ есть.* (*) Проповѣдовали слово Божіе: — внимали ли мы, слыша оное? Приносили божественную жертву; увѣщавали насъ учащать таинства: — спѣшили ли мы охотно къ слышанію первыя и къ исполненію послѣднихъ? Вопль нищеты и рыданіе бѣдности часто доходили до слуха нашего: отверзали ли мы онымъ въ нуждахъ ихъ нѣжное свое серд-

(*) Іак. IV. 17.

сердце и благодѣтельную руку? Больнымъ помогали ли въ немощахъ? Огорченныхъ утѣшали ли въ нещастїяхъ? Заключенныхъ въ темницѣ навѣщали ли въ ихъ узахъ? Сколь многїе изъ насъ живутъ спокойно потому единственно, что не впали въ великїя преступленїя: но какъ они возтрепещутъ нѣкогда, не сотворивши великихъ добродѣтелей, имѣя случай и средство къ исполненїю оныхъ? Грѣшная душа моя! молися непрестанно, содрогайся, суди сама себя, не ожидай, чтобъ въ разсужденїи упущенныхъ добродѣтелей самъ Богъ позвалъ тебя на свое судилище.

5 е. Мы строго будемъ судимы *въ самыхъ* исполненныхъ *добродѣтеляхъ*. Судїя нелицепрїятный, Судїя сердцевѣдящїй будетъ нѣкогда цѣнить самую нашу правду. Мы учинили добрыя дѣла: но какъ? По какимъ причинамъ, и съ какимъ намѣренїемъ? Тщеславїе и честолюбїе не имѣли ли на нихъ влїянїя? Милостыни, творимыя безъ разбора, молитвы безъ вниманїя, исповѣданїе безъ сокрушенїя, прїобщенїе святыхъ Таинъ безъ прїуготовленїя; древа обманчивыя! вы принесли плоды испорченные; червь ядотворнаго самолюбїя повредилъ оные. Каково будетъ

наше

наше состоянїе? Мы думаемъ, что заслужили великїя награжденїя дѣлами своими: но предъ Богомъ явимся и нищи и бѣдны и наги. Боже праведный, коль страшенъ будетъ судъ твой! На немъ, станется, что и добродѣтели наши осудятся: то, по чему я надѣялся получить милости твои и славу, послужитъ въ вѣчный стыдъ мой.

6е. Мы строго будемъ судимы *въ дарахъ благодати*, которые мы получили и ихъ не употребили на доброе, на пр: во многихъ способностяхъ душевныхъ, въ чтенїи Священнаго Писанїя, въ назидательныхъ примѣрахъ, въ живомъ вдохновенїи Святаго Духа, въ спасительномъ грызенїи совѣсти. Богъ, содержай мѣрило въ рукѣ своей, положитъ на одной странѣ свои дары и свои милости, а на другой будетъ ожидать, чтобъ мы положили свою вѣрность и наше соотвѣтствованїе взысканїю его. Во что же мы употребили дары его? Какой плодъ извлекли изъ его милостей? Тѵръ и Сїдонъ прїидите постыдить Хрїстїанъ неблагодарныхъ и вѣроломныхъ. Неблагодарные! речетъ нѣкогда Богъ, вы меня насильно принудили небреженїе о дарахъ моихъ положить причиною неминуемаго вашего злощастїя. То, чтобы

должно послужить къ нашему блаженству, обратится въ печать вѣчныя погибели и осужденія нашего.

Како, Боже мой! не воспрепещу при лицезрѣніи, или еще при единомъ чаяніи столь грознаго суда твоего? Естьли единое воображеніе сильно можетъ поколебать мною: то что уже я возчувствую во время самаго исполненія нелицепріятныхъ испытаній твоихъ?

7 е. Судъ, *подъ конецъ*, да еще судъ первыхъ строжайшій, исполнится надъ нами *въ дарахъ* благодати, *которыхъ* мы *не получали*. Какъ, можемъ ли мы быть въ томъ виновными, что намъ не дано свыше? Вотъ изъясненіе сего неминуемаго осужденія! Богъ ежедневно пріуготовляетъ намъ новые виды щедротъ своихъ: но когда мы ихъ не получаемъ, сіе происходитъ отъ нерадѣнія нашего о дарахъ первыхъ. Естьли бы мы ему *въ маломъ были вѣрны*: *то бы Онъ насъ и надъ многими поставилъ* (*). Начальныя милости привлекли бы послѣ другія еще драгоцѣннѣйшія. И такъ наша невѣрность удаляетъ отъ насъ щедроты Божіей, и по необходимости заставляетъ въ нихъ нѣ-

(*) Лук. XIX 17.

нѣкогда отвѣтствовать. Солнце блещетъ, а мы сжимаемъ очи свои; непрестанно осїяваетъ взоръ нашъ, а мы отвращаемъ оный: въ такомъ положенїи достойны ли мы извиненїя? Души заблуждающїе! когда прочїе будутъ осуждены за злоупотребленїе даровъ полученныхъ, тогда вы подпадете клятвѣ вѣчной еще за несообщенные вамъ!

Таковъ и еще строже будетъ судъ дня послѣдняго. О всемъ помянутомъ я буду истязуемъ; увы! что, естьли обрящется душа моя въ такомъ злощастномъ состоянїи, какое теперь я предначерталъ въ своемъ воображенїи? Что я тогда стану дѣлать? Естьли Судїя Верховнѣйшїй произнесетъ о жребїи моемъ строгое опредѣленїе, опредѣленїе на вѣчность меня осуждающее сими словами: *идите отъ мене проклятїи во огнь вѣчный* (*): тогда можно ли мнѣ будетъ избавиться событїя осужденїя сего? Заблаговременно, опасаясь толикїя клятвы, заблаговременно я ни о чемъ не долженъ болѣе стараться, какъ чаще размышлять о послѣднихъ, бояться грѣхопаденїй будущихъ и сожалѣть о содѣянныхъ беззаконїяхъ.

Л 2 Боже

(*) Мат. XXV. 41.

Боже долготерпѣливый! Колико смертные слѣпотствуютъ не разсуждая о страшномъ судѣ твоемъ день и нощь? Завтра, можетъ быть, онъ насъ всѣхъ постигнетъ: но мы нынѣ живемъ въ развлеченіи и въ заблужденіи. Судія праведный! не вниди въ судъ съ рабами своими: что бо явится предъ тобою человѣкъ виновный и грѣшный? — Я не знаю, каковъ будетъ жребій мой въ день испытанія страшнаго: пріобщуся ли я къ числу избранныхъ, или включенъ буду въ общество осужденныхъ? Не знаю!.. Но доколѣ еще обитаю въ мірѣ; ты всегда еще Отецъ благоутробный меня помилуешь. Услыши убо сокрушеніе сердца моего и воздыханіе теплое; услыши дондеже день есть. Съ моей стороны я готовъ къ суду твоему; рѣшимость свою открываю у подножія креста твоего; призри, — и соверши плодъ моея готовности и рѣшимости, да не судъ, а милости твои воспою во вѣки.

НАСТАВЛЕНІЕ XXI

О адѣ.

При размышленіи о адѣ три помышленія будутъ моимъ предметомъ. Онѣ во всю бы жизнь мою должны быть необходимою причиною неосушаемыхъ слезъ моихъ: но я забывалъ сіе. Боже! просвѣти и подкрѣпи мя при глубокомъ разсужденіи о сихъ страшныхъ истинахъ, кои живо изображаются въ моемъ разумѣ, какъ скоро я помышлю о адѣ!

Я увѣренъ, что заслуживаю адъ. Чтобъ наслѣдовать оный, слѣдуетъ токмо учинить единый смертный грѣхъ: но я сколько сотворилъ ихъ въ жизни моей? и по сему достоинъ крайняго наказанія. Естьли бы Богъ когда нибудь воззвалъ меня отъ міра сего, естьли бы въ такое-то лѣто и при такомъ-то обстоятельствѣ онъ поразилъ меня непредвидѣннымъ событіемъ смерти: въ какомъ бы положеніи я предъ Нимъ явился? Чего бы мнѣ должно было ожидать отъ него, кромѣ строгости правосуднаго гнѣва его? Но днесь, когда еще я не сопричисленъ совершенно къ осужденнымъ, не погребенъ еще въ глубинѣ неизмѣримыя бездны адс-

кія, не подлежу еще всѣмъ ужаснымъ мученіямъ вѣчности; сіе означаетъ особенное ко мнѣ Божіе милосердіе, еще щадящее меня низвергнуть въ пучину, въ которой бы я долженъ вкушать желчь и горесть вѣчнаго отчаянія. Въ животѣ моемъ сколько я обязанъ во угожденіе Богу предохранять себя отъ низверженія во адъ, столько уже, упадши въ него, не могу освободиться изъ онаго.

Есть ли бы Богъ воззвалъ Каина изъ сего мѣста казни, изъ сея темницы вѣчныя: какіе бы знаки благодарности, раскаянія и отвращенія отъ содѣяннаго зла онъ не примѣтилъ въ семъ грѣшникѣ? Могъ ли бы Каинъ имѣть въ себѣ столько нѣжныхъ чувствованій, сколько бы ихъ захотѣлъ посвятить Богу, и столько строгихъ изнуреній, которыя бы захотѣлъ употребить противъ себя самаго? Смотря на сіе моя къ Богу благодарность должна быть несравненно болѣе и живѣе: ибо гораздо свойственнѣе возсылать Всевышнему хвалы за благо непотерянное, и сіе ему любезнѣе, нежели располагать себя на прославленіе имени его по избавленіи мукъ вѣчныхъ, отъ мукъ ничѣмъ незамѣняемыхъ.

Я заслуживаю адъ. Вотъ состоянïе самое горестное и плачевное, въ которое меня ввергли мои грѣхопаденïя, и вотъ особенное дѣйствïе благодати Божïей, которое во всю жизнь мою отъ беззаконïй уклоняло, уклоняло по неизглаголанному милосердïю, заставляя меня предпочитать зло грѣховное всякому злу, быть въ мïрѣ могущему. Я согрѣшилъ, и при семъ любовь отеческая не до конца раздражалась моимъ нечестïемъ, долго сносила мое озлобленïе, призывала меня на покаянïе, ожидала моего обращенïя, не хотѣла погубить меня: но я, все отвергнувъ, ожесточился въ студодѣянïяхъ моихъ, самъ съ своей стороны заслужилъ адъ и достойнымъ сдѣлался всѣхъ мученïй его. Взирая на такое свое положенïе, я не скажу, какова должна быть моя благодарность, каковы должны быть мои восхищенïя. Одинъ грѣхъ мой заслуживаетъ источники слезъ: ибо одно преступленïе на вѣки меня осуждаетъ. Могу ли же я довольно оплакать безчисленныя свои беззаконïя? могу ли довольное совершить соболѣзнованïе о грѣхахъ безмѣрныхъ и паче власъ главы моей къ горшему злощастïю моему прïумноженныхъ?

Я заслуживаю адъ. При семъ неутѣшномъ помышленіи смущается душа моя предъ тобою, Боже! смущается, повергаясь къ стопамъ правосудія твоего; смущается, не смѣя ниже воззрѣть на величіе Твое, ниже что либо къ тебѣ проглаголати, развѣ едиными воздыханьми. Призри на оныя, яко на жертву чистѣйшую и искреннюю, какую только можетъ принести тебѣ отъ своея благодарности и сокрушенія согрѣшающій. Но . . .

Я не знаю, не заслуживаю ли я и въ настоящее время ада? какъ! — Я знаю, что согрѣшилъ смертно, и незнаю, принесъ ли покаяніе во грѣхѣ томъ, покаяніе истинное, чистосердечное, соразмѣрное величеству преступленія моего, могущее укротить гнѣвъ Божій и возвратить мнѣ благодать потерянную? Я знаю, что приступалъ нѣкогда къ святилищу покаянія: но не могу себя въ томъ увѣрить, что приступалъ къ святилищу сему съ должнымъ расположеніемъ, съ изслѣдованіемъ важности мѣста сего, съ соболѣзнованіемъ о своемъ недостоинствѣ, кратко, съ приличіемъ олтарю Господню. Естьли единое изъ сихъ правилъ я нарушилъ: то грѣхъ мой мнѣ неотпущенъ, а когда такъ, то

я совершенно и по сїе время пребывая въ состоянїи грѣшномъ, дѣйствительно заслуживаю адъ. Послѣднее нещастїе быть всегда неизвѣстнымъ въ разсужденїи исполненїя должностей, необходимо нужныхъ къ спасенїю душевному! Сїе служитъ къ твердому сведенїю о томъ, что я заслуживаю адъ каждую минуту. Какая погибель прогнѣвлять Бога и погублять неоцѣненное сокровище, — благодать Его! Блаженная и преблаженная та душа, которая всегда сохранила залогъ святыни, или обязанности исповѣданїя своего! блаженны младенцы, которыхъ преждевременная смерть восхитила отъ мїра сего вскорѣ по крещенїи ихъ, и прежде, нежели они имѣли нещастїе заразиться смертоносным ядомъ грѣховнымъ!

А что касается до меня, то я, потерявши посредствомъ грѣхопаденїй своихъ благодать Божїю, не знаю, улучу ли оправданїе? Не знаю, когда исповѣдую законъ и Вѣру? Въ сїе самое время не живу ли во грѣхѣ ожесточенїя, во грѣхѣ, по которому въ сїю самую минуту достоинъ ада?

Ужасная неизвѣстность, въ трепетъ приводящая на земли самыхъ праведниковъ, извлекающая изъ очей

 ихъ

ихъ множество слезъ, изъ сердецъ множество воздыханій и воплей! не знать совсемъ, достойны ли мы любви или ненависти, не знать совсемъ, что мы предъ очами Божіими представляемъ изъ себя сыновъ благоугождающихъ, или рабовъ гнѣва, не знать совсемъ, на краю ли мы стоимъ ада, и уже готовы въ оный низвергнуться, или отдалены отъ сей опасности; такого положенія нѣтъ мучительнѣе. И когда святые содрогались и трепетали взирая на сіе состояніе, святые, которые излили источники слезъ, произвели множество стенаній, перенесли строгое умерщвленіе страстей и плоти: то какія мнѣ должно имѣть чувствованія въ разсужденіи сего состоянія, мнѣ сотворшему безчисленныя беззаконія, но ни мало неудовлетворившему чрезъ раскаяніе правосудію Божію?

Однако находится еще положеніе, помянутаго несравненно ужаснѣйшее: я не знаю, не буду ли я нѣкогда на вѣки низвергнутъ во адъ и пріобщенъ къ числу осужденныхъ? Весьма нужно о семъ жалѣть и сего страшиться, дабы согрѣшивши не сказать, что уже не можно ни чрезъ какія средства получить прощенія: ибо *отчаяніе*

есть

есть послѣдняя крайность: да не менѣе также намъ должно опасаться и покаявшись: ибо пусть мы увѣрены съ одной стороны, что согрѣшивши принесли истинное покаянїе, что о беззаконїяхъ своихъ возъимѣли сердечное соболѣзнованїе, что отъ нечистоты душевныя очистились посредствомъ божественныхъ таинъ, словомъ, пусть мы увѣрены, что всѣ грѣхи наши прощены намъ, что мы взошли въ союзъ примиренїя съ Богомъ, и живемъ уже въ царствѣ благодати его: но не смотря на все сїе, все еще мы неизвѣстны, что не будемъ ли нѣкогда во адъ низвержены. По чему? Ибо сколько мы ни были бы тверды въ обладанїи даромъ благодати Господней; все еще въ томъ сомнительны, сбережемъ ли его до конца жизни? Не потеряемъ ли его прежде, нежели скончаемся? И точно ли пребудемъ вѣрными до послѣдняго издыханїя?

Истинно, что мы должны всего ожидать отъ милосердїя Божїя, а наипаче, естьли со времени рожденїя своего всегда старалися жить по внушенїямъ благодати; естьли въ продолженїи дней своихъ мы по человѣчеству упадали, и паки возстать спѣшили,

шили; по сему можно надѣяться, что благодать Божїя не оставитъ насъ и при послѣднемъ издыханіи, поддержитъ насъ во искушеніяхъ, не попуститъ ослабѣть подъ тягостію послѣднихъ сраженій: ибо таковъ есть обыкновенный порядокъ ея святаго Промысла. Но при семъ неизвѣстно ли также и то, что хотя всегда имѣемъ мы причину на что надѣяться, однако при семъ ни на что не смѣемъ положиться совершенно и твердо, что хотя всему мы можемъ предпочитать силу благодати Божїей; но до конца жизни не осмѣлимся жить, полагаясь на оную, во всякой безопасности. По сему-то никто и ничего достовѣрно о будущемъ жребіи своемъ не знаетъ; по сему-то великїе святые, души весьма праведныя, многїе исповѣдники часто и чистосердечно кающїеся, всегда будущія неизвѣстности трепетали. Что убо случится со мною, когда я весьма далекъ отъ ихъ святости? Со мною, сотворшимъ грѣховъ множество, а покаянія очень мало?

При воображеніи сихъ высокихъ и страшныхъ истинъ, истинъ непреложныхъ по предувѣренію нашего исповѣданія, какія священныя чувствованія

ванія должны быть начертаны на скрижалѣхъ моего сердца? Чувствованіе соболѣзнованія, благодарности, боязни и упованія на безконечную благость. *Пріими, Боже, отъ обращающіяся къ тебѣ души чувствованія сіи, чувствованія, твоею же благодатію сообщенныя.* Мы обязаны открывать предъ Богомъ *соболѣзнованія* въ томъ, что столь часто грѣхами своими заслуживаемъ адъ, грѣхами великими и безчисленными, грѣхами, не смотря на множество даровъ благодати его отъ начала юности нашей по сіе время пріумножающимися. Мы обязаны приносить Богу *Благодареніе* за то, что онъ не восхитилъ еще насъ отъ міра сего и во адъ не низвергъ, когда я, не исправляясь въ плачевномъ положеніи грѣховномъ, весьма достоинъ праведнаго гнѣва его и недостоинъ ниже малѣйшаго знака милосердія его. Мы должны питать въ себѣ *боязнь* и ужасъ видя опасность къ грѣхопаденію, опасность, въ которую вдавшись легко можемъ потерять оправданіе свое и спасеніе. А дабы неослабнѣе преуспѣвать намъ въ благочестіи, для сего нужно возлагать *упованіе* наше на неизреченную благость Человѣколюбца, которая, когда мы обѣщаемся нена-

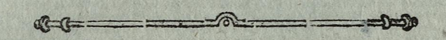
ви-

видѣть грѣхъ, рѣшительно располагаемся не творить беззаконій, сильна утвердить насъ въ семъ святомъ предпріятіи до послѣдняго издыханія.

Праведный Сердцевѣдецъ! я сознаюсь въ правдѣ сей, что я заслужилъ адъ, заслужилъ тысячекратно; Ты можеши низвергнуть меня въ оный правосудно, и въ такомъ случаѣ я одинъ буду виновникомъ своей погибели и вѣчнаго злощастія. Я заслужилъ его паче, нежели все безчисленное множество прочихъ, которые осуждены на казнь сію. Однако непрестаю еще до днесь восхвалять неизреченное ко мнѣ Твое милосердіе; ибо что я до днесь не пріобщенъ еще къ числу отъ любви твоей отлученныхъ, симъ долженъ Твоему милосердію. Восхваляю и въ вѣки не престану благословлять Пресвятое имя Твое: ибо я силою благости Твоей уповаю совершить неослабно теченіе Вѣры, понести даже до смерти всѣ подвиги оправданія, надежно соблюсти себя отъ грѣховъ, и безбоязненно поддержать себя въ рѣшимости, какую предпріялъ въ вѣчное отвращеніе и избѣжаніе всякаго студодѣянія. Не попусти, Премудрый Создатель! чтобы душа моя, которая по искупленію Новозавѣтному, столь

доро-

дорого тебѣ стоитъ. которая отъ купѣли получила безчисленныя Твои милости, которая создана на то, чтобы хвалить величїе щедротъ Твоихъ вѣчно, была напослѣдокъ доведена до того, чтобы тебя, неизъяснимое Благо, чрезъ все бытїе ненавидѣла, злохулила. О Всесильный! исхити лучше насъ въ юности дней нашихъ отъ мїра сего, нежели чтобъ такое злощастїе постигло кого либо на вѣки.

НАСТАВЛЕНІЕ XXII

О

Справедливости вѣчныхъ мукъ.

Многїе отвергаютъ вѣчность огня будущаго, многїе не допускаютъ нескончаемость адскихъ мученїй, и въ такомъ суевѣрїи силятся ложные мудрователи Бога самаго, естьли можно такъ выразить, постыдить въ нѣкоторой несправедливости.

Отчаянные грѣшники, для мнимой безопасности во грѣхахъ своихъ, отвергаютъ вѣчныя наказанїя; они говорятъ, что несообразно съ Божїимъ величїемъ, правосудїемъ и милосердїемъ бы-

бытіе злощастныя вѣчности: но мы разсмотримъ нелѣпыя ихъ мнѣнія нѣсколько подробнѣе, и изъ того познаемъ *справедливость вѣчныхъ наказаній.*

„Богъ есть существо высочайшее, „говорятъ противники: и такъ свойственно ли ему заниматься тѣмъ, „что творятъ ничего незначущіе „человѣки? Онъ самъ по себѣ преблаженъ: какая по сему нужда входить „ему въ состояніе низкихъ и малыхъ „сосудовъ? Погибаютъ они, или живутъ въ цѣлости? Благоденствуютъ, или претерпѣваютъ злощастіе „и бѣдность? Изнемогая зеліе ѣдятъ, „или, послѣдуя незазирающей совѣсти, „во всемъ исполняютъ стремленіе своихъ желаній? Словомъ, ведутъ себя „честно или безчестно? Живутъ добродѣтельно или беззаконно? „

Обманывающіеся мечтаніями своими противники! Раскройте священные книги божественнаго писанія; прочтите достойнѣйшія особеннаго вниманія пророчества; вы узрите за двѣ тысячи лѣтъ, или еще прежде, сомнѣнія свои рѣшенными отъ Святаго Духа. Вотъ точные глаголы писанія: „О Израиль! смѣешь ли ты помышлять, „можешь ли говорить о Іаковъ, будто „Богъ не знаетъ путей твоихъ, будто

„Вышній

„Вышній не имѣетъ причины зани-
„маться твоими дѣлами, а тѣмъ паче
„судить оныя? *Еда рѣчеши Іаковъ, и
что глаголалъ еси Іизраилю: утаися путь
мой отъ Бога, и Богъ мой, судъ отъя,
отступи?* (*) Не слышалъ ли ты отъ
отецъ своихъ, что *Вѣчный*, устроивъ
вселенную, сѣдитъ на престолѣ пре-
выше Небесъ, и примѣчаетъ вся подъ
стопами своими на земли бываемая?
Возведи очи свои горѣ и познай, кто
управляетъ чиномъ свѣтилъ небесныхъ,
не заимствуя ни отъ кого другаго ни
мудрости, ни силы? Познай, кто дви-
жетъ кругомъ вселенныя? Есть ли
Богъ одушевляетъ всяческая въ мірѣ:
то можетъ ли Онъ не созерцать, что
въ мірѣ происходитъ? Можетъ ли,
обитаяй въ душахъ нашихъ, не знать,
что они исполняютъ? — Грѣшникъ
для того только праведное Божество
почитаетъ отъ себя весьма отдален-
нымъ, дабы смѣлѣе содѣвать беззако-
нія. Однако и сей при случаѣ не знаетъ
ли, кто ему даровалъ бытіе жизнь и
движеніе? Изъ человѣкъ кто бы и какъ
порочень ни былъ, нельзя, чтобы совсемъ
истребилъ понятіе о Творцѣ своемъ?

(*) Исх. XL. 27.

Какъ же нѣкоторые желаютъ, чтобъ сотворившій очи для зрѣнія, уши для слышанія, уста для словесности, разумъ для знаній, сердце для любви добродѣтели, не вникалъ въ дѣйствія сихъ человѣческихъ способностей? Какъ можно не знать тому помышленій нашихъ, отъ кого устроено хранилище мыслей? Какъ не знать тому дѣяній нашихъ, кто каждую минутуназираетъ бытіе наше? Очи Господни призираютъ и на злая человѣковъ.

Безъ сомнѣнія, когда мы понимаемъ Бога пресовершеннымъ; тогда мы почитаемъ Его такимъ Существомъ, отъ котораго ничто не можетъ быть скрыто и утаено, которое видитъ внутренняя и мгновенная въ сердцахъ человѣческихъ; видитъ не токмо дѣянія, но самыя намѣренія; видитъ, и сіе его не утруждаетъ. Смертные, судя по слабости своего ограниченнаго разума, думаютъ также и о Богѣ, думаютъ соблажняясь — „что де не нужно заниматься Существу Преблагому необъемлемою подробностію дѣяній, предпріятій и желаній всякаго возраста, состоянія и пола человѣческаго:„ но кому вы меня уподобляете,

ляете, глаголетъ самъ Богъ къ людемъ тако о немъ помышляющимъ? Не уже ли вы меня сравниваете съ человѣкомъ устающимъ и изнуряющимся? Самая крѣпкая юность имѣетъ свои слабости и изнеможенїе, цвѣтущїй возрастъ упадаетъ подъ бременемъ неподсильныхъ тягостей: но тотъ, въ десницѣ коего содержатся всѣ силы, кто подкрѣпляетъ немощныхъ и возставляетъ падшихъ, — Богъ крѣпкїй не изнеможетъ, *не взалчетъ, ниже утрудится* (*). Въ немъ все есть дѣйствїе и вмѣстѣ успокоенїе. Его Промыслъ, производя въ мїрѣ славная и неизслѣдная, не требуетъ помощи; Его Премудрость, объемля малая съ великими, не имѣетъ нужды ни въ продолжительныхъ размышленїяхъ, ни въ глубокихъ изысканїяхъ, ниже въ высокихъ наукахъ. Вся нага и объявлена предъ очима его; Онъ все видитъ и знаетъ. Онъ призываетъ на служенїе себѣ Кира еще за двѣсти лѣтъ до бытїя его; Онъ познаетъ Пророка прежде еще зачатїя его въ матернемъ чревѣ; Онъ несущая нарицаетъ яко сущая, и все созидается;

 Ему,

(*) Исаїи XL. ст. 28.

Ему, чтобы познать всяческая, стоитъ токмо познать себя самаго, или лучше воззрѣть токмо на себя самаго. Итакъ не говорите, противники, будто неприлично или излишне есть для Бога заниматься тѣмъ, что творятъ человѣки. Свѣденїе его обширнѣе, нежели сколько безчисленны дѣянїя смертныхъ, разумъ несравненно прозорливѣе, нежели сколько хитры грѣшники въ прикрытїи неправдъ своихъ, и правосудїе его безконечно святѣе, нежели сколько считаютъ себя невинными дерзновенные преступники, или сколько ласкаются въ злобѣ своей быть ненаказанными.

„Но сообразно ли съ благостїю без„конечною за минутныя преступленїя „осуждать немощныхъ тварей на вѣч„ное мученїе? Вѣчное правосудїе не „должно ли хранить праведную сораз„мѣрность между преступленїями и „наказанїемъ?„ — По сему неправеденъ Богъ вашъ, чада Іизраилевы? Внемли доме Іаковль: путїе мои суть ли путїе неправды, или стези ваши суть стези развращенны? Всѣхъ души въ десницѣ моей; но душа грѣшнича погибнетъ сама по себѣ: нечестїе бо нечестиваго падетъ на главу его. Азъ

по

по себѣ не прилагаюся гнѣву; но уязвляющїе и раздирающїе сердце мое, яко песокъ, сокрушатся подъ ногама моима. Азъ потопивый нѣкогда беззаконныхъ, пошлю огнь съ небесе, да поястъ люди неправедные. Испытуяй сердца и утробы воздастъ нѣкогда коемуждо должная по дѣламъ его. Тако глаголетъ Духъ Святый на многихъ мѣстахъ священнаго писанїя не входя ни въ какой совѣтъ съ оправдывающимися грѣшниками. Да и нашимъ ли помышленїямъ измѣрять судьбы Божїи?

Однако, чтобъ всѣ вѣрили и не сомнѣвались о справедливости вѣчныхъ мученїй, Богъ восхотѣлъ въ словѣ своемъ открыть двѣ тому главныя причины. Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что унаслѣдившїе адъ неудобны уже будутъ удовлетворить за свои беззаконїя: ибо *во адѣ никто же исповѣстся*, а все удовлетворенїе правдѣ Божїей бываетъ на земли чрезъ заслуги Хрїстовы. Осужденные не будутъ имѣть никакой части въ залогѣ благодатнаго оправданїя; ибо какое можетъ быть сообщенїе между Іисусомъ Хрїстомъ и Велїаромъ? Никакое не можетъ быть соединенїе даровъ не-

бесныхъ съ злобою сыновъ преисподнихъ; никакой взглядъ благоутробнаго Человѣколюбца не пройдетъ сквозь непроницаемую тму, отдѣляющую праведныхъ отъ неправедныхъ; никакая искра любви Превѣчнаго Слова не освятитъ страждущихъ во странѣ смертней; ни единая капля крови Хрїстовой не устудитъ пламени огня вѣчнаго, словомъ, для осужденныхъ не будетъ уже Ходатая, слѣдственно не будетъ уже и избавленїя. Познаемъ убо изъ сего, сколь драгоцѣнно для насъ умѣть въ животѣ своемъ пользоваться заслугами Хрїстовыми, умѣть наслаждаться ими тогда, когда они для насъ отверсты и дѣйствительны, а по смерти нѣсть благодати избавленїя осужденнымъ.

Вторая причина, удостовѣряющая насъ въ справедливости вѣчныхъ мученїй есть слѣдующая: и разумъ и писанїе доказываютъ, что осужденные во адѣ всегда будутъ грѣшить, слѣдственно вѣчно будутъ мучимы; всегда будутъ прилѣплены къ своимъ беззаконїямъ, прилѣплены жестокосердо; а по сему Богъ истинный непрестанно ихъ будетъ наказывать и наказывать правосудно. „Но какое пра-

„восу-

„восудїе за минутныя прегрѣшенїя „наказывать безконечными мученїя„ми?„ Подлинно! минутны беззаконїя согрѣшающихъ; наши сладострастныя *прихоти* столь скоро преходятъ, наши съ обидою обрѣтаемыя почести столь скоро изчезаютъ, наши неправедныя стяжанїя столь скоро протекаютъ, что мы почти и не видимъ бытїя сихъ преступленїй: но при всей ихъ скорой гиблемости и ничтожествѣ не льзя намъ не знать, что не *долговременность* составляетъ мѣру, величїе и гнусность преступленїй, не *продолжительность* придаетъ важность беззаконїямъ, но впаденїе наше изъ одного греха въ другой *намѣренное*, впаденїе, обращающееся въ навыкъ и какъ бы въ самую природу; съ другой стороны *качество* озлобленїя всегда должно быть судимо по отношенїю *къ лицу*, которое озлоблено. По сему естьли раздраженное *лице* безконечно велико; то преступники, раздражившїи его, заслуживаютъ безконечное наказанїе. Истинная соразмѣрность между преступленїями и наказанїемъ не можетъ быть никогда истинною, естьли будетъ нарушаема справедливость сказаннаго предположенїя.

Кромѣ сего согласимся, что правду наносятъ противники, когда говорятъ, что ихъ преступленія минутны: но онѣ минутны по отношенію къ намъ, а не къ Богу. Ибо пусть иногда беззаконное дѣйствіе скоро протекаетъ: но отъ него часто сердце человѣческое на всегда дѣлается поврежденнымъ? Грѣхи наши въ очесѣхъ другихъ и другихъ въ очесѣхъ нашихъ изчезаютъ скоро; но они предъ Всевидящимъ окомъ, для котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, *вѣчно живы*, да и къ намъ во отношеніи не всегда ли сіе бываетъ, что наклонность ко грѣху измѣняется непреоборимо въ самое дѣйствіе; дѣйствіе укоренившись обращается въ кровь такъ, что грѣхъ въ мертвеннѣмъ тѣлѣ нашемъ начинаетъ царствовать до гроба, а нерѣдко и на всю вѣчность? Древо гдѣ падетъ, тамо и пребудетъ: тако и человѣкъ куда преселится по смерти, тамо и пребудетъ вѣчно. Наслѣдившіе адъ не избавятся отъ него: ибо во адѣ нѣсть уже исповѣданія; а слѣдственно и помилованія. Осужденные вѣчно преклонны будутъ ко злу, и вѣчно за оное будутъ казнимы. Сіи вѣчно будутъ, яко бѣснуемые непрестан-

станно неистовствовать, и такъ всегда достойно будутъ содержимы во узахъ. О сихъ-то участникахъ Праведнаго гнѣва Божія свидѣтельствуется: *сіи суть духи, иже местію и яростію своею утвердиша раны своя* (*).

Подлинно! сіи-то злощастные грѣшники чѣмъ праведнѣе понесутъ наказаніе, тѣмъ паче оказывать себя не престанутъ въ злобѣ своей ожесточенными. Ихъ уста исполнятся злохуленія имени Божія, ихъ очи исполнятся огнемъ зависти въ разсужденіи наслѣдія обитающихъ съ небесными силами, ихъ сердца растворены будутъ желчію ненависти въ разсужденіи всякія правды. Они вѣчно станутъ вооружаться противу истины, и истина вѣчно-ихъ будетъ наказывать. *Сіи-то суть духи, иже яростію своею утвердятъ раны своя.* Они паче и паче окаменѣлыми представятся въ ожесточеніи своемъ, и по сему клятва, по достоянію на нихъ упадшая, не скончается въ роды и роды. По сему нераскаянію вмѣсто призыванія милостей Господнихъ, они сами будутъ требовать горшихъ наказаній правды его. „Величайшее изъ „всѣхъ

(*) Сір. XXXIX. 34.

„всѣхъ мщеній для живущихъ во адѣ „будетъ непреоборимая наклонность „къ содѣяннымъ беззаконіямъ„, поучаетъ блаженный Августинъ, и справедливо! Всегда желать грѣшить и грѣшить ожесточенно, такое состояніе можетъ ли быть радостно и отрадно? Нераскаяннымъ беззаконникамъ сообщать дары милостей своихъ есть дѣло со стороны вѣчнаго правосудія со всемъ не возможное.

И такъ для чего намъ не довѣрять событію вѣчныхъ мукъ за минутные грѣхи свои, по одному токмо нашему ложному воображенію минутные? По наружности судя, злодѣянія наши, кажется, оканчиваются скоро и изчезаютъ; но сѣмя зла, укоренившееся глубоко въ сердцѣ нашемъ, всегда возобновляетъ ядотворный и пагубный плодъ свой. Но умолчавъ о нескончаемыхъ слѣдствіяхъ грѣхопаденій представимъ себѣ, есть ли мы ни мало не сомнѣваемся о полученіи вѣчныхъ наградъ за краткія такъ же свои добродѣтели: то можно ли уже отвергать вѣчное наказаніе за грѣхи наши? Праведенъ Господь въ дѣлахъ своихъ. „Но, *можетъ* „*быть*, скажутъ на конецъ противники, „*можетъ быть* благость Божія на наши

„каз-

„казни умилосердится, *можетъ быть* „кровь Искупителева не попуститъ „безотрадно во вѣки мучиться ча„дамъ своимъ? „ О смертные! доколѣ будемъ надѣяться на *можетъ быть*? доколѣ будемъ погублять спасеніе наше? *Можетъ быть* неизвѣстно, а извѣстно, что унаслѣдившіе адъ не спасутся: по сему доколѣ согрѣшая намѣренно пребудемъ въ покоѣ и въ безопасности? Гдѣ наше благоразуміе? Для снисканія корыстей временныхъ, мы входимъ въ подробность каждаго дѣла, разсматриваемъ его со всѣхъ сторонъ основательно: но что касается до вѣчности, мы смотримъ на оную завязанными глазами; судимъ о благихъ ея подобно младенцамъ, всему не довѣряя, или полагаясь на единое *можетъ быть*.

Неукротимая во гнѣвѣ своемъ правда вѣчная! поелику источникъ милостей твоихъ ниже единою каплею оживотворитъ когда-либо души мучимыя во адѣ: то не попусти насъ, чтобъ мы злоупотребивъ дары твои достигли до толь плачевнаго состоянія! Осужденные, любя нечестіе свое, никогда съ тобою соединиться не могутъ: ибо свѣтъ мраку и мракъ свѣту, добродѣтель пороку и порокъ добродѣ-

„казни *быть*
„кровь титЪ
„безоп ча-
„дамЪ околѣ
будем *ыть* ?
доколѣ е на-
ше? М извѣ-
стно, асут-
ся: по ѣрен-
но прес асно-
сти? снис-
канія вхо-
димЪ ѣла,
разсма ронЪ
основа вѣч-
ности, язан-
ными Ъ ея
подобно ряя,
или по *ыть.*
Неу прав-
да вѣчн мило-
стей плею
оживот му-
чимыя асЪ,
чтобЪ твои
достигл поя-
нія! Ос вое,
никогда мо-
гутЪ: свѣ-
ту, доб доб-
одѣ.

родѣтели вѣчно будутъ противны. Но Ты, неизслѣдимая благостей пучина, сотвори, что бы согрѣшающїе на земли испытали адъ для избавленїя ада вѣчнаго! устрой безконечнымъ своимъ милосердїемъ, чтобъ избранные, погрѣшая предъ тобою, обращались на покаянїе, и тако не судъ, а милости твои прославили бы во вѣки!

Конецъ первой Части.

